В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА МЕЧТАТЕЛЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

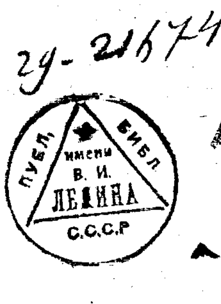
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. НЕВСКОГО И П. АНАТОЛЬЕВА

В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-МЕЧТАТЕЛЯ

С портретом автора

ПРЕДИСЛОВИЕ
М. КЛЕВЕНСКОГО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Москва 1929 Ленинград

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

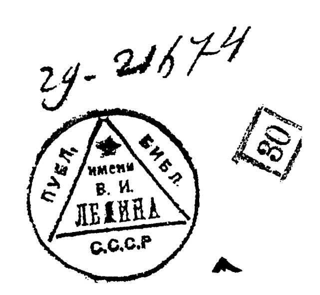
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. НЕВСКОГО И П. АНАТОЛЬЕВА

В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-МЕЧТАТЕЛЯ

С портретом автора

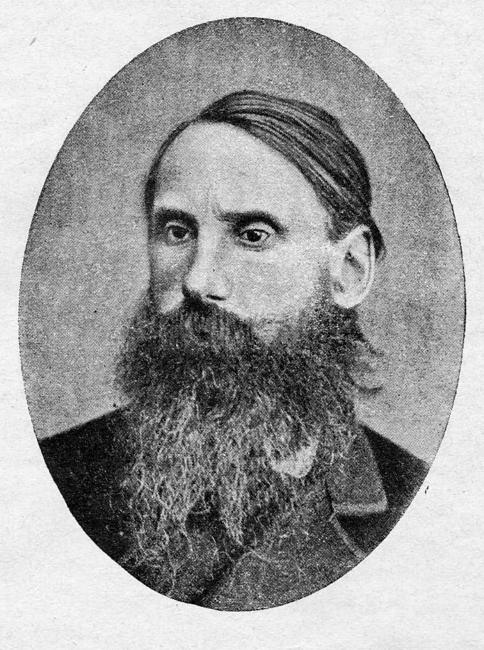
ПРЕДИСЛОВИЕ
М. КЛЕВЕНСКОГО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Москва 1929 Ленинград

Обложка—гравюра на дереве работы Н. П. Дмитровского

Типография Изд-ва „Молодая Гвардия". Ленинград, В. О., 5 л., 28. Зак. Издат. № 3072. Ред. план № 519. Главлит № А-32196. Печат. л. 15 Тираж 4.000 экз.

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор печатаемых воспоминаний, Василий Васильевич (иначе Вильгельм Вильгельмович) Берви, представляет очень своеобразную фигуру в развитии русской общественной мысли. Это — несколько особняком стоящий революционер-мечтатель и мыслитель. Он жил исключительно долго — с 1829 по 1918 год, и молодость его падает еще на эпоху Николая I.

В начале своей книги Берви дает немало любопытных изображений этого времени. Полная продуманность всякой живой мысли в литературе и обществе; студенчество, предававшееся дикому пьянству; взяточничество и всяческое беззаконие чиновников; угнетенное барским или чиновничьим произволом крестьянство; бюрократические порядки в центре, при которых форменный сумасшедший мог управлять министерством, — вот некоторые из сторон старого режима, нашедшие место в воспоминаниях Берви.

Лучшая часть дворянской и буржуазной молодежи Николаевской эпохи, брезгливо сторонясь от такой действительности, жадно хваталась за книги, открывавшие иные горизонты, и в дружеских кружках самообразования стремилась создать свою идеологию, отличную от того, чем жила окружающая обывательщина.

Юность Берви прошла одиноко, он не знал влияния таких кружков, как, например, знаменитый кружок Герцена, Огарева и др., но тем сильнее его мысль питалась книгами. Следует отметить, между прочим, то сильнейшее влияние, какое оказали на его складывающееся мировоззрение сочинения о французской революции конца XVIII века. Это — характерное явление: великая буржуазная революция в течение долгого времени, начиная с первых десятилетий XIX века, оказывала идейное воздействие на русскую революционно настроенную молодежь.

В следующие годы у Берви к влиянию литературы прибавилось еще общение с живыми людьми радикальных настроений — с поклонниками Петрашевского, попавшими в Казань.

Для истории русской общественной мысли очень ценно свидетельство Берви о громадном облагораживающем влиянии кружка Петрашевского на тогдашнюю молодежь, не только столичную, но и провинциальную.

Умственные взгляды Берви складывались в ту эпоху, когда еще очень твердо держался идеализм и когда социализм, исповедуемый наиболее передовыми людьми, носил еще, в виде правила, не научный, а утопический характер. Идеалистом и утопистом Берви остался в основном на всю жизнь. Это, пожалуй, наиболее ярко выраженный русский утопический социализм за весь XIX век.

Как все утописты, Берви склонен думать, что все недостатки и бедствия общественной жизни происходят от неумения правильно понимать вещи и что стоит только людям усвоить истинные взгляды — и весь строй человеческих отношений немедленно изменится: вместо существующего ада создастся рай. „Создать правильное общественное мнение значит разрешить социальную задачу", — пишет он. Он доказывал, что вместо вражды и конкуренции между людьми должны установиться солидарность и братство, но, совершенно не понимая значения классовой борьбы, он не представлял себе путей, какими может быть достигнуто это братство. В своем утопическом фанатизме он додумывался до таких идей, как создание новой породы людей или создание новой религии.

По натуре своей Берви был совсем не революционер, а мечтатель-энтузиаст и моралист. Он предпочитал мирные пути развития и наивно был убежден, что если бы вместо Александра II царем России в 1855 г. сделался человек большого ума и прозорливости, который понял бы, чего требуют интересы общественного развития и смело взялся бы за соответственные реформы, то Россия стала бы во главе социального движения во всем мире. „Неограниченный император, осуществляющий социальную идею в таких обширных

размерах и с таким полным успехом, о котором на Западе невозможно было и думать, был бы для Западной Европы поразительным и назидательным зрелищем".

Он сам говорит в своих воспоминаниях, что в эпоху реформ он был не более, как умеренный либерал. Не о деятельности революционера мечтал он тогда, а о карьере ученого. Его влечение к умственной работе было сильнейшим влечением его жизни; знания его в различных областях были чрезвычайно обширны. Когда в 1861 г. ему представилась возможность стать профессором в университете, то ему казалось, что он достиг цели своей жизни.

Однако профессором ему не пришлось стать. Вместо того он пошел в ссылку и там, как говорит он в воспоминаниях, усвоил более крайние взгляды. Если этот кабинетный ученый и моралист-мечтатель стал революционером, то причиной этого являются общественные условия самодержавного режима, делавшие невозможными для всякого нравственно-чуткого человека мирную культурную деятельность. Уже первое общественное выступление Берви по поводу тверских мировых посредников, выступление на почве существующих законов, привело его... в сумасшедший дом для освидетельствования его умственных способностей.

В течение своей долгой жизни Берви, как уже сказано, занимал особую позицию и стоял несколько в стороне от активно действующих революционеров и их идеологов. Но было время, когда он тесно с ними сблизился и оказался в главном русле современного революционного движения. Это было в начале 70-х гг., когда подготовлялось и осуществлялось „хождение в народ". В эту пору между восторженно настроенной революционной молодежью и уже зрелым по возрасту энтузиастом Берви установилось большое взаимное понимание. К нему в Любань, а затем в Финляндию ездили за советами и указаниями, перед его авторитетом преклонялись. Один из деятелей 70-х гг. (Аптекман) так говорит об этом: „Он всецело владел нами, как „учитель жизни", как один из благороднейших друзей народа, как талантливый писатель и благородный мыслитель, — одним

словом, как друг-писатель молодежи... В истории нашего движения в народ Берви сыграл выдающуюся роль и как писатель и как личность".

Если, с одной стороны, молодые семидесятники относились к Берви, как к учителю, и глубоко чтили его, то и Берви преклонялся перед высоким моральным строем и беззаветным мужеством народников-революционеров, хотя не со всеми их мыслями был согласен.

В очень близких отношениях был Берви с самой влиятельной и самой активной группой ранних семидесятников — с „чайковцами". В числе прочих книг чайковцы усиленно распространяли две книги Берви (напечатанные под псевдонимом „Н. Флеровский"): „Положение рабочего класса в России" и „Азбуку социальных наук". Потом с Берви сблизились руководители „долгушинцев", для них Берви написал прокламацию „Как надо жить по закону природы и правды", которую они отпечатали в тайной типографии и распространяли в народе.

Две названные книги Берви в 70-е гг. были настольными книгами народнической молодежи, производили на нее огромное влияние.

„Положение рабочего класса в России" высоко ценилось и К. Марксом. В 1870 г., только-что ознакомившись с этой книгой, он писал одному русскому революционеру. „Это — труд серьезного наблюдения, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не теряющего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века".

Под „рабочим классом" Берви подразумевает не пролетариат, а всех работников физического труда тогдашней России, т. е. прежде всего крестьянство. Он в своей книге подвел итоги тому, что

„освобождение“ дало народу, и нарисовал картину ужасающего разорения и обнищания. Вывод, к которому он приходит, таков: „На Западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны, несчастны... Нашего крестьянина не только нельзя сравнивать с современным пролетарием Германии, Франции или Англии, но даже с французским работником прошлого столетия, т. е. того времени, которое считалось самым бедственным для французского рабочего класса“. Аптекман говорит: „Впечатление, произведенное этой книгой на молодое поколение семидесятых годов, было поистине потрясающее... Впервые „великая крестьянская реформа“ выявилась в том виде, в каком она была в действительности. Впервые мы узнали доподлинно, что она действительно дала народу... Молодежь была потрясена до глубины своей души“.

Другая книга Берви, „Азбука социальных наук“, представляет попытку дать философию и мораль коллективизма. Дарвиновской „борьбе за существование“ здесь противополагается „союз за существование“. Пользуясь многочисленными примерами из истории культуры, автор доказывает, что движение человечества вперед всегда вызывалось не химерическими действиями, не завоеванием и насилием, а исключительно стремлением людей к мирному совместному труду. Азбука общественных знаний и состоит для него в том, что люди стремятся к солидарности, к трудовому коллективизму; нужно только, чтобы они вполне осознали это и действовали в этом смысле планомерно и последовательно.

Для нашего времени эти мечты о всеобщем братстве людей утописта, не понимающего, что диалектика истории ведет к такому братству через борьбу и насилие, имеют только исторический интерес. В 70-е же годы, да еще и позднее, „Азбука“ Берви читалась молодежью с жадностью, будила мысль и чувство, вызывала восхищение.

Правительство не могло простить Берви то, что он—автор этих двух книг. Оно считало его очень опасным по его влиянию на молодежь и в течение четверти века непрерывно преследовало его, держа

все время под строжайшим надзором полиции и пересылая с одного места в другое. Часть этих подневольных странствований и злоключений описана им в его книге.

Мемуары свои В. В. Берви писал в 90-х гг., когда он несколько лет жил в Лондоне. У него получилась объемистая книга под заглавием „Три политических системы“ — отчасти воспоминания, отчасти изложение автором своих общих взглядов. Когда после этого Берви решил вернуться в Россию, правительство не ставило этому препятствий и не подвергло его репрессиям по возвращении. В эту пору он был уже стар и устал от своей многотрудной жизни. Заграничный правительственный агент сообщал о нем по начальству в 1896 г. так „Флеровский живет особняком от всей эмиграции, не принимает ни в чем участия и, в качестве разочарованного революционера, собирается вместе с женою вернуться в Россию“. К тому же он был к этому времени забыт новыми революционными поколениями: имя его им ничего или почти ничего не говорило. При таких условиях решили, что старик не представляет опасности и что его можно более или менее оставить в покое.

Для настоящего издания взят тот текст воспоминаний Берви, который был напечатан в журнале „Голос Минувшего“ за 1915 и 1916 гг. Текст подвергнут сокращению: Берви в своих сочинениях вообще отличался склонностью к некоторому многословию. Выброшены многие из его рассуждений, равно как и мало значительные практические сообщения. Сохранено все то, что представляет исторический интерес для современного читателя: рассказ о привилегированных классах, прежде всего о чиновничестве Николаевской эпохи, об общественном подъеме 60-х гг., о революционерах-семидесятниках, с которыми Берви имел сношения, о жизни политических ссыльных и поднадзорных в разных концах России.

М. Клевенский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО и СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Глава первая

ДЕТСТВО

Я родился в 1829 году — в самую мрачную эпоху Николаевского режима. Мой отец, профессор казанского университета, заметив во мне любознательность, заботился лишь об одном: чтобы я не мог заразиться вольнодумством.

Заботы его не увенчались успехом.

Отцу и в голову не приходило запирать свой кабинет и свою библиотеку, я проникал туда в его отсутствии. Тут я жадно набирался того вольнодумства, о существовании которого я ничего не должен был знать. В особенности меня прельщала история великой французской революции. По плану я следил за всеми движениями народной толпы в это время.

Наивный ребенок, заброшенный в среду дикарей, я приобрел страсть думать.

Не было ни одного человека, с которым бы я мог поделиться своими мыслями, не было ни одного, от которого я бы мог услыхать живое слово.

У меня были две жизни: одна — среди людей, тяжелая, мучительная, другая — в мире книг, в мире мысли и благородного возвышенного чувства, которую я тщательно скрывал от всех.

Я читал и думал, передумывал и перечитывал до того, что окончательно изнурял свои силы, по целым неделям и месяцам я чувствовал такое утомление во

всем теле, что едва ходил. В особенности в часы глубокой ночи, когда все спало. Я любил предаваться своим размышлениям при тусклом свете сальной свечи.

Однажды в ночной час, когда среди общего безмолвия раздался торжественный звон к заутрене, я пришел к окончательному убеждению, что бессмертие души не существует. Помню, что я кинулся в кресло и горько разрыдался. Теперь между мною и прочими людьми все покончено: все верят, все имеют надежду и утешение, я один не могу верить. Я не видал ни одного человека, который бы не верил в бессмертие души, и считал такого человека невозможным; я не давал себе отчета в том, как и почему я поставил себе этот вопрос, и мне казалось, что отныне я осужден на вечное одиночество. Все люди с презрением и ненавистью отвергнут меня: я сам удалюсь от них, убегая от их злых ко мне чувств.

Я получил два воспитания: одно—давали мне люди, другое—я давал сам себе.

Шестнадцати лет я поступил в университет.

Глава вторая

ПЕТРАШЕВСКИЙ И МОЛОДЕЖЬ

До европейской революции 1848 г. [1] политические и социальные идеи составляли для русской молодежи закрытую книгу. Студенты университетов, в особенности провинциальных, пьянствовали, играли в карты и занимались удалыми похождениями, драками с полицией, с кузнецами и другим рабочим народом.

Даже в Петербурге нередко мертвецки пьяные студенты валялись по улицам.

Император Николай[2] довел учащуюся молодежь до последней степени унижения, закрыл университеты виленский и варшавский, чрезвычайно стеснил умственное движение в России.

В Казани профессор государственного права читал свои лекции по своду законов, из свода он выбирал те статьи, которые ему были нужны, и читал их без всякого изменения в тексте, как законоучитель повторяет буквально слова катехизиса. Вставить свое слово ему запрещалось: он мог внести ересь в чистоту идей русского государственного права.

В петербургской публичной библиотеке отдел для книг юридического и социального содержания находился в умышленном запущении. Для заведывания им назначен был самый глупый человек, какого возможно было найти.

Среди этого рабского унижения мысли, которое довело невежество политическое и социальное до последних пределов возможного, вдруг появляется человек энергический, смелый, красноречивый. Он решается вырвать молодежь из болота загрубелости и апатического невежества, в котором она погрязла по самую маковку, и забросить в ее душу неведомый ею дотоле энтузиазм. То был Петрашевский[3]. Около него образуется небольшой кружок. Петрашевский проповедует им ученье Фурье[4] и умеет одушевить их таким восторгом, что они готовы за свою новую веру перенести все муки и страдания. Человеку, который не видел кругом себя того, что тогда делалось, трудно дать понятие о том облагораживающем действии, какое это учение производило на тогдашнюю молодежь.

В обществе царило беспредельное, грубейшее презрение к народу, как к низшей породе людей, годных

только на то, чтобы вынимать из них все силы и соки. Да и в среде самого общества, благодаря привычкам, развитым рабовладельчеством, нравы, вкусы и манеры были грубы до последней степени. Были такие семейства, где весь разговор вертелся около обманов на базарах, выражался в ругани, ненависти к своей крепостной. прислуге.

Чиновники вечно ругали народ и хвалились грубым своим обращением с ним.

Я помню впечатление, которое производили сочинения Щедрина[5], появившиеся при Александре II[6], на этих чиновников. Он выставлял типы чиновничьего произвола и чиновничьей жестокости, но чиновникам они казались вовсе не сатирой, а образцами для подражания; я помню чиновников, которые очень любили говорить о пытках, употребляемых противозаконно при следствиях.

И вот перед людьми, воспитанными в такой среде, Петрашевский излагал пламенным языком идеи братства, общего труда, общей жизни, полного удовлетворения всех потребностей, полного равенства и безоблачной любви. Люди перерождались, слушая его; у него явилась куча последователей, которые искали какого-нибудь, хотя бы и незначительного дела.

Петрашевский при их помощи организовал торговлю запрещенными книгами и кругом его плодились кружки, которые устраивали у себя библиотеки, наполненные наполовину запрещенными и наполовину дозволенными книгами серьезного содержания.

Эти книги питали и ум и чувство молодых людей и поддерживали их энтузиазм.

Плодились общежития. Бедные и богатые студенты жили вместе, никаких между ними не было счетов; все у них было общее. Такие общежития выходили далеко

за пределы студенчества и пережили Петрашевского. Я сам, уже будучи чиновником, жил в Петербурге в одном из подобных общежитий.

Петрашевскому удалось издать книгу, в которой он осмеивал тогдашние порядки. Под названием «Словаря для об'яснения иностранных слов», употребляющихся в русском языке, он излагал свои идеи и воззрения на русские порядки... Словарь наделал шуму и был из'ят из обращения [7].

Один из приверженцев Петрашевского, студент Филиппов [8], основал в петербургском университете общество для искоренения грубости нравов между студентами. Чтобы распространить вежливость и деликатность в обращении, общество ввело дуэли. Если студент оскорблял своего товарища словом или поступком, то он должен был драться с ним на дуэли. Существовал студенческий суд, который рассматривал поступок и присуждал виновного к поединку; если обиженный, по слабости сил или по неумению, не был в состоянии защищаться, то суд назначал лицо, с которым обидчик должен был драться. Для выполнения этой последней обязанности учредители упражнялись в фехтовании и стрельбе. Сам Филиппов сделался знаменитым рубакой и грозой для всех охотников оскорблять слабого.

Большую заслугу Петрашевского составляло то, что он сумел созданные им кружки распространить по всем центрам интеллигентной жизни в России.

Когда я был студентом в казанском университете, к нам приехало три человека из петербургских кружков, основанных Петрашевским.

Двое из них были весьма серьезными людьми и впоследствии сделались известными учеными.

Они действовали так же, как Петрашевский; они распространяли учение Фурье. И тут результаты были те же, как в Петербурге. В самом скором времени они приобрели в университете большое влияние.

Петербургские гости учили нас самостоятельно заниматься наукой. До того времени в казанском университете и понятия не имели о том, что студент может заниматься наукой, а не заучивать лекции. Под их влиянием и я взялся за самостоятельное изучение науки.

Однажды по особым обстоятельствам я пошел на экзамен финансового права, не заглянув в лекции профессора; разумеется, я отвечал совсем не то, что было написано в тетрадях. «Какую ты врал чушь»,—сказали мне товарищи, когда я возвратился на место, и очень удивились, узнав, что мне поставлен был лучший бал.

Лучший из профессоров юридического факультета, Мейер [9], воспользовался моими занятиями, чтобы сделать почин, до того неслыханный в университетах: он предложил мне оспаривать публично тезисы одного магистранта. Все предсказывали мне полное фиаско, но вышло не так. После диспута профессор мог сказать мне в виде поощрения: «вы оппонировали не как дилетант, а как человек науки».

Однажды попечитель, Молостов, встретил одного из наших петербургских гостей в то время, когда он возвращался с ботанической экскурсии; ему показалось, что он недостаточно вежливо ему поклонился, и он посадил его в карцер.

Выходка попечителя вызвала всеобщее негодование в университете. Придя на другой день в университет, я нахожу там всех в волнении. Большая толпа окружила меня и стала посылать депутатом к испектору.

Я явился требовать освобождения арестованного.

К удивлению, инспектор согласился; он побоялся вызвать негодование профессоров и студентов, пропитанных новым духом.

Все это движение было таково, что никаких политических последствий иметь не могло. Оно не имело ничего общего с социальным движением в Западной Европе; там в нем участвовали люди из рабочего класса, а здесь об этом не было и помину.

В кружках, которые на всю Россию насчитывали какую-нибудь тысячу человек, учение Фурье было прелестной мечтой и только; грубую, животную жизнь тогдашней молодежи оно замещало стремлением к идеалу братской любви и всеобщего равенства, маломальски любознательных оно побуждало к серьезному чтению, а людей способных — к занятию наукой.

Однако репрессалии не замедлили. Они начались в Петербурге и в Казани откликнулись в первый раз довольно забавным образом.

Глава третья

ЭНТУЗИАЗМ РЕАКЦИИ

Между студентами распространился слух, что из Петербурга получено приказание сделать обыск у всех Благовещенских города Казани.

Недавно был пример, что поляка-студента взяли в мундире с экзамена и прямо отправили в ссылку. Это было в нравах того времени, но чтобы возможно было сделать обыск у всех Благовещенских, правых и виноватых, которым в Казани не было числа, казалось просто нелепостью. Однакоже оказалось, что такое приказание действительно последовало.

Во Франции разразилась революция 1848 г. и стала распространяться по Европе; для хладнокровного и здорового человека не подлежало ни малейшему сомнению, что это движение не может произвести в России даже и тени каких-нибудь беспорядков или волнения.

Но император Николай был менее всего хладнокровным и здравым человеком, он был энтузиастом реакции; его подозрительность доходила почти до безумия, и он нашел необходимым навести страх и ужас, чтобы предупредить волнения, которые никем и ничем не подготовлялись.

Сделано было распоряжение, чтобы III отделение разыскало заговор, или лучше сказать, создало его из ничего. Чтобы исполнить желание императора, III отделение превратило движение, вызванное Петрашевским, в опасный для государства заговор. Сделано было множество обысков и арестов.

Во время обыска у Петрашевского найдены были письма из Казани, подписанные каким-то Благовещенским. Письма были самого обыденного содержания и в них не находилось ни малейшего указания на существование какого-либо заговора.

Все-таки сделано было распоряжение обыскать всех Благовещенских города Казани. Далее ареста писавшего письма Петрашевскому, впрочем, дело не пошло.

В Петербурге было множество арестов; дело произвело большой шум, одно время в обществе о нем только и говорили. Императору Николаю план его удался вполне.

Ни в Казани, ни в Петербурге я не встретил ни одного человека, который бы оказался способным взглянуть на дело спокойными и трезвыми глазами. Общество действительно поверило, что существовал какой-то

страшный заговор, и матери благодарили небеса за то страшный заговор, и матери благодарили небеса за то, что твердость императора и бдительность тайной полиции спасли их детей от великого соблазна, а страну от ужасного кровопролития. Правительство поспешило этим воспользоваться, чтобы об'явить отечество в опасности, ограничить число студентов и добивать остатки просвещения и цивилизации.

С другой стороны, Николай своей грубейшей расправой с приверженцами Петрашевского и своими бесцеремонными мерами против ни в чем неповинного общества породил в склонных к просвещению людях жгучее ожесточение и привычку направлять всякую оппозицию прямо против лица императора. Эта привычка тяжко отозвалась на судьбе Александра II.

Глава четвертая

ПИРАМИДЫ ИЗ ЛЮДЕЙ

В те времена, о которых я говорю, такой закал мысли породил, несмотря на все цензурные преграды, «Доктора Крупова» Герцена[10], где в одном месте русские изображаются сумасшедшими, отдающими все одному человеку, который раздает им полученное обратно в виде милости. К тому же времени относится еще более резкая пирамида из людей Салтыкова. Россия изображается в форме пирамиды из людей, на верху которой стоит император Николай и давит одних людей другими так, что головы нижних слоев окончательно лишаются образа человеческого[11].

Около того же времени и в Польше завелась социальная пропаганда, но там не нужно было особого приказания императора, чтобы воздвигнуть на нее гонение.

Один из вожаков этого дела, Рабцевич, рассказал мне следующее. Польские патриоты, ксендзы и дворяне первые донесли жандармам о возмутительном деле; жандармы с торжеством преподносили эти доносы обвиняемым. Когда кончился суд, им об'явили приговор об их ссылке на каторжные работы. Генерал прочел им приговор по-русски и спросил, поняли ли они его. Они отвечали, что по-русски не знают.

— Вы знаете по-русски, — обратился он к Рабцевичу, — об'ясните им.

— Мы лишаемся всех прав состояния, — начал об'яснять Рабцевич.

— Что такое «права состояния»? — спросили поляки.

Рабцевич ответил: представьте себе бутылку с вином, на ней наклеен ярлык, всякий читает ярлык и узнает, какое в ней содержание, но вот ярлык сняли, теперь судят уж не по ярлыку, а по достоинству самого вина. И на нас был ярлык, то наши права состояния, нас считали благородными и низкими, смотря по этому ярлыку. Теперь ярлык с нас сняли, а люди остались; отныне о нас будут судить не по ярлыку, который был к нам приклеен, а по делам нашим.

За такой ответ Рабцевича заковали в кандалы, которые имели всего четыре звена; ходить в них было невозможно; когда ему нужно было переместиться куда-нибудь, жандармы делали крест и переносили его на руках. Так его довезли до Тобольска.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В НЕДРАХ ДЕПАРТАМЕНТА

Глава первая

ПРОТИВ ОБЩЕЙ ВОЛНЫ

В 1849 г., двадцати лет от роду, я кончил курс в казанском университете. В то время каждый кончивший курс студент непременно поступал на государственную службу; бюрократия и военное ведомство завербовали всю интеллигенцию и помимо государственной службы не было для интеллигентного человека никакого пути, чтобы жить своим трудом.

Существовал закон, по которому каждый кончивший курс студент обязан был сначала три года прослужить в губернских присутственных местах и только тогда он мог поступить на службу в министерства; но каждый университет имел право выбирать трех лучших кандидатов и давать им право прямо определяться в министерства. Я попал в число лучших кандидатов и поступил в департамент министерства юстиции.

В это время военно-судебная комиссия обнародовала произнесенный ею приговор о Петрашевском и его сподвижниках: двадцать один человек были приговорены к смертной казни [12].

Сделать из распространения учения Фурье преступление, достойное смертной казни, было довольно мудрено; но мы не сомневались, что военно-судебная комиссия с полным успехом совершит это сальтомортале...

Вся интеллигенция была на государственной службе и под страхом лишиться средств к жизни должна была

говорить в унисон с правительством; все в один голос ругали Петрашевского и его сподвижников за то, что он губит молодежь, и трепетали за своих детей.

Я поступил на службу. Мы дежурили по очереди для приема поступающих бумаг и в дни дежурства оставались в департаменте целые сутки.

Как-то вечером входит секретарь департамента и застает меня за чтением политической экономии.

— Как, читать такие ядовитые книги, как политическая экономия, молодому человеку?

Я возразил, что в университете нас, юристов, обучают политической экономии.

Когда он ушел, я вспомнил речь, произнесенную в киевском университете генерал-губернатором и попечителем киевского округа, о которой я знал по слухам.

Генерал-губернатор сказал студентам:

— Я не знаю современную молодежь. В наше время молодые люди любили повеселиться, выпить, поиграть в картишки, поволочиться; а вы все толкуете о науке, занимаетесь наукой; что вы можете понимать в науке? Предоставьте это дело вашим профессорам: вы должны хорошенько учить ваши уроки и только.

Я предчувствовал недоброе и, действительно, прослыл вольнодумцем. Шесть лет я не получал повышения и должен был довольствоваться 330 руб. в год. Мне приходилось записывать входящие и исходящие бумаги; занятие, при котором, разумеется, ни знаний, ни способностей показать нельзя.

В то время я познакомился с таким же горемыкой, как я, Бекетовым. Окончив курс в институте путей сообщения, он поступил на службу. Через некоторое время ему приносят деньги и говорят: это дополнение к вашему жалованию.—Какое дополнение? — Оказывается,

инженеры имеют общую кассу, куда поступают все взятки, уплачиваемые разными лицами; они распределяются между служащими, смотря по чину и по занимаемой должности.

Бекетов отказался от получения денег, с того времени карьера его была погублена: он так же, как и я, получал 330 руб. в год.

Глава вторая

СИСТЕМА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Политика правительства того времени заключалась в том, чтобы давать чиновникам такое содержание, при котором существовать было окончательно невозможно.

Министр юстиции гр. Панин говаривал, что 200 руб. в год чиновнику совершенно достаточно, чтобы содержать себя и свое семейство.

Чиновники вынуждены были существовать взятками, и они были вполне в руках правительства: оно могло засудить каждого.

В то же время за взяточничество свое они презирались и ненавиделись народом, так что они опереться на него ни в коем случае не могли. Они каждую минуту своей жизни были в отчаянном положении, и чувство беспомощности заставляло их так громко и так единодушно кричать в унисон с правительством и так жадно обличать всякий диссонанс в этой стройной гамме. Только такой образ действия давал им хотя некоторую тень безопасного положения.

Такая злодейская система, при которой, по выражению государственных людей, вся Россия шла в ногу к одной цели, как полк солдат, деморализовала насквозь

все русское население. Чиновники были деморализованы необходимостью брать взятки; дворяне—потому, что они были рабовладельцами и чиновниками в одно и то же время; откупщики и поставщики—потому, что их средства к существованию, их обогащение и банкротство были в руках чиновников; весь имущий класс—потому, что откупщики и поставщики стояли во главе капиталистов.

Правительственная политика превращала весь русский народ, начиная от вельможи и кончая пастухом, в плутов и воров.

Глава третья

ВЛАСТОЛЮБЦЫ, НЕГОДЯИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Когда я поехал на службу, меня снабдили рекомендательными письмами, в том числе я был рекомендован и семейству ближайших друзей моего директора департамента; они давали обеды раз в неделю и пригласили меня.

В это время в государственном совете рассматривался вопрос о так называемом третьем пункте, т. е. о статье законов, которая давала начальнику право увольнять чиновника без об'яснения причин.

Тузы, собравшиеся на обед, защищали этот закон с величайшей настойчивостью. Властолюбие, которое в это время блистало у них в глазах и отражалось на их выразительных, привыкших повелевать лицах, произвело на меня отвратительное впечатление — я их всех возненавидел. Они поставили чиновников в самое тяжелое, унизительное положение и им все еще было мало, они хотели отнять у них последнюю тень прав, которая

им была оставлена. По самодурству и капризу начальник мог выгнать чиновника, и никто не имел права спросить его, почему он это сделал.

В следующий раз, когда я пришел обедать, какой-то молодой карьерист, красивой наружности, — он оказался впоследствии великим негодяем, — стал, помимо моего желания, оказывать мне свое покровительство. Мне было ясно, что все это он делал, чтобы угодить хозяйке дома, которая намеревалась вывести меня в люди.

В общем результате мне внушалось, что я должен вести такую жизнь, какую они ведут, т. е. ничего не читать, ни о чем серьезном не думать, никогда ни о чем серьезном не говорить, служить усердно, угождать начальству, с тактом поддерживать свои связи, в свободное время играть в карты, и только.

Я не мог одолеть своего отвращения и перестал ходить на обеды.

Однажды я встречаю своего юного покровителя в департаменте; он строгим тоном стал мне делать внушение и упрекал меня за то, что я не хожу на обеды. Его речь напоминала наставления отца, который старается удержать на истинном пути сына, увлекающегося пороками. Его слова вызвали в душе моей воспоминание об одном дорогом для меня человеке.

Глава четвертая

БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Когда я был студентом в казанском университете, у меня там был друг: то был мой профессор гражданского права, известный в России ученый — Мейер.

Мейер обладал искусством вызывать и развивать в душе моей лучшие ее инстинкты.

Однажды я отправлялся на каникулы и пришел к нему, чтобы взять книг. «Вероятнее, впрочем, что я в деревне ничего не буду делать», сказал я с юношеской развязностью. «Я убежден, — ответил Мейер, — что и в тюремном заключении вы будете проводить ваше время с пользой».

Предугадывал ли он, какими пророческими окажутся его слова! Они произвели на меня глубокое впечатление: я восторженно решался всю жизнь быть полезным человеком. Когда я уезжал в Петербург, он выразительными словами изображал жалкое положение нашего отечества и убеждал меня посвятить все свои силы на служение ему.

При окончании курса у меня был соперник, который кончил курс так же хорошо, как и я.

Профессор заговорил со мной об этом сопернике. «Меня упрекают, — сказал он, — что я настоял на том, чтобы его послали для усовершенствования, с целью занять здесь профессорскую кафедру, а вас выбрали на службу в Петербург; утверждают, что из вас вышел бы более талантливый ученый, чем из него. Я должен вам сказать, что я считаю вас самым развитым из всех известных мне здесь студентов, но чтобы поступить так, как я поступил, я имел веские причины. Он обладает большой усидчивостью и обширной памятью; если немецкие ученые отешут его немного, то из него выйдет хороший преподаватель; но если бы его послали в Петербург, то он вполне подчинился бы среде, и из него не только не вышел бы полезный для России, но вышел бы вредный человек, он стал бы помогать тому делу, которое способствует нашей погибели.

На вас же я надеюсь, вы никогда никакой среде не подчинитесь, как бы она сильна ни была».

После этого он начал меня убеждать действовать осторожно и осмотрительно, не раскрывать свои карты и стараться достигнуть такого положения, при котором я имел бы в руках достаточную власть, чтобы вести борьбу.

Я с благословением принял из его рук мою миссию, и даже теперь не могу вспомнить без слез об этой торжественной для меня минуте[13].

В Петербурге я употреблял все силы своего ума, чтобы найти истинную дорогу.

Все кругом меня твердили, что протекция составляет единственный путь для того, чтобы выйти в люди; я и сам понимал, что без нее в данных условиях ничего не сделаешь.

Я с напряженным вниманием стал присматриваться к той сфере, которая могла быть источником протекции. Наконец я убедился, что эти люди слишком чутки, чтобы допустить в свою среду чуждый им элемент; мой профессор жестоко ошибался, когда думал, что перед ними можно скрывать истинный образ мыслей и протесниться наверх, сохранив самостоятельность своего взгляда и свою нравственную чистоту. Чем усерднее человек старался удержаться на высоте своего положения или повыситься, тем более он погрязал в том болоте, которое его окружало.

После тяжкой борьбы с своим отвращением ко всем этим людям я отказался от всяких покушений составить карьеру и приносить пользу, имея власть в руках.

Я решился заботиться об одном—о том, чтобы составить себе взгляд на вещи с полной независимостью и не руководствоваться при этом никакими соображе-

ниями, кроме стремления к истине. Я решил, что для этого мне нужно оставаться неизвестным и незаметным, чтобы никто не знал о моем образе мыслей и никто о нем не заботился.

Не я один поступал таким образом: в Петербурге и Москве мы составляли кружки оставшейся в неизвестности интеллигенции и до некоторой степени чахли, как деревья, растущие на торфяном болоте. Как многочисленна была эта загнанная интеллигенция, сказалось после вступления Александра II на престол; на всех поприщах она дала деятелей.

Глава пятая

НЕЛЕПОСТЬ, ГНУСНОСТЬ И БЕССМЫСЛИЕ

Мне на хранение переданы были уголовные дела. Приводя их в порядок, я заметил кучу брошенных бумаг, между ними мое внимание обратила на себя одна пачка. Она заключала в себе доносы казанского прокурора Солнцева о бывших в Казани пожарах.

Я был свидетелем этих пожаров, когда сгорела большая часть города. Солнцев был профессором казанского университета, но должен был прекратить преподавание [14]. Я был знаком с ним и мне было интересно прочесть, что он писал о пожарах.

В России пожары очень часты, и когда сгорают целые города, тогда панический страх и ожесточение овладевают всем населением, со всех сторон сыпятся угрозы на полицию и администрацию; администрация в свою очередь старается спасать себя тем, что сваливает вину на поляков и венгерцев, занимающихся разносным торгом. Она уверяла, что они жгут русские города по

вражде к русским. Такие же слухи распускались и в Казани во время пожара.

Я, конечно, ожидал, что прокурор явится перед министром юстиции защитником невинно-обвиняемых и осветит все дело правильным взглядом. Читаю и не верю своим глазам: он обвиняет в поджогах профессора Станиславского [15].

Когда я поступил в университет при старом составе юридического факультета, Станиславский был на этом факультете лучшим профессором.

И вдруг Солнцев, бывший профессор, человек несомненно выдающийся, мог дойти до такой низости, чтобы, угождая вражде правительства против поляков, возвести на Станиславского клевету, в которой нелепость становилась выше гнусности, а гнусность выше ее бессмыслия.

Тут я только измерил всю глубину той пропасти умственного и нравственного упадка, в которую бросил Россию император Николай.

Глава шестая

ПОЗВОЛЕНО ДРАТЬ КРЕСТЬЯН

Другое дело, которое обратило на себя мое внимание — дело о злоупотреблениях вятских волостных писарей.

Граф Киселев [16], министр государственных имуществ, считался одним из либеральных людей: про него говорили даже, что он сочувствует самоуправлению и конституционному режиму. Если бы он и сочувствовал конституционному режиму, то желание быть министром императора Николая заставило бы его скрыть эти злые

мысли в самых затаенных тайниках своего сердца, так что никто об этом не мог знать.

Зато его сочувствие самоуправлению доказывалось будто бы его реформами в крестьянском управлении: он дал крестьянам сход, право выбора старост и старшин и т. п. Но сход существовал у крестьян всегда: это было учреждение, созданное самим народом с незапамятных времен и никем ему не дарованное. Без схода общинное владение землей было немыслимо, а потому он существовал в великороссийских губерниях даже у крепостных, не говоря о других крестьянах и казаках.

Ближайшее же рассмотрение дела показывает, что реформы гр. Киселева предали государственных крестьян в полную власть толпе жадных взяточников: чиновников палат государственных имуществ, окружных начальников с их штабми, лесничих и т. д. Для окружного его округ был поместьем, где он властвовал, как помещик, считал всякую женщину своей рабой, сам ими пользовался и угощал своих приятелей; крестьяне так и смотрели на себя, как на его рабов, и называли его своим барином.

Гр. Киселев и завершил свою реформу тем, что предоставил своим подчиненным драть и пороть государственных крестьян, сколько им угодно.

Когда я занимался рассмотрением пререканий прокуроров с местными властями, я рассматривал следующее дело: в татарскую деревню приехало начальство взыскивать недоимки; первый, к которому оно обратилось с требованием уплаты, был татарин Аминов; у него никаких средств к уплате не оказалось. Тогда оно об'явило, что оно будет сечь его до тех пор, пока он уплатит все сполна. Его секли с перерывами, а жена его в это время металась и бегала, чтобы найти

благодетеля, который бы согласился уплатить за него деньги. Наконец кто-то вручил ей третью часть недоимки, она бежит, чтобы вымолить у начальства отсрочку остального; входит и застает мужа своего мертвым.

Прокурор опротестовал такой варварский образ действия, но все мои усилия дать торжество мнению прокурора не помогли: поступок начальства остался безнаказанным.

Глава седьмая

МАЛЕНЬКИЕ ЦАРЬКИ

Что касается постоянных поборов, то в этом отношении главными агентами окружных начальников являлись писаря. Они служили по найму, определялись и увольнялись начальством и играли в деревнях государственных крестьян совершенно такую же роль, как бурмистры в помещичьих усадьбах.

Писарь был хозяином в деревне, потому что начальство сумело избираемых крестьянами старост и старшин вполне подчинить этим писарям; для этой цели оно распорядилось очень просто. Под тем предлогом, что старосты и старшины полуграмотны или совсем безграмотны, начальство сообщало законы, циркуляры и распоряжения писарям; старосты и старшины узнавали от них все в том виде, как это нужно было для писарей. Далее они писали все бумаги, отчеты, донесения и документы, адресованные к начальству так, что начальство в свою очередь узнавало обо всем только то, что полезно было для писарей.

Писарь мог больно отомстить всякому крестьянину, сделавшему ему неприятность: подвести его под розги,

отдать в солдаты, сослать на поселение — стоило ему только сделать соответствующее донесение начальству округа.

Разумеется, грабя крестьян в пользу своего начальника, писаря не забывали и себя. Они могли безнаказанно наживаться путем всевозможных злоупотреблений.

Дело о злоупотреблении вятских писарей раскрыло передо мной последствия системы во всей красе. В обществе ходило много слухов о взяточничестве чиновников, но я всегда думал, что слухи эти преувеличены; тут же я увидел, что общество не знает и десятой доли того, что делалось в действительности.

Какой-нибудь ничтожный писарь мог облагать целую волость им самим выдуманным налогом для небывалой турецкой войны и взыскивать его безнаказанно годы.

Глава восьмая

ПОТОМОК РЮРИКА ЗАСЕК

Я упомяну еще о деле князя Трубецкого. Трубецкой был жестокий помещик и судился за то, что засек одного своего крестьянина до смерти. Дело дошло до государственного совета, и помещик был приговорен к содержанию в смирительном доме.

Вскоре министр юстиции гр. Панин [17] впал в немилость и должен был удалиться за границу. О причине этой немилости один из моих сослуживцев рассказывал мне следующее:

По поводу дела Трубецкого гр. Панин выразил мысль, что потомков Рюрикова дома [18] неприлично сажать в смирительный дом.

В это время император Николай был крайне встревожен тем, что происходило вокруг него. Русская армия возвратилась из венгерского похода [19] и была в восторге от венгерцев. Офицеры своими рассказами увлекли за собой все общество. Все восхваляли венгерцев и ругали немцев.

Русские чиновники давно привыкли ненавидеть немцев, которые отбивали у них на всех поприщах лучшие места. Ненависть к немцам была так велика, что находились смельчаки, которые говорили, что все наши бедствия происходят от того, что русские государи— из немцев.

Трудно было найти людей, которые бы умели так ловко говорить о подобных предметах, как смельчаки того времени: они достигли виртуозности в искусстве быть вполне понятными для своей аудитории и все-таки не сказать ничего запрещенного...

Князья-рюриковичи, говорили остряки, были весьма невежливый народ, они икали и рыгали за столом от редьки и кваса; они были мужики и держали себя как мужики, но зато же они были русские и по духу и по чувствам. При них народ был свободен, крепостного права не было, существовало вече, и боярам и крестьянам—всем было хорошо. А как пошли эти татары и немцы, Годуновы и Романовы, так все пошло на выворот, народ закрепостили, бояр превратили в царскую дворню; эти лакеи стали с гордостью называть себя дворянами...

В таком ясном изложении можно было услыхать эти мысли только разве под строжайшим секретом, но зато же они давали тем более материала для пикантных намеков и легкого остроумия с неуловимым содержанием. И вдруг один из министров напоминает русскому народу,

что существуют прямые потомки Рюрикова дома, к которому, он, Николай, конечно, не принадлежит. Понятно, как должен был вознегодовать на это император.

Глава девятая

ЛИШЕННЫЙ РАССУДКА УПРАВЛЯЕТ

Впадая в немилость и вынужденный уехать за границу, граф сильно опасался лишиться места министра. Он уезжал надолго, и необходимо было, чтобы кто-нибудь заместил его. В данных обстоятельствах было слишком ясно, что всякий не лишенный честолюбия человек, сделавшись его заместителем, постарается его устранить и сделаться министром сам. Нужно было, следовательно, приискать такого заместителя, которому подобные дурные мысли и в голову не могли притти. Панин пустил в ход все свои способности к интриге и достиг цели—он сумел устроить так, что его заместителем сделался человек, лишенный рассудка.

Год и восемь месяцев граф пробыл за границей, прежде чем ему написали, что он может вернуться, и все это время управлял министерством Илличевский.

Возни с ним было без конца.

Сенат посылал каждый месяц в первое отделение толстейшие ведомости о положении уголовных дел. Предполагалось, что эти ведомости читает сам император, а поэтому министр юстиции должен был их скреплять по листам.

Нужно было много хитрости, чтобы побудить Илличевского приняться за ведомости во-время. Накануне срока ведомости возвращаются, и вдруг оказывается, что вместо того, чтобы скрепить их по листам,

он все листы исписал бессмысленными словами и разного рода каракулями.

Забавно было дежурить у него при приеме просителей.

Мне приходилось неоднократно дежурить. Входишь к министру и кланяешься; он смотрит оловянными глазами и остается неподвижен, как статуя. Докладываешь фамилию просителя, чего он желает, и потом громко и отчетливо произносишь тот ответ, который он должен дать просителю. Илличевский, как дитя, повторяет его слово в слово, повторяет его другой, третий раз. Когда заметишь, что он его заучил наизусть, скорее вводишь просителя. Министр часто не дает закончить посетителю своей просьбы и выстреливает в него заученным ответом. Тогда замечаешь просителю, что министр очень занят и выводишь его.

Под конец Илличевский, как новорожденный ребенок, спал по шестнадцати часов в сутки. Так и умер он, управляя министерством юстиции, и даже перед смертью ожидал орден за свое управление.

Ничто не может характеризовать тогдашнее положение России в такой степени, как то обстоятельство, что в течение такого долгого времени целым министерством мог управлять сумасшедший.

Глава десятая

ПРОКУРОР ИЗОБЛИЧАЕТ, А МИНИСТР ЕГО ВЫГОНЯЕТ

Я получил повышение, мне поручено было рассматривать жалобы на прокуроров и пререкания между прокурорами и губернаторами.

Губернатор имел такую обширную власть, что мог злоупотреблять ею.

Необходимо было иметь какое-нибудь ответственное лицо, которое могло вступиться за интересы населения и казны, — и таким лицом был прокурор. Ни одно постановление губернских присутственных мест не могло получить законную силу без утверждения прокурора.

Таким образом он лично и через своих стряпчих мог следить за всеми действиями губернатора; прокурор из всех местных властей мог положить предел, не утверждая постановлений администрации и судебных решений, сочиненных по приказанию и под влиянием губернатора, и протестуя против них.

Одно из первых дел, которое мне пришлось докладывать, заключалось в следующем. Симбирский губернатор представил в министерство внутренних дел смету о переделках в заведениях общественного призрения и получил разрешение. Заведения эти обладали прекрасным, но запущенным парком, среди которого помещалась одна из больниц.

Губернатор распорядился больных из этой больницы перевести в старые прачечные. Понятно, насколько затхлый и сырой воздух прачечных должен был способствовать выздоровлению больных, которых дурно кормили и еще хуже лечили. Не помню теперь точно, но прокурор указал ужасающие цифры смертности больных в этих прачечных. Затем губернатор на данный ему кредит велел превратить больницу в дачу для себя и меблировал ее великолепно.

Одним словом, начальник губернии на счет сумм общественного призрения создал прелестнейшую летнюю резиденцию для своего семейства.

Полный юношеского негодования, я принялся за дело самым усердным образом и обличил злоупотребление губернатора до несомненной очевидности. Каково же было мое удивление, когда доклад возвратился от министра со следующей собственноручной его надписью: «Прокурор совершенно прав, но так как он вошел в пререкания с начальником губернии, то перевести его в Вятку, а вятского прокурора перевести в Симбирск и дать ему под'емные, прогонные и прочее, что следует по закону».

Вятка была местом ссылки, куда высылали политических преступников, лиц, гонимых за веру, контрабандистов, поджигателей, воров и всякого рода людей, которых преступления нельзя было доказать с той очевидностью, какая требовалась судом для постановления приговора.

Туда же удаляли пьяниц, буянов, людей развратного поведения, которые исключены были обществами из своей среды. Жить в этом городе было очень неприятно, между тем как Симбирск был в то время прекрасным городом.

Перевод из Симбирска в Вятку составлял для прокурора тяжкое наказание, в особенности при том условии, что ему не давалось узаконенных пособий.

При тогдашних высоких ценах за перевозку вещей на большое расстояние ему приходилось распродать все свое обзаведение за бесценок, на собственный счет перевезти свое семейство в Вятку и снова обзаводиться в глухом городе, где всякий предмет комфорта стоил чрезвычайно дорого.

Такой тяжкой участи прокурор был подвергнут за то, что исполнил свою обязанность и обличил злоупотребление губернатора.

Глава одиннадцатая

НАСТОЯЩИЕ РАЗБОЙНИКИ

Очень поучительно было также попавшее в мои руки дело о злоупотреблении тамбовского прокурора и чиновников. Здесь обвинителем является уже губернатор, министр же сохраняет неизменно роль укрывателя воров и грабителей.

В Кирсановском уезде, куда в'езд евреям был запрещен, торговал еврей. Он был прусским подданным и жил по свидетельству, выданному ему новороссийским генерал-губернатором взамен его прусского паспорта.

У него была красавица дочь шестнадцати лет; один богатый помещик успел ее соблазнить, а когда возмущенные этим родители прекратили ей возможность продолжать свою связь, она бежала от них. Тогда помещик и исправник выдумали следующую штуку.

Молодая еврейка подала исправнику заявление, что ее отец—еврей и скрывает свое вероисповедание и что она желает обратиться в христианскую веру.

На основании этого заявления несовершеннолетняя дочь была взята у ее родителей и сделано распоряжение о высылке еврея в Пруссию.

Что могло быть проще исполнения такого распоряжения; иностранец-еврей жил многие годы в Кирсановском уезде по законному виду и был известен всем местным властям... оставалось обязать его немедленно выехать за границу со всем своим имуществом; но чиновники были не таковы, чтобы упустить прекрасный случай.

Они кинулись на него, как саранча, и без малейшего на то права стали описывать его магазин.

Все участвовавшие в описи и надзиравшие за теми, кто описывал, грабили и делили между собою вещи, как настоящие разбойники; они по общему совету распределили товары: одну часть решили включить в опись, из другой каждому взять свою долю.

Это скандальное дело показывало до какой невероятной дерзости и распущенности могло быть доведено чиновничество целой губернии. Моему рассмотрению подлежали действия прокурора и лиц, подчиненных министерству юстиции.

Я нашел, что прокурор вполне уличен в похищении хронометра и еще каких-то вещей, а потому я сделал предложение о предании его суду, но министр прикрыл его своей резолюцией.

Самое интересное то, что и в этом, и в другом случае он никаким личным пристрастием к прокурорам не руководствовался, никому не угождал, а действовал по политическим соображениям, понятным только для министра того времени.

Глава двенадцатая

ТУРЕЦКИЕ ПАШИ И ССЫЛЬНЫЕ СЕНАТОРЫ

Передо мной во всей красе раскрылась еще одна сторона деспотического управления.

Режим этот не может допустить публичное обличение злоупотреблений своих высших чиновников и в то же время не может оставить их без надзора, иначе они превратятся в турецких пашей и сделаются совершенно независимыми от своего государя.

Вот почему русские цари всегда имели в провинции то чиновников, то прокуроров, которые надзирали за

высшими начальниками. Но сама же верховная власть боится пользоваться их взаимными обличениями.

В результате получалась безвыходная путаница, которая разрешалась практически неизменно одним: увеличением самоуправства местных чиновников и полной беззащитностью граждан.

Немногим лучше было положение суда.

Тогда считалось совершенно излишним, чтобы члены высшего суда, т. е. сенаторы, были знающими юристами; они набирались из губернаторов и других администраторов, достигших больших чинов и сделавшихся вследствие старости неспособными к административной деятельности. Если они по юридическому своему невежеству делали глупости, то министр юстиции призывал их к себе и ругал, как лакеев.

Поэтому министр путей сообщения Чевкин заметил: «Неправда, что сенат есть место ссылки, это — исправительное заведение».

Чтобы показать унижение, до которого был доведен сенат, я приведу один случай.

Первоприсутствующим сенатором в одном из уголовных департаментов был Карниолин-Пинский.

Пинский был знающий юрист и человек самостоятельный. Обыкновенно дела он решал, а прочие сенаторы только подписывали.

Однажды он заболел. В это время докладывается предложение министра юстиции об отмене решения, которое сенаторы сделали под председательством Пинского; они, разумеется, согласились с министром. Пинский взбесился; по выздоровлении он возвращается в сенат и начинает распекать сенаторов:

— Кто вы такие?—говорит он им.—Писцы вы или сенаторы? Я вам предложил решение — вы со мной

согласились; министр предложил вам отмену этого решения—вы с ним согласились.

После этого он надулся и велел секретарю докладывать дела. Когда секретарь доложил первое дело, Пинский строго говорит ему: «Отбирайте голоса». По закону младший из сенаторов первый должен высказать свое мнение, а первоприсутствующий говорит последний, но порядок этот никогда не соблюдался; всегда Пинский говорил первый, и все с ним соглашались.

Секретарь, едва сдерживая улыбку, обращается к младшему сенатору, тот конфузится и не знает, что отвечать.

Наступает неловкое молчание; проходит минуты две, сенатор, который сидит рядом с Пинским, обращается к нему и робко произносит умильным голосом: «Не сердитесь!» — Эти слова подхватывает другой и все, чуть не со слезами, начинают громко просить его о пощаде.

Наконец Пинский смягчается и соглашается: «Хорошо, господа, — говорит он, — только, чур, в последний раз»,—и погрозил пальцем.

Глава тринадцатая

РАСПЕКАНИЕ

Так обращались с сенаторами. Как же обращались с провинциальными судьями?

Однажды я дежурил при приеме просителей у гр. Панина и подаю ему список, в котором во главе стоит высшее из должностных лиц, явившихся к приему, — председатель какой-то из палат западных губерний.

Министр по обыкновению прочитывает список, обходит председателя и называет мне другое лицо, которое я должен пригласить к нему в кабинет.

Прием продолжается долго, уже очень поздно, председатель все должен дожидаться своей очереди. Наконец прием кончен, в зале остается один председатель; так как министр мне его не назвал, то я его не приглашаю. Проходит полчаса, он теряет терпение и говорит мне с некоторым смущением:

— Вы позабыли доложить обо мне.

— Нет, — отвечаю я, — я не забыл, но министр мне вас не назвал.

Он краснеет и садится на прежнее место.

Мне его жаль, я подхожу и говорю:

— Не прикажете ли напомнить министру?

— Если возможно, — произносит он заискивающим тоном.

Я напоминаю.

— А, председатель,—произносит министр,—сведите его к экзекутору; пусть он запишет там свой адрес и не отлучается из своей квартиры до тех пор, пока я за ним пришлю.

Экзекутор об'яснил нам значение этих слов: министр может послать за ним днем или ночью, когда ему вздумается; иногда он посылает в три или четыре часа ночи. Он все время должен сидеть дома; если министр узнает от курьера, что его не было дома, то ему будет худо.

Итак, распоряжение министра равнялось домашнему аресту на неопределенное время. Причина негодования министра заключалась в том, что председатель палаты смягчил участь подвергшегося преследованию поляка.

Глава четырнадцатая

ЧЕМ УГОЖДАЛИ ЦАРЮ

От малых перейду к великим.

Расскажу громкое дело генерал-губернатора Кокошкина.

Полтавское купечество собрало значительную сумму на устройство гостиного двора в Полтаве.

Постройка двора не состоялась, и какими-то темными путями эти деньги попали в руки генерал-губернатора Кокошкина; уверяли, что он большую часть из них прикарманил. Чтобы скрыть свою проделку, он донес императору Николаю, что в его распоряжении находится 200.000 руб. от несостоявшейся постройки и что он предполагает употребить эти деньги на устройство кадетского корпуса.

Николай имел страсть строить военно-учебные заведения, и Кокошкин, как нельзя более, угодил ему своим проектом.

Когда купечество, собравшееся на харьковскую ярмарку, узнало об этом, оно вознегодовало.

Под председательством городского головы оно составило прошение о том, что деньги эти принадлежат им, так как они собраны были ими, а потому просило деньги передать в их распоряжение.

Чтобы заставить купцов отказаться от своего ходатайства, Кокошкин перевел ярмарку из Харькова в деревню; по его расчету потери купцов были бы при этом так велики, что они отказались бы от своих домогательств с тем, чтобы ярмарка осталась на месте.

Однакоже голова сумел парализовать распоряжение Кокошкина, подав на него жалобу в сенат.

Сенат нашел, что Кокошкин превысил свою власть, и постановил сделать ему выговор по высочайшему повелению.

В министерстве юстиции постановление сената признано было совершенно правильным и утверждено.

Сенатское определение лежало в курьерской и через час должно было отправиться в сенат, как вдруг графу Панину сообщается высочайшее повеление, которым распоряжение Кокошкина утверждалось, а городской голова ссылался в отдаленный городишко Белебей.

Так император прикрыл любимого им генерал-губернатора.

Глава пятнадцатая

ЕГО ПРЕДКИ ЗНАМЕНИТЫ В ИСТОРИИ

В заключение расскажу дело, где все наперебой явились укрывателями.

В начале XIX века существовал откупщик Лихачев; пользуясь своим положением, он составил себе огромное состояние, но наконец он был обличен в злоупотреблениях, на него сделан был начет и взыскан с него.

Лихачев все-таки остался настолько богатым человеком, что его наследником явился один из самых знатных вельмож. Он занимал министерский пост и принадлежал к группе людей, управлявших тогда Россией. Ему удалось достигнуть пересмотра дела, и тогда последовало высочайшее повеление, которое признало Лихачева невиновным.

На основании этого высочайшего повеления наследники Лихачева стали просить о возвращении им начета с процентами за полстолетие, что составляло огромную

сумму. Государственный совет решил возвратить начет, если будет доказано, что он сделан был неправильно. Наследники представили свои доказательства, и на мое рассмотрение поступило толстейшее определение сената о возвращении начета. Определение было написано очень ясно и убедительно; начет следовало возвратить.

Я не имел обыкновения полагаться на определение сената и прочел подлинное дело.

Из него я увидал, что смысл мнения государственного совета был искажен, а именно: было пропущено место о требовании доказательств; затем была пропущена бумага, которою виновность Лихачева и правильность начета доказаны были до очевидности.

В докладе я пополнил это упущение и пришел к заключению, что наследникам Лихачева следует отказать в их просьбе.

Когда я подал мой доклад моему непосредственному начальнику, он побледнел.

— Разве вы не знаете, — говорит он мне,—кто наследник Лихачева? Это—любимец императора, и он и его предки знамениты в истории.

— До меня это не касается, — отвечаю я — я рассматриваю дело.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КРЕПОСТНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Глава первая

ПОДВЕШИВАЛИ, ПОРОЛИ И ИСТЯЗАЛИ

Я сделан был чиновником особых поручений, и в моих руках сосредоточились все дела по жестокому обращению помещиков с крестьянами. Встречались примеры, от которых волосы становились дыбом.

Нередко власть доставалась самым грубым и невежественным людям.

Помещик имел любовницу из своих крепостных; она сумела сделаться его женой и забрала его в руки. Конечно, каждая из них имела соперниц в девичьей и, завладев властью, сводила с ними свои счеты.

Одна из подобных госпож сажала крепостных девушек обнаженным телом на раскаленную плиту, заставляла их пить кипяченую урину, подвешивала их за один палец к потолку, изрезывала лицо, чтобы лишить красоты. В числе негодяев фигурировали и лакеи, сделавшиеся любовниками своих барынь. Не меньшие зверства совершались и высокопоставленными людьми, подвиги которых не могут быть преданы печати.

Встречались случаи совсем иного характера. Между помещиками оказался выродок; он крестьян своих работами не обременял, оброков с них не брал, жил между ними, как простой крестьянин, и не лучше их, с ними вместе по праздникам веселился в кабаке.

Его родственники стали домогаться того, чтобы его имение взято было в опеку, так как он ведет неприлич-

ный для дворянина образ жизни. Местное начальство нашло просьбу основательной, и через сенат дело дошло до министерства юстиции.

Вместе с тем поступила просьба от крестьян, которые уверяли, что он—лучший из помещиков и что наказывать его опекой не за что. К их просьбе присоединились совершенно посторонние крестьяне в доказательство его добродетелей.

Бывали случаи, что губернаторы из мести домогались наложения опеки на имения ненавистных им помещиков. Они имели для этого в руках своих всегда готовый предлог. У большинства помещиков девичья служила им гаремом; если помещик губернатору не нравился, он обвинял его в том, что он имеет гарем, и дело в шляпе.

К выдающимся случаям принадлежали следующие.

Генерал-губернатор восточной Сибири имел правителя канцелярии Коновалова. Этого Коновалова он считал дельнейшим и честнейшим человеком. Он послужил и вышел в отставку. Затем генерал-губрнатор узнает, что он покупает золотой прииск, потом другой, наконец строит завод для производства стеклянной посуды.

Оказалось, что, пользуясь доверием генерал-губернатора, он нажил себе большое состояние взятками. Генерал-губернатор взбесился и стал следить за ним через своих агентов.

Однако Коновалов сумел взять верх даже над сибирским генерал-губернатором, который считался царем в восточной Сибири.

Известна следующая его проделка. В Сибири частное землевладение составляло редкость, а крепостного права почти вовсе не существовало, однакоже не было закона, который бы его запрещал. Пользуясь этим,

Коновалов отправился в Европейскую Россию и стал отыскивать там людей, которые были закрепощены противозаконно и домогались свободы. Чем менее шансов имел помещик удержать их в своей власти, тем для Коновалова было приятнее. У таких помещиков он скупал людей за ничтожные деньги и водворял их в Сибири.

Он знал благодетельный закон, обязывавший крестьян отыскивать свободу в том месте, где жил помещик, неправильно их закрепостивший. Для безграмотного крестьянина отыскивать свою свободу в Орловской или Тульской губернии из восточной Сибири было окончательно невозможно.

Всех этих крестьян он сделал рабочими на своем заводе для производства стеклянной посуды, но так как эти рабочие были до крайности ожесточены его проделкой, то он держал при заводе бывших каторжных, которые пороли и истязали.

Он заставлял их работать шесть дней в неделю и тем, которые работали, отпускал паек черным хлебом. Для того, чтобы удовлетворять всем прочим своим нуждам, чтобы кормить своих жен и детей, он оставлял им воскресенье.

Генерал-губернатор усмотрел в этом жестокое обращение, на имение наложена была опека, и Коновалов удален из него.

На деле оказалось, что Коновалов попрежнему управлял своими крепостными людьми, но так как он не мог постоянно жить на заводе, то управляющего заменял его брат. Этот распоряжался с еще большим зверством, чем настоящий хозяин.

В деле было подробное описание истязаний и бесстыдного обращения с одной девушкой. Коновалов

принуждал ее быть своей любовницей и случайно нашел у нее любовное письмо от лакея. За это преступление он ужасными наказаниями довел ее до покушения на свою жизнь.

От жестокого наказания розгами спина у нее вздулась до того, что она сделалась вдвое толще, кровь текла у нее по пятам и куски мяса висели.

Дело снова возгорелось, следствием добыты были юридические доказательства преступных поступков владельца, и сделано было предположение уже не о наложении опеки, а о предании его уголовному суду. С этой целью оно доведено было до государственного совета.

Государственный совет нашел, что, кроме жестокого обращения, Коновалов обвинялся еще в двух других уголовных преступлениях, а потому предание его суду за жестокое обращение совершенно излишне; следует просто переслать дело в суд для произнесения приговора по совокупности с другими его преступлениями.

Между тем суд, рассмотрев обвинения в помянутых преступлениях, оправдал Коновалова.

Суды того времени оправдывали много раз за взятки самых тяжких преступников. Оправдав его в тех преступлениях, за которые он предан был суду, суд не счел себя в праве рассматривать дело о его жестоком обращении, так как он должен был только принять его в соображение при постановлении приговора по совокупности преступлений.

Таким образом Коновалов вышел сухим из воды.

Подобные юридические фокусы проделывались в те времена нередко.

Глава вторая

ВОЛЯ, УРА!

В Ставропольской губернии крестьяне губернского предводителя дворянства Калантарова стали отыскивать свободу на том основании, что он армянин и не принадлежит к православной религии. Им казалось, что русскому правительству совершенно неприлично отдавать русских людей в крепостное владение лицам, не исповедающим православную веру. Им стоило обратиться к любой благотворительнице-помещице в окрестности, чтобы встретить полное сочувствие к их мнению; всякая помещица относилась к армянину с такой же гадливостью, как к змее, ящерице или насекомому, порожденному нечистоплотностью.

Крестьяне считают свое дело окончательно решенным — отказываются повиноваться Калантарову и работать на него.

Калантаров в отчаянии, его обращения к властям встречаются улыбками и двусмысленными шутками. В это время приезжает в Ставрополь помощник наместника кавказского Реад: тот самый Реад, про которого гр. Толстой [20] в стихотворении сказал:

А Липранди; нет, атанде,
Туда умного не надо;
Мы пошлем туда Реада,
А я посмотрю. [21]

Вкрадчивому Калантарову вполне удалось очаровать Реада. Он изобразил своих крепостных злодеями небывалого зверства. Реад вознегодовал и стал уверять, что

он сумеет довести его крестьян до крайнего смирения и полного повиновения.

Обыкновенно в случае крестьянских бунтов брали для усмирения роту, много две. Реад начал с того, что взял целый батальон. Когда он вышел из Ставрополя, ему показалось, что войска мало, а потому он по дороге захватил еще две сотни казаков. Раздумавшись во время пути, он прихватил артиллерийскую батарею и с такими силами приблизился к богатому селу, принадлежавшему Калантарову. Для вступления в село им выбран был праздничный и базарный день. Огромная площадь была полна народа.

В полной парадной форме с музыкой Реад выступил на площадь и расположил свое войско в боевом порядке: артиллерию в середине и т. д.

Вся толпа кинулась к нему, чтобы посмотреть на такое небывалое зрелище. Теперь крестьяне были вполне уверены, что они свободны; государь прислал им своего генерал-ад'ютанта, чтобы об'явить им с приличной торжественностью о своей монаршей милости.

Реад с своим блестящим штабом является перед фронтом и велит читать указ. По закону, прежде чем приступить к усмирению бунта, бунтующим читается указ, в котором им повелевается безусловно покориться властям. Реад обращается к крестьянам и командует: «шапки долой».

«Вот так оно и есть, — думают крестьяне, — им об'является воля».

— Воля, ура!

Гремит единодушный крик по площади.

Вне себя от восторга вся толпа кидается к Реаду и хватает его за ноги, чтобы целовать их.

Глава третья

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪЕЗД ПО ТРУПАМ В ЦЕРКОВЬ

Все это движение Реад об'ясняет по-своему.

Крик «воля, ура!» кажется ему воинственным криком атаки. По его мнению, его ловят за ноги, чтобы стащить с лошади.

Он дает шпоры своему коню,и лошадь несколькими прыжками относит его за фронт. Тут он обращается к офицеру, командующему артиллерией, и велит стрелять.

Офицер бледнеет от ужаса и, несмотря на строгость военной дисциплины, решается переспросить.

Реад повторяет приказание.

Залп из двенадцати орудий, заряженных картечью, раздается, и четыреста шестнадцать человек положены были на месте.

В том числе были женщины, дети, крестьяне Калантарова, крестьяне окрестных селений, торговцы и всякий другой народ.

В безумном страхе вся оставшаяся в живых толпа кидается к церковным воротам, но давка там так велика, что невозможно протесниться. Кто может, прыгает через ограду.

Наконец все исчезли в церкви; на площади не осталось ни одного человека, способного двигаться; товар, лотки, палатки, лошади, телеги—все брошено в добычу победителям.

Трупы и смертельно раненые валяются в пыли, громкие стоны и крики сотен голосов умирающих людей раздаются в воздухе.

Этот вопль способен довести до исступления самое закаленное сердце. Из солдат одни плачут, а другие мрачно и зловеще молчат.

Офицеры глядят на своего генерала, правда, молча, но не скрывая своих чувств. Победитель с смертельной бледностью на лице смотрит на свое войско; видно, что теперь только он понял, что он сделал. Однакоже звание генерала заставляет его продолжать, как начал.

Новый Гензерих[22] по трупам убитых торжественно в'ехал в церковные ворота с тем, чтобы в церкви принять коленопреклоненное раскаяние и смиренный вопль о пощаде побежденных. Но церковь была пуста, все успели оттуда убежать прежде, чем победитель вошел в нее.

Он обращается в село: в селе никого нет. Все разбежались, куда кто мог, оставив свое имущество на жертву победоносному отряду[23].

В Петербург летят жалобы на это беспримерное побоище. На первом плане жалоба Калантарова. Он взыскивает за триста человек убитых людей, составлявших его собственность. По его словам, он просил правительство о помощи, но не о своем разорении.

Во время осады Севастополя я прочел в газетах, что Реаду снесло ядром голову. При этом известии я почувствовал душевное облегчение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я ВХОЖУ В РЕВОЛЮЦИЮ

Глава первая

Я ДОСТИГАЮ ЦЕЛИ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Император Николай злополучно окончил свое царствование, и на престол вступил Александр II. Кончилось время реакции, и готовились либеральные реформы.

Судьба моя стала принимать оборот.

Однажды я получил бумагу из харьковского университета; в ней университет предлагал мне кафедру финансового права самым лестным образом. Так как я не имел нужной для занятия кафедры ученой степени, то университет нашел средство обойти это препятствие; он хотел назначить меня даже не ад'юнктом (доцентом), но исправляющим должность экстраординарного профессора.

Царствование Николая так понизило юридические знания в России, что трудно было найти хорошего преподавателя финансового права, даже в Петербурге профессор финансового права был крайней посредственностью.

Я очень желал сделаться профессором, но я знал ничтожные средства, которыми располагают юридические факультеты.

Благодаря либерализму Делянова, бывшего тогда директором публичной библиотеки, я получил помимо читальной залы свободный доступ в залы библиотеки, где мог пользоваться беспрепятственно как запрещенными книгами, так и теми изданиями, которые по дороговизне своей недоступны для частного лица. Кроме

того, я имел доступ к другим библиотекам, где мог читать запрещенные книги и издания, недоступные по дороговизне нашему брату. Со всем этим я не хотел расстаться, между тем я много слышал о бедности провинциальных университетских библиотек и в особенности о ничтожности средств юридического факультета.

Поэтому прежде, чем принять предложение университета, я написал знакомому мне профессору химии, перечислил те издания, которые, по моему мнению, необходимы для занятия наукою, и просил его справиться, есть ли они в университетской библиотеке.

Знакомый мой передал это письмо на обсуждение совета и вышел курьез. Самый известный и влиятельный из профессоров юридического факультета нашел мое требование чрезвычайным и излишним, с ним согласились прочие профессора этого факультета, но против них восстали естественники, математики и медики и большинством голосов поручили ректору уведомить меня официально, что университет употребит все свои усилия для выполнения моего желания.

Я победил, но вместе с тем я увидал, что с первого дня моего появления в университете я буду иметь против себя юридический факультет; нужно было подумать прежде, чем окончательно решиться.

Работать так, как я работал, было не в обычае не только в Харькове, но даже в Петербурге.

В публичной библиотеке, кроме меня, вне читальной постоянно занимался только один Костомаров; я не мог понять, каким образом другие ученые в своих исторических и юридических работах обходятся без дорогих изданий публичной библиотеки.

Борьба была необходима, и я хотел сначала посоветоваться с проф. Кавелиным.

Неожиданно я получил от него следующий ответ. «Охота вам ехать в Харьков преподавать финансовое право; оставайтесь у нас и преподавайте государственное — это ваша специальность».

Быть профессором в петербургском университете и преподавать государственное право было для меня верхом благополучия, я прямо высказл Кавелину эту мысль. «Но вы должны сначала, — продолжал он, — выдержать экзамен на ученую степень». «Мы вас пошлем на два года за границу, а через два года вы будете занимать кафедру международного права и государственного права европейских держав».

Мне казалось, что я достигаю цели своей жизни.

В апреле 1861 года я выдержал экзамен по главным предметам, но так как наступили экзамены студентов и факультету некогда было собираться, чтобы экзаменовать меня, то вопрос о моей посылке за границу был решен, и мне предоставлялось выдержать экзамен из побочных предметов осенью, перед выездом за границу.

Теперь наступает решительный поворот в моей жизни, а потому прежде, чем продолжать, я должен сделать характеристику того политического движения, которое началось со вступлением Александра II на престол.

Глава вторая

КРЕПЧЕ ДЕРЖАТЬСЯ ЗА СВОЮ ВЛАСТЬ

Я уже говорил о том, что Николай I приучил русское общество всякое политическое восхваление и всякое политическое порицание сосредоточивать на лице одного императора.

Николай до такой степени привык сосредоточивать в своем лице все правительство, всю политику, он так громко провозглашал: «государство — это я», он так настаивал на том, что, кроме него, в России никакой политической силы нет и не может быть, что все привыкли смотреть в этом случае его глазами.

Этот взгляд тем более укоренился, что он составлял традицию. Еще Павел [24] говорил: «В России нет прав, никто не имеет прав, кроме меня; только тот дворянин, кто со мною говорит и пока он со мною говорит».

Но вот фиаско прежней жизни породило необходимость реформ; при этом, разумеется, все общество должно было разделиться на две партии—сторонников и врагов реформ.

Без поддержки со стороны общества никакие серьезные реформы не были мыслимы. Мало того, чтобы дать делу правильное обоснование, нужно было создать партию, способную поддерживать реформы, и дать этой партии достаточную прочность и силу, чтобы выполнять свою задачу. Что такой план удался бы, видно из того, что либеральная пресса с первого дня, когда цензура стала ее допускать, оказалась неизмеримо сильнее консервативной. К ней не только принадлежали самые влиятельные газеты и журналы—«Петербургские Ведомости» [25], «Современник» [26], «Русский Вестник» [27], «Отечественные Записки» [28], но Старчевский [29], редактор листка, читавшегося маленькими людьми и имевшего поэтому весьма большое число подписчиков, уверял, что без красноты иметь успех нельзя.

Но правительство не думало искать опоры в общественном мнении страны.

Александру II твердили, что он тем крепче должен держаться за свою власть, чем серьезнее будут реформы, которые он предпринимает.

Милютин [30] был первым поборником сильной централизованной власти для проведения реформ. При дворе понимали только двойную игру: полновластный деспотизм и революцию.

Дело освобождения крестьян поручено было сначала Ростовцеву [31], который был известен обществу, как декабрист [32], изменивший своим товарищам и сделавший на них донос.

Глава третья

ПОТРУДИТЕСЬ ПРОКАТИТЬСЯ

В предыдущем изложении я уже до некоторой степени охарактеризовал Панина. Он был от'явленный консерватор; приведу еще один пример, чтобы показать, до чего доходило его капризное самодурство.

Однажды преданный ему и душою и телом директор Топильский докладывает ему дела; среди занятий входит лакей и говорит, что подведена к крыльцу верховая лошадь для дочери графа. Они выходят с Топильским на двор, молодая графиня в первый раз в жизни должна сесть на коня и не может решиться.

«Покажите ей, что в этом нет ничего опасного, садитесь, прокатитесь», — говорит граф Топильскому.

Директор замечает, что двор отделен от улицы только сквозной решеткой и что в мундире и в звездах ему неудобно гарцовать перед публикой на дамском седле.

Через несколько дней Панин приказывает ему явиться к себе запросто в сюртуке; Топильский

в точности исполняет приказание. Неожиданно подводят к крыльцу лошадь, оседланную в дамское седло. «Теперь вы без орденов, — говорит Панин, — потрудитесь прокатиться».

И седовласое превосходительство должно было, как гаер, эквилибрировать на дамском седле перед любопытными зрителями.

Другой раз граф заставил его ловить на крыше петуха, который его обеспокоил.

У него (Панина) было 14.000 душ (30.000 людей) крепостных, из них он 7.000 душ держал на барщине; в России не было ни одного вельможи, который доходил бы до таких пределов рабовладельческого деспотизма. Когда император в первый раз высказал свое намерение освободить крестьян, гр. Панин, не стесняясь, кричал на весь Петербург, что нужно повесить того, кто дал императору эту мысль...

Нельзя сказать, чтобы такой реформатор мог поселить в публике уверенность, что крестьянская реформа даст те благие плоды, которые от нее следовало ожидать.

Панин либеральному обществу ничего, кроме ненависти, не внушал и внушать не мог.

Глава четвертая

ЯВИЛСЯ НИГИЛИЗМ

Ненависть к грубости времен Николая I, крайняя низменность стремлений этого грубого времени побуждали общество пропитываться идеями прямо противоположными, идеями гуманности и свободы, полного отречения от прежних традиций, стремления

освободиться от всяких стеснений в исполнении своих желаний и в особенности от всякой опеки.

Правительство хотело попрежнему опекать общество и заставить его играть ту же самую роль, какую оно играло при Николае I, роль верноподданного народа, вполне полагающегося на мудрость своего правительства и восторженно восхваляющего его благодеяния. Общество ненавидело эту роль, но так как теперь правительство перестало быть консервативным и сделалось правительством реформ, то общество стало ставить себе такой высокий идеал, какой для правительства был недостижим к осуществлению.

Возродился, или лучше сказать, расцвел старый идеал времен Петрашевского — идеал Фурье. Чернышевский [33] кончил тем, что в знаменитом своем романе: «Что делать» [34] проповедывал этот идеал.

Явился нигилизм [35] с его идеей торжества безграничной свободы.

По сравнению с таким идеалом всевозможные реформы казались ничтожными.

Теперь учение Фурье получило совсем другое значение, чем то́, какое оно имело при Петрашевском. Оно перестало быть прелестной, облагораживающей людей мечтой и сделалось орудием борьбы.

Социальные учения, вынесенные в Западной Европе из кабинетов мыслителей на улицу, превратились в грозный социальный вопрос.

Учение Фурье, получившее облик нигилизма, подняло революционное знамя. Притязаниям правительственной опеки нигилизм противопоставил революционную пропаганду; дело поставлено было так, что в душе каждого свободомыслящего человека царило неизгладимое противоречие.

С одной стороны, готовились реформы; наконец-то мы выходим из мрака, сердце готово было восторженно обожать Александра II; с другой — его высокомерная правительственная опека оскорбляла до глубины души.

Поручить крестьянскую реформу такому ненавистному человеку, как Панин, — можно ли было показать большее презрение к чувствам и ожиданиям общества?

Можно ли было поставить цензуру и литературу так, как они были поставлены?! Герцен [36] и Огарев [37] были великими, всем известными мучениками за свободу, они вполне заслужили получить теперь полное вознаграждение за свои страдания. Герцен и Огарев, пока они оставались подпольными писателями, могли проповедывать только революцию. Эта пропаганда, ничтожная при Николае I, получила теперь громкую известность.

Пресса проповедывала, что от слов нужно перейти к делу; но какое же это могло быть дело?

Общество было отстранено от всякого дела: это дело могло быть одним — революционной пропагандой.

Глава пятая

ПЕРВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСТВА

Между министрами одним из наиболее прозорливых был министр народного просвещения Ковалевский [38]. Он с большим тактом способствовал развитию либеральных идей в университетах. В особенности в петербургском университете свободное и организационное движение между студентами все далее пускало свои корни.

Студенты имели сходки, на которых обсуждали свои общие дела, составили организации, имели кассу.

Произведено было правильное исследование нищеты между учащимися и дало поразительные результаты; найдены были, например, два студента, которые жили в шкафу, студент, который жил зимою в досчатой будке, где когда-то помещалась известь.

Профессор Спасович [39] организовал студенческий суд, действовавший по всем правилам европейских публичных судов с присяжными, адвокатами и т. д.

Студенческие организации в Петербурге действовали прекрасно, порядок на сходках и публичных собраниях был образцовый.

Глава шестая

ЗАГОВОР МРАКОБЕСИЯ

Ободренный успехом своих мер, Ковалевский задумал серьезные реформы в области народного просвещения и представил их в государственный совет. Проект этот поставил себе целью дать образованию в России тот толчок, в котором оно так нуждалось; но это перепугало наших обскурантов.

Во главе с Паниным и Строгановым [40], этими двумя исчадиями ада, созданного в России императором Николаем I, они принялись разрушать прекрасное дело министра Ковалевского. Император Александр... согласился с ними, и Ковалевский вышел в отставку.

Строганов, бывший попечитель московского университета, знаменитый бич, которым император Николай I хлестал все, что порывалось мыслить, сделался душою того заговора мракобесия, который имел целью хлестать казацкой нагайкой несчастное русское просвещение. Нужно было спасти русское просвещение от интриги старого пролазы Строганова.

К несчастью, эта интрига была известна в настоящем своем виде только в Петербурге, но зато же здесь и профессора и студенты решились единодушно протестовать и против мер, порожденных интригой, и против удаления Ковалевского. Имелось в виду совершенно новое дело для Петербурга—политическая манифестация.

Оказалось, что студенты были уже прекрасно подготовлены к такому проявлению свободы; между ними оказался некто Михаелис [41], составивший остроумный план для ведения этого дела.

Глава седьмая

ПОЛИЦИЯ ЛИШНЯЯ

Студенты делились на кружки; Михаелис из всякого кружка выбирал наиболее влиятельного человека и составил так называемую центральную сходку. Они собирались где-либо в частной квартире и по большинству голосов решали как действовать. Центральная сходка служила наиболее верным выражением мнения всех студентов.

Я отправился на Васильевский остров к декану юридического факультета спросить, когда назначен мой дополнительный экзамен, и с ним вместе прошел в университет. К крайнему моему удивлению, я нашел площади, окружающие университет, и самый университетский двор переполненными народом; возле университета стояло войско. Оказалось, что я неожиданно попал на ту сходку, которая устроила первую по времени манифестацию на Колокольной улице [42].

Я любовался на тот порядок и на самообладание, с которым действовали студенты.

Полиция повторяла: «Господа, лишние удаляйтесь!» Кто-то из толпы ответил: «Полиция лишняя».

И действительно, полиция была совершенно лишняя, так как не было и тени нарушения порядка. Я пробыл на митинге до конца и возвратился домой в самом радужном расположении духа.

На другой день я узнаю, что в ночь Михаелис и вся собиравшаяся у него центральная сходка арестованы. Последствия было нетрудно предвидеть: в университетах по всей России начались беспорядки...

Предательский арест Михаелиса и центральной сходки вызвал в университете беспорядки; против студентов пущены были в ход нагайки, приклады и штыки; аресты производились массами.

Глава восьмая

ПЕТИЦИЯ О ПОМИЛОВАНИИ СТУДЕНТОВ

Чтобы помешать интриганам продолжать свое преступное дело, мы решились подать всеподданнейшее прошение о помиловании студентов. Администрация тотчас стала преследовать это прошение.

Я помню, что я собирал подписи следующим образом: когда ко мне подходил желающий подписаться, я об'яснял ему, что прошение преследуется администрацией, и спрашивал, согласен ли он подписаться при таком условии; не оказалось ни одного отказавшегося от подписи.

Тайная полиция, предположив, что прошение хранится у известного впоследствии адвоката и председателя совета присяжных поверенных, а тогда чиновника Стасова [13], сделала у него обыск и арестовала его.

На другой день министр юстиции сделал по министерству запрос о подписавшихся; все до одного назвали себя.

От всех потребовано было одно общее об'яснение, а от меня, так как я до известной степени принадлежал университету, особое.

Общее об'яснение написал знаменитый впоследствии адвокат, много лет бывший председателем совета присяжных поверенных, Арсеньев [44].

Я в своем об'яснении привел законы, дающие всякому русскому право петиционировать, и прибавил, что я счел своим долгом подать руку помощи молодым людям, которых постигло несчастье, тем более, что мне было известно, что они желали действовать законно, и если в этом не успели, то только потому, что были поставлены в условия, в которых не могли действовать так законно, как предполагали.

Мне заявили, что после моего указания на то, что студенты были вовлечены действиями администрации, я буду непременно арестован и сослан. Поэтому на другой день я написал открытое письмо к обществу, в котором, во избежание искажения смысла моего образа действий во время моего ареста, об'яснял обществу, что я считаю предоставленное в основных русских законах каждому русскому право петиции таким правом, от которого русские ни в каком случае отступаться не должны.

В неограниченной монархии, писал я, такой закон не может быть отменен, потому что император не может без него обойтись, иначе он может сделаться жертвою не только обмана, но заговора своих приближенных и измены; шпионам нельзя верить, а честные люди не будут доносить, а будут только петиционировать.

Едва я успел окончить письмо, как вошел курьер и потребовал меня к члену следственной комиссии барону Врангелю.

Я положил письмо в карман с целью передать его для распространения.

У Врангеля я нашел Арсеньева. Добродушный барон со слезами на глазах стал уговаривать нас отказаться от права подавать петиции, иначе нас сошлют в Сибирь.

Я попросил у него дозволения посоветоваться с Арсеньевым. Не желая об'ясняться, я вынул из кармана написанное мною письмо и передал его Арсеньеву; читая его, он сделался очень серьезен и потом об'явил, что со мной вполне согласен.

С той минуты, когда мы передали наш ответ Врангелю, наша судьба считалась решенною, однакоже на деле вышло не так. Министр возвратился из дворца с совсем другим взглядом на дело; всякое политическое преследование по отношению к нам было прекращено на том основании, что в наших действиях не обнаруживалось намерения сопротивляться закону и власти императора.

Глава девятая

ШЕСТВИЕ НА КАТОРГУ—ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ

Между тем брожение между студентами и в публике продолжалось. Либеральные профессора петербургского университета, не желая подчиняться новому направлению, данному просвещению, вышли в отставку. Такой неслыханный дотоле образ действия произвел в обществе большую сенсацию. Все были убеждены, что правительство не только не уступит общественному

мнению, но что оно примет самые крутые меры, чтобы помешать обществу проявиться.

Образованное общество чувствовало себя бессильным и парализованным, не имея опоры под своими ногами.

Опору эту мог доставить один только народ своей массой, а народ был вполне неспособен понять цель такого движения по недостатку своего развития; этот недостаток правительство и желало увековечить своими мерами.

Остановить развитие народа путем мирной и открытой пропаганды правительство имело тысячи средств, оно было бессильно только против подпольной, а подпольная, за которую ссылали в каторжные работы, могла быть только революционной. Было слишком ясно, что все, что жаждало деятельности, все, что не было в состоянии перенести того унизительного положения, в которое были поставлены мирные пропагандисты, должно было перейти к подпольной и революционной пропаганде.

То, что следовало ожидать, совершилось: Строгановский заговор против народного просвещения дал сильный толчок революционной пропаганде, влияние Герцена возростало.

В Москве, где движение мирного прогресса между студентами рано встретило со стороны администрации самый грубый и бесцеремонный отпор, энергические студенты скоро стали на сторону революции; они устроили первую по времени тайную типографию; типография была открыта, и учредители были сосланы в каторжные работы [45].

Михайлов[46], который привез из Лондона первые революционные прокламации, сделался самым популярным

в России человеком, и его шествие в каторжные работы было триумфальным шествием.

В Петербурге в это время самыми популярными людьми были Чернышевский и Костомаров [47]. Популярность Чернышевского сильно возросла от того, что он энергически примкнул к революционному движению, а популярность Костомарова пострадала от того, что он не хотел этого сделать.

В Петербурге тайная типография могла издавать периодическое издание.

Глава десятая

РАСКРЕПОЩАТЬ КРЕСТЬЯНИНА ПРЕСТУПНО

После освобождения крестьян начались попытки дворянских собраний, желавших введения в России конституционного управления.

Самую осмысленную из этих попыток сделало тверское дворянство. Во главе этого движения стояли братья известного анархиста Бакунина [48]. Бакунины составили следующий план: предложить дворянству единовременно с просьбой о конституции сделать распоряжение о том, чтобы уставные грамоты [49] писались не иначе, как с предоставлением крестьянам полного права собственности на отводимые им наделы.

Дворянское собрание огромным большинством приняло и то и другое предложение. Тогда тринадцать мировых посредников и два предводителя дворянства собрались на с’езд и разослали по волостям циркуляр, что они, согласно желанию тверского дворянства, будут впредь нарезать наделы крестьянам в полную собственность с прекращением всяких обязательных отношений

к помещику. За это они, по инициативе графа Панина, были арестованы жандармской властью, привезены в Петербург и посажены в крепость. Арест их был беззаконием в полном смысле этого слова; в их поступке не только преступления, но даже оппозиции против правительства не было. Они имели полное право действовать в этом случае, опираясь на постановление дворянского собрания.

Арестованные были преданы суду сената.

Решено было применить к ним закон об умышленном неисполнении высочайшего повеления, за которое полагается лишение прав состояния и каторжные работы.

Применение закона в данном случае было верхом несправедливости. Всякий человек и всякая корпорация может отказываться от пользования теми правами, которые им предоставлены, а потому и тверское дворянство имело право отказаться от нарезки крестьянам наделов на других основаниях, кроме собственности. Такое отречение было обязательно для всех дворян, не обжаловавших постановления собрания, а так как никто его не обжаловал, то оно и должно было остаться в силе. После этого мировые посредники имели полное право издать свой циркуляр.

Я не сомневался, что интрига удастся; сенаторы были в рабской зависимости и соглашались на все, опасаясь за свою шкуру.

Я пришел в большое волнение. Я не спал всю ночь и придумал способ, как защитить дворян от этой интриги. Надо огласить ее по России и обратить на нее всеобщее внимание прежде, чем она сделает свое дело.

Я написал циркулярное письмо, в котором обличал интригу и доказывал незаконность ареста тверских дворян. В то же время от себя в качестве дворянина

послал всеподданнейшее прошение об ограждении дворян от такого произвольного с ними образа действий.

Таким образом дело быстро получило большую огласку; в то же время развязаны были руки всем тем, кто желал действовать в пользу тверских дворян.

Успех моего поступка превзошел все мои ожидания, министерство юстиции отреклось от своей интриги, но так как мое положение в этом министерстве было таково, что я мог иметь самые точные сведения о его деятельности, то мое заявление было об'яснено припадками умопомешательства, которые будто бы со мною случались.

Меня отвезли в дом умалишенных [50]. В то же время дворяне западных губерний, которые просили об ограждении свободы в этом крае, посажены были также в дом умалишенных.

Стремиться к ограждению личной свободы правительству казалось безумием.

Глава одиннадцатая

Я В ДОМЕ УМАЛИШЕННЫХ

В доме умалишенных со мной происходили разные курьезы.

После нескольких дней пребывания в этом доме меня требуют к главному начальнику этих заведений, сенатору Кочубею.

Вхожу в общий зал, вижу на диване сидит человек большого роста, лет семидесяти, с характерной львиной головой Кочубеев, описанной в романе Толстого [51], перед ним полукругом стоят доктора и прочее начальство дома, за ними толпа умалишенных и прислуги.

Я поклонился, без приглашения сел рядом с ним и смотрю на него вопросительно.

Он принял величественную позу и наставительным тоном спросил меня:

— Как вы позволили себе беспокоить государя по делу, которое до вас не касается?

— Я послал свое прошение по почте в комиссию прошений. Комиссия имеет право не докладывать государю и оставлять без последствий всякое прошение, не достойное внимания императора. Следовательно, если мое прошение дошло до государя и обратило на себя столько внимания, то оно не было ничтожным и излишним...

Наставительный тон был теперь на моей стороне. Кочубей покраснел, как рак, и не знал, что мне отвечать.

В то время сильные мира наводили такой страх, что никто не осмеливался им противоречить. Кочубею и в голову не приходило, что на его вопрос, который, по его мнению, должен был уничтожить меня, я буду серьезно возражать, и теперь он не знал, что делать.

Доктора кусали себе губы от смеха, служители не знали, как сдерживать умалишенных, которые пришли в восторг, увидав, что такой же сиделец сумасшедшего дома, как и они, сконфузил грозного начальника. Наконец Кочубей встал, молча и низко мне поклонился; я ответил таким же поклоном, и мы разошлись.

Председатель комиссии, которая меня допрашивала, граф Бобринский, спросил меня, как поступили бы с тверскими дворянами в демократической стране. Я, разумеется, об'яснил ему, как в подобных случаях дела делаются в демократиях и какие существуют законы для ограждения самостоятельности граждан от деспотизма администрации. Неловкость Бобринского,

который дал мне такой прекрасный случай провести параллель между цивилизованными порядками и русскими, вызвала гнев в высших сферах и создала еще одну невинную жертву. Желая замаскировать свою ошибку, Бобринский требовал от стенографа, чтобы он изменил стенографический отчет так, как ему было надобно, но стенограф не согласился; он был уволен от службы.

В доме умалищенных я нашел несколько здоровых людей, из которых некоторые содержались там очень давно; доктора рассказывали мне, что они неоднократно, но безуспешно жаловались на присылку к ним здоровых людей.

Глава двенадцатая

РАБОЧИЙ ПРОТЕСТАНТ

Самый интересный был петербургский мещанин, фабричный рабочий.

Он был человек едва грамотный.

Какими-то судьбами ему попалась в руки история Англии. Отсюда он узнал, что англичане переносили всевозможные мучения и страдания, производили революции потому, что государи хотели принудить их уплачивать подати, на которые они не из'являли своего согласия.

Он стал уговаривать своих товарищей подать русским пример такого же образа действия.

На петербургских фабриках он возбудил большое к себе сочувствие.

Перестали было платить подати, но, увидав, куда это ведет, все, кроме него, уступили.

Он же остался неизменно верен своему решению и много лет боролся один против всей силы царства русского.

Его отдали наравне с другими не платившими мещанами в невольные работы, обращались там с ним самым варварским образом и по окончании установленного срока выпустили.

Он поступил на фабрику и продолжал не платить. Его приговорили на два года в арестантские роты; он выдержал два года.

Согласно закону спросили петербургское мещанское общество, желает ли оно принять его в свою среду. Общества всегда отказываются принимать лиц, осужденных в арестантские роты.

Обществу грозили, что ему придется поплатиться за этого упорного неплательщика податей, но он был популярен между петербургскими мещанами, и его все-таки приняли.

Вступив в общество, он опять об'явил, что до тех пор не заплатит ни копейки, пока петербургские мещане не будут иметь представителя при обсуждении государственного бюджета. На этот раз его приговорили к содержанию в смирительном доме и там пытали его разными пытками, чтобы сломить его упрямство. Но он вышел из смирительного дома таким же, каким вступил, и опять принят был обществом. Теперь ему грозили каторжные работы, но решители его судеб предпочли посадить его в сумасшедший дом.

Он рассказывал мне много неизвестного публике о варварских расправах при стачках и о борьбе между петербургскими мещанами и пришлыми рабочими, сбивавшими цены.

Глава тринадцатая

ГРАБЕЖИ И ПАМФЛЕТЫ

Мое дело кончилось тем, что я должен был отправиться в ссылку в город Астрахань.

В этом городе издавалась частная местная газета, что в то время в России составляло большую редкость.

Я предложил редактору план сделать ее интересной для местной публики. Я предложил взамен передовых статей делать обозрение периодической печати как заграничной, так и русской, как столичной, так и местной. Читатели могли таким образом получать интересные сведения из газет, которые для них были недоступны.

В одном из первых номеров я поместил сравнение, которое должно было характеризовать настроение умов в провинциальных городах либеральной тогда России и ультра-консервативной Франции Наполеона III [52].

В русском городе Кишиневе ожидали губернатора, а в одном из французских городов, не помню в каком именно, префекта. Я сравнил по известиям газет, что волновало умы жителей по этому случаю.

В русском городе дамы спрашивали: красив он или нет, любит ли он поволочиться и т. п.; чиновники: имеет ли он обыкновение задавать головомойки; помещики: любит ли он играть в карты, вивер он или нет; купцы: любит ли он парадные обеды и угощения. Во французском городе интересовались знать, какого он политического направления, какое у него политическое прошлое, каким он сочувствует идеям, интересным для местных жителей, и т. п.

Это сравнение показалось губернатору таким крупным преступлением, что обзор периодической печати был запрещен.

Губернаторы в это либеральное время были в такой степени бичами местной прессы, что все интересные для местных жителей корреспонденции должны были помещаться в столичных газетах. При этом сочинители корреспонденций разыскивались всеми средствами и подвергались безжалостным преследованиям.

Уменье корреспондента скрываться считалось великим искусством местного публициста.

Я прибыл в декабре, вскоре начались грабежи, которые наводили на жителей панический страх.

Во время навигации и улова рыбы в Астрахани скопляется множество рабочего народа; зимой народ этот остается без работы, и так как администрация не принимает никаких мер для обеспечения голодающих, то погибающий от нужды народ прибегает к грабежам.

Когда паника достигла максимума, администрация прибегла к приему, которым она пользовалась и в других русских городах в минуту народных бедствий—пожаров, отравления фальсификацией, грабежей и т. п. Она стала обвинять в этом политических ссыльных. В прежние времена, когда она сваливала вину на поляков, ей это удавалось. Еще недавно с помощью консервативной прессы правительству удалось свалить пожары и отравления фальсификацией в Петербурге и Москве на революционеров.

Катков так усердно доказывал, что поджоги и отравления составляют один из приемов проповедников революции, что ему удалось сбить с толку нескольких несчастных юношей.

Много лет спустя, я знал в Архангельске чиновника, который имел уже жену и четверых детей. Он мне рассказывал, что, будучи четырнадцати лет от роду, он воспылал желанием прославиться революционной деятельностью, но не имел никаких знакомств и никаких путей для сближения с революционерами. У Каткова ему удалось прочесть, что поджоги составляют революционный принцип, и это вызвало в нем решимость сделать поджог; несчастный мальчик был сослан в Мезень, в город, лежащий при северном полярном круге.

Другого подобного же злополучного ребенка император хотел расстрелять для успокоения общества. Его удержал от этого князь Суворов [53].

Слухи, распускаемые про нас администрацией, могли поставить нас в ужасное положение; пришлось защищаться. Полиция и администрация сваливали вину на нас, а мы—на них.

Мы распустили по городу в стихах и в прозе множество веселых листков, которые изображали деятельность полиции и администрации во время народного бедствия.

Одному из наших удалось поймать грабителя и представить его в полицию. Частный пристав узнал в нем известного вора; но на другой день полиция тихомолком выпустила его из-под ареста.

Весь город знал нас, все были возмущены попыткой администрации отдать нас на растерзание, все забавлялись нашими веселыми приемами самозащиты и единодушно утверждали, что если на кого-нибудь из двух должна падать вина настоящего бедствия, то, конечно, на администрацию, а не на нас.

Таким образом мы были втянуты в борьбу, которая во всяком провинциальном городе происходит между

жителями и администрацией. Сыпались стихи и листки; некто Д.[54], член петербургской центральной студенческой сходки, обвинявшийся в печатании подпольной газеты «Великоросс»[55] и оправданный сенатом, писал стихи, из которых некоторые были настоящими шедеврами и впоследствии попали отчасти в заграничную и отчасти в цензурную печать. Эти стихи и листки, вступавшиеся за жителей, обиженных администрацией, получили впоследствии громкое название «подпольной литературы, которая читается с жадностью», и подали отчасти повод к нашей ссылке в Сибирь.

В особенности между купцами мы получили таким образом популярность, так как купцы более других классов общества сосредоточивают на себе взгляды жадной до взяток администрации.

Глава четырнадцатая

ЗАКОННОСТЬ НАС ГУБИТ

В Польше вспыхнул мятеж. Александр II делал вид, что он либеральные реформы свои хочет распространить и на западные окраины и на Польшу. Для произведения реформы, ему, конечно, следовало бы обратиться к руководителям польского народа. Но Александр II не имел ни малейшего желания поставить во главе управления популярных в Польше людей и произвести реформы, которые могли бы удовлетворить поляков; он затевал переделки, которые ему нравились, и поставил во главе дела ненавистных полякам людей.

В это время я прочел знаменитую передовицу «Московских Ведомостей»[56], лозунгом которой были слова: «законность нас губит».

«Так вот до чего у нас дошло, — подумал я, — они же сами ухитрились производить свои реформы так, что вызвали между свободомыслящими людьми в России революционную пропаганду, а в Польше бунт, и они же теперь громко провозглашают, что законы их стесняют, и требуют для себя права на беззаконие и произвол. После этого нам остается одно — отвергать их самих, их произвол...»

Глава пятнадцатая

Я ВХОЖУ В РЕВОЛЮЦИЮ

В Астрахани существовал революционный комитет, я вступил в него [57].

Ознакомившись с его деятельностью, я нашел ее слишком слабой и старался убедить членов, что пропаганда в среде одного образованного класса не может дать успеха; пока в массе народа не пробудится стремление к политической самодеятельности, до тех пор образованный класс не будет иметь опоры и во всякой борьбе с администрацией должен будет покориться. Комитет обновился, прежние члены вышли, новые вступили.

К нам обращались старообрядцы, но я находил их мало пригодными для наших целей, так как они консервативнее самого правительства.

Мы стали сноситься с казаками, но получили в ответ, что настоящее время неудобно для пропаганды в их среде, так как командующий военной частью в Астраханской губернии заботится о полезных для них нововведениях.

Мы обратились в другую сторону. Астраханская губерния — губерния садов и рыбопромышленников,

и тут и там рабочее население терпело от возмутительных злоупотреблений. Существовали крепостные садоводы; разведенные ими сады и построенные ими в этих садах дома считались собственностью их помещиков. При освобождении крестьян помещики бессовестно завладели всем этим и выгоняли их ни с чем на улицу.

Еще хуже было положение рыболовов: они находились в рабской зависимости от откупщиков рыбных ловлей. С этими обиженными и угнетенными мы и вступили в сношения.

Я доказывал, что лучший случай для распространения в рабочем народе необходимых для него политических идей представляется тогда, когда защищаешь существенные для них интересы.

В это время из-за рыбных ловлей боролись две партии; одна была партия монополистов; она старалась законодательным путем сосредоточить рыбные ловли в возможно меньшем числе рук; другая была партия буржуазная, она старалась о том, чтобы рыбные ловли были разбиты на мелкие участки и розданы купцам средней руки.

Мы создали третью, демократическую партию, которая вступила в состязание с монополистами и с буржуазией. Нам удалось привлечь к себе лицо, которое заведывало частной почтой рыбопромышленников; таким образом мы вступили с ловцами в переписку; я убеждал их домогаться закона, который избавил бы их от ловецкого контракта.

Мой план состоял в том, чтобы все рыбные ловли из'ять из предметов частной собственности. Это было тем легче исполнить, что все воды были в руках казны, казацкого войска, общин и т. п.; частная собственность касалась только так называемых заливных вод. Интерес

частных лиц был сравнительно ничтожный, между тем он существенно мешал урегулированию рыбного промысла и делался источником рыбоистребления; устранить этот интерес с вознаграждением было очень легко.

Дело у нас пошло прекрасно, и члены революционного комитета скоро убедились, что они имеют в руках прекрасное орудие пропаганды. На большом пространстве ловцы составляли сходы, избирали уполномоченных, которых посылали к нам.

Глава шестнадцатая

ССОРА ГУБЕРНАТОРА С ЖАНДАРМАМИ

В то время, когда дело наше расширялось, случилось происшествие, которое значительно увеличило нашу популярность в Астрахани.

В одном селении произошло недоразумение между крестьянами и полицейской властью. Исправник донес губернатору, что крестьяне бунтуют; губернатор с большой торжественностью и с военной силой отправился усмирять.

Мы старались делать все возможное, чтобы парализовать его карающую руку.

На месте губернатор появляется Юпитером-громовержцем и только-что собрался уничтожить непокорных, как неожиданно встречает сопротивление, и в ком же? — в жандармском полковнике. Так он и уехал, не солоно хлебавши.

Тайна этого сопротивления заключалась в том, что жандармский полковник был холостяк шестидесяти лет. Он имел большое доверие к одному астраханскому радикалу, который газетными корреспонденциями

спихнул с места предшествующего губернатора; он считал его человеком, обладающим тонким чутьем относительно политических веяний в Петербурге. Этот радикал был влюблен в женщину, которая была вполне предана нашему делу. Так и совершилось это для всех неожиданное дело.

Губернатор и жандармская власть возвращались в Астрахань на одном пароходе и составляли два враждебных лагеря. Губернатор с своим штабом на корме, жандармский полковник с одним из наших товарищей— на носу.

В городе дело это произвело большой шум, все общество рукоплескало жандарму и в то же время, увы, кричало, что это наше дело. Губернатор повторял то же.

В то время в Казани разыгралась драма, известная под именем вооруженного восстания на Волге [58]; губернатор уверял, что мы принадлежим к организации и с помощью одураченного нами жандармского полковника сделаем в Астрахани революцию. Он официально спросил Врубеля, начальника военной части, какими он располагает силами для подавления восстания. Мы подняли на смех этот запрос, и он не только не перепугал, но развеселил жителей.

Осмеянный всеми и взбешенный губернатор полетел в Петербург требовать мести. После больших усилий ему удалось достигнуть своей цели; последовал первый удар: жандармский полковник был уволен, и, к крайнему изумлению жителей, было сказано, что он увольняется за то, что подчинялся влиянию ссыльных.

Губернатор поднял высоко голову и захотел и с своей стороны дать жителям урок. Он повторял: «Многие считают себя независимыми от меня; я докажу, что все здесь от меня зависит».

Произошел пожар. Живший по соседству молодой студент выскочил на улицу в студенческой фуражке и в партикулярном платье; губернатор велел его арестовать за то, что он одет был не по форме. Арестовать человека за то, что он, спасая свою жизнь, и в минуту опасности не позаботился о том, чтобы одеться по форме, была возмутительная жестокость. Губернатор знал это прекрасно, но он именно и хотел совершить возмутительную жестокость, чтобы навести страх на жителей. Такова была система бюрократов.

Глава семнадцатая

ВООБРАЖАЕМЫЙ ЗАГОВОР

Едва прошло полгода после моего прибытия в Астрахань, как я снова был арестован. Предлогом послужило взятое при обыске письмо, в котором рассказывались разные явные небылицы и слухи о революционных затеях и затем прибавлялось: «Кажется, хотят втянуть в это дело Б.» (т. е. меня). Этого было достаточно, чтобы сослать меня в Сибирь.

Меня свезли в Казань, где действовала комиссия, производившая дознание о заговоре с целью произвести вооруженное восстание на Волге.

Для произведения следствия в Астрахань командирован был член комиссии Афанасенко. В то время, когда я служил при министре юстиции, Афанасенко домогался места обер-прокурора сената; чтобы испытать его способности, министр дал ему важное поручение обревизовать некоторые судебные места Петербурга. Представленный им отчет был передан мне на рассмотрение. Узнав об этом, товарищи единодушно

умоляли меня хорошенько его пронять; Афанасенко был известный негодяй и взяточник, который нажил себе большое состояние злоупотреблением своей властью. Я, действительно, постарался так, что он не получил места обер-прокурора. Теперь он имел в своих руках орудие мести.

Он поднял на ноги все и всех; он опросил 400 свидетелей, из них двести человек под присягою; все это были содержатели кабаков, служители в заведениях и т. п. Эти, разумеется, не замедлили сделать себя интересными в глазах своих давальцев и со слов Афанасенко рассказывали разукрашенную собственной фантазией легенду о заговоре с целью произведения в Астрахани вооруженного восстания.

Таким образом Афанасенко вел в Астрахани такую деятельную революционную пропаганду, о какой мы и подумать бы не могли, и довел общество до крайних пределов возбуждения.

Глава восемнадцатая

НИГИЛИСТЫ И СОЦИАЛИСТЫ ПЕРЕРЕЖУТ ВСЕХ

В Сибири местом ссылки для меня был назначен Кузнецк, город или, лучше сказать, большая деревня, заброшенная к подножью Алтайских гор.

Немедленно разнесся по городу слух, что привезли русского социалиста и нигилиста. Новость была пикантная, к ссыльным полякам там давно привыкли, но русский социалист и нигилист составлял диковину. Мудрецы об'ясняли жителям, что нигилисты проповедуют, что всех чиновников следует перевешать, а всех помещиков перерезать.

Исправник пригласил меня к себе на именины, и любопытные жители собрались посмотреть на вновь прибывшее кровожадное чудовище. Я не только явился, но и не уклонялся от разговоров на щекотливые темы.

Заговорили о положении чиновников. Я рассказал им о том впечатлении, которое произвела на меня властолюбивая петербургская бюрократия в то время, когда обсуждался вопрос о праве начальников увольнять чиновников без всяких об'яснений. Для сравнения я выбрал положение норвежских чиновников, где даже занимающего полицейскую должность можно было уволить только по суду за доказанную вину. Я привел им много случаев возмутительного обращения с чиновниками. Тогда они наперебой стали приводить мне еще более резкие примеры и убедили меня, что обращение с чиновниками в Сибири гораздо деспотичнее чем в России. Я рассказал им, что в Норвегии чиновники вполне обеспечены. Зато у норвежских чиновников существует корпоративный дух, который заставляет их быть популярными в народе; шведский король охотно лишил бы их независимости и подчинил бы их себе, если бы не боялся их популярности.

Мы расстались большими друзьями и о том, что нигилисты и социалисты желают перерезать всех чиновников, не было более помину.

Глава девятнадцатая

ЗАКОВАННЫЕ В ЦЕПИ ПОЛЯКИ

Во время моего пребывания в Сибири (1866 г.) туда высылались в большом числе поляки, прикосновенные к восстанию; в том числе было много крестьян

западного края, против которых даже и политических подозрений не было. Они переселялись просто по самодурству администрации, а потому считались добровольными переселенцами. У русской бюрократии приемы очень просты, если она не имеет ни малейшего, даже фиктивного предлога.

Я знал такое множество людей, участвовавших в восстании, как рядовых, так и передовых, как из западного края, так и из царства польского, что мне пришлось не увидать, а перечувствовать всю жгучесть их боли.

Я смотрел в лицо этим закованным в цепи полякам и думал: «Одну минуту вы осмелились мечтать о том, что вы снова завоюете себе свободное отечество, что это отечество снова заблистает яркою звездою между великими народами, — и вот теперь до чего вы дожили.

Счастливы те между вами, которые там — на поле битвы: они нашли себе вечное успокоение среди надежды и восторга, а вы?»

С той же степной яростью, с какой испанские короли преследовали мавров, терзали теперь злополучных поляков, а мы, русские, не смели сказать ни слова в осуждение этой политики.

Мы могли только думать про себя: сегодня их очередь, а завтра наша.

Какое завтра? По инициативе Каткова уже начала спускаться с цепи та свора взяточников и негодяев, которая мучила и терзала Россию при Николае; нам оставалось подставлять шею...

Чиновники и здесь, точно так же как в России, в угоду правительству разжигали в населении вражду к полякам.

В России поляков было мало, население не знало их и верило взводимым на них клеветам, но здесь их было много, население могло судить о них самостоятельно и решало совсем иначе.

С особенной ясностью воззрение народа на поляков обнаружилось передо мной в Томске во время паники, которая овладела жителями, когда горел город. Губернатор старался обратить гнев народа на поляков и сделал распоряжение о высылке всех сосланных поляков из Томска; но, узнав об этом, русское население засыпало его прошениями о том, чтобы он взял свое распоряжение назад; оно доказывало ему, что поляки— полезный, а вовсе не вредный для города элемент. В тех городах, где ссыльные поляки жили уже давно, например, в Иркутске, Вятке, во всех слоях общества, между рабочими, мещанами, мелочными торговцами и т. д., было поразительно более свободомыслия и интеллигентности, чем в Томске, куда поляки явились в большом числе только после восстания 1863 года.

Рассказы поляков представляли для меня прекрасную иллюстрацию того, каким образом вся русская бюрократия, кончая последним этапным офицером и унтер-офицером, последним смотрителем поселенцев, получала звериный образ от тех приемов, какие они считали себя в праве практиковать при усмирении польского восстания.

Во время моего пребывания в Томске губернатор пересек образованных поляков, даже и не лишенных дворянских прав, за то, что они, жалея своих жен и детей, умиравших от слишком быстрых переходов, настаивали на отдыхе.

Глава двадцатая

НЕВИННЫЕ И СЛАБЫЕ

Нужно видеть эти страдания своими глазами, чтобы понять, что должен был перенести польский народ в те многие злополучные годы...

Расскажу, что происходило перед моими глазами. Начну даже не с поляков, а с белоруссов и им подобных людей, которые будто бы переселились в Сибирь добровольно.

Чем эти несчастные люди, ни одним боком не участвовавшие в восстании, провинились перед русской бюрократией, я не могу себе представить. По выражению одного чиновника, их высылали зауряд, кстати, чтобы спокойнее было. И вот—положение, в которое к с т а т и ставили этих людей.

Проезжая по богатым сибирским селениям, вы в начале, в конце, на задах находите жалкие лачуги—не то жилые, не то нежилые; двор обнесен не забором, а жердями; если есть какой-нибудь жалкий скот, он стоит под навесом, открытым всем ветрам в сорокаградусные морозы — это кандидаты сибирской язвы. Окна без стекол, затянутые высушенными внутренностями животных, а где их недоставало, забитые доской.

Эти жилища дикарей принадлежат добровольным, будто бы, переселенцам из западного края. Обработанной земли сибирский крестьянин им не дает: иди, расчищай тайгу! А как он будет ее расчищать, когда у него имущества всего старый топор? Там одних насекомых такая масса, что десяти минут нельзя выдержать, не только жить. Ему остается одно: он или идет

в батраки или на золотые промыслы, где в один год сделается пьяницей и негодяем; семья его нищенствует и ворует.

За этими невинными следуют слабые; в светлую минуту они пожелали служить своей родине, но вот они арестованы, они не могут выдержать пытки и делаются предателями, нередко даже крестятся в православную веру.

Мало-мальски образованных из числа поляков принимали везде в обществе и смотрели снисходительно, если их костюм имел дефекты; но предателей никто не принимал, даже у купцов их православие не помогало. Всякий боится предателя, а сибирский чиновник более всякого другого. Мне рассказывали, что один губернатор при выходе подобного человека из своего кабинета ответил на вопрос: кто это такой? — «Этот — где ел, там и напакостил» — такова была их общая кличка в Сибири.

Глава двадцать первая

ДВОРЯНЕ И ДУХОВНЫЕ ОТЦЫ

Далее следуют помещики, чиновники, слетевшие с высоких мест, люди со средствами, но разоренные восстанием, вообще так называемые белые или либералы.

Тяжко было смотреть на них. Некоторые отличались интеллигентностью и сведениями; эти читали своим товарищам лекции и старались поддерживать в их среде времяпровождение, приличное для развитого человека. Менее интеллигентные разгоняли себе тоску тем, что учились чему-нибудь, например, какому-нибудь языку. Жизнь они вели замкнутую и в одиночестве грызли свое горе.

Меня поражало то, что при своем светском лоске они не умели себя держать в том положении, в какое попали. Прежняя жизнь не приучила их к выносливости и страданиям, и теперь они носили на себе печать упадка духа, которая их сильно деморализовала. По большей части они утверждали, что они восстанию не сочувствовали, и я не сомневался в искренности их слов.

Лучшие из них рассказывали мне, как перед восстанием уязвлялась их гордость от унизительного обращения с ними правительства, лишь только они осмеливались напомнить ему о своих правах. Они не в силах были переносить свое положение и умирали. Я встретил их похоронные процессии, когда они шли за умершим своим братом с восковыми свечами в руках, с натянутыми фигурами, с серьезными и бледными физиономиями.

Администрация не довольствовалась унижением дворянства, она вносила в его среду деморализацию, которая внушала к дворянам презрение их собственных единомышленников.

Один из дворян, Понсет, приговоренный Муравьевым к смертной казни, очутился вследствие сильных связей своих в Петербурге живым и здоровым в Томске.

Тут губернатор, по инструкциям его покровителей, устроил для него следующую штуку. Он открыл на имя одного из томских купцов мастерскую всех ремесл и отдал эту мастерскую, так сказать, в феодальное владение этому дворянину.

Когда в числе политических, высылавшихся в Томскую губернию, оказывался искусный ремесленник, губернатор давал ему на выбор или отправляться в глухую деревню, где он никакой работы иметь не будет, или итти в заведение дворянина Понсета.

Случайно проскочили в Кузнецк каретник из Варшавы, фортепианный мастер, шорник и повар; на вопрос мой, отчего они не пошли в заведение дворянина Понсета, они мне отвечали, что они ссыльные, а все-таки не крепостные, а там они были бы крепостными.

Польские дворяне называли крепостную команду «ассоциацией господина Понсета», разглагольствовали о железной твердости его характера, восхищались тем, какая у него хорошенькая лошадка, как он мило живет.

Если образ действия императора Николая и правительства Александра II по отношению к польским дворянами казался мне дурной политикой, то их образ действия по отношению к польскому духовенству был лучшим доказательством ограниченности их взгляда. С какой надобности Николай своим агрессивным образом действия по отношению к польским ксендзам создал себе из этого решительного духовенства опасных и непримиримых врагов? У них было так много общего, что он мог бы извлечь для себя гораздо более пользы из ксендзов, чем из православного духовенства. Их вражда к прогрессу доходила до наивности. Однажды я встречаю на улице каноника варшавского епископа, одного из первостепенных деятелей и мучеников польского восстания. Он издали машет мне рукой и кричит с восторгом: «читали?» Статья, которая возбудила в нем такой восторг, была одна из мерзопакостных реакционных статей Цитовича [50]. Цитович писал так, что даже между русскими консерваторами перестал находить читателей и должен был замолчать.

Ксендзы были консервативнее Николая и нужна была вся его близорукость, чтобы не понять, как любовно они могли бы войти в соглашение. Если бы он

выполнял статью основных русских законов о веротерпимости, если бы он заботился об интересах католического духовенства, как о любимом своем детище, если бы приблизил к себе тех, кто стоял у них во главе, они бы прекрасно поняли выгодность для них союза с могучим императором и платили бы ему услугой за услугу.

В ссылке ксендзы деморализировались немногим меньше дворян. Под гнетом нужды и безделия они начинали пьянствовать и развратничать. Развитие их не было достаточно велико, чтобы оградить их от этого.

Глава двадцать вторая

КРАСНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РАБОЧИЕ

Красная интеллигенция представляла собой людей совсем иного закала; они не только делали геройские усилия для того, чтобы поддержать себя на уровне нравственной высоты, но горячо заботились о том, чтобы ограждать от нравственного падения людей рабочего класса и мало развитую шляхту, которую постигла горькая участь политической кары. Но задача была неимоверно трудная, за немногими исключениями они были люди без всяких средств; если у кого-нибудь оставалось от разгрома каких-нибудь 200 или 500 руб., то это была большая редкость, да и те быстро расходились на помощь в беспримерной нужде.

Только очень немногие могли добывать себе скудное пропитание уроками и другой подобной работой. С энергией, к которой дворяне и ксендзы оказывались окончательно неспособными, они предпочитали итти в работу к ремесленникам и крестьянам. Они учились

ремеслу у кузнеца, портного, красильщика или плотника, разумеется, из-за одних харчей. Черный хлеб, квас и лук составляли всю их пищу, спали они в избе вместе с хозяином. Зимой в убогой одежонке им приходилось в ветер и мятель, в сорокаградусный мороз ехать в поле за десятки верст, возить бревна и доски или работать целый день в кузнице без крыши.

Многие из них умирали при этом жестокой смертью.

И все-таки они всегда предпочитали такое положение должности писца в канцеляриях или в полицейском управлении и часто урокам или другим занятиям.

На равной ноге, на «ты» с хозяином интеллигентный поляк, больной и здоровый, работал усерднее своего патрона, часто будил его и понукал, когда тот ленился.

— Таких мы и не видывали,—говаривали хозяева,— другой батрак рад, когда хозяин спит, а вы, нат-ка, и побаловаться хозяину не дадите.

Несмотря на все геройские усилия, умственный и нравственный упадок был неизбежен. Даже вполне развитой человек понижался в своем умственном уровне по недостатку чтения, необходимого для его поддержания. Но по большей части это были юноши, не окончившие своего образования.

В описанных положениях было опять-таки меньшинство, большинство было разослано по глухим деревням, где о книгах, чтении, интеллигентном обществе не могло быть и помину. Относительно их сельским обществам даны были инструкции, которые осуждали их на голодную смерть; например, сельское начальство должно было смотреть, чтобы они не отлучались от деревень далее 25 сажен. Сельская работа для них была невозможна при этом условии.

Крестьяне смеялись над этими варварскими инструкциями, однакоже они давали какому-нибудь старосте возможность бить поселенца, когда ему это вздумается в пьяном виде и т. д.

Они ходили в оборванном и заплатанном крестьянском платье, как последние из сибирских пролетариев. Их загрубелые лица и руки, их разлезающие во все стороны волоса создавали им сходство с последними из людей; только тогда, когда они начинали говорить, из-за этой оболочки начинал просвечивать интеллигентный человек.

Польская красная интеллигенция старалась удержать от деморализации ссыльных поляков, принадлежавших к рабочему классу, внушая им чувство своего достоинства. Образованные поляки доказывали им, что то геройство и самоотвержение, с которым они боролись за свое отечество, возвысило их в глазах всего мира; весь цивилизованный мир восхищается ими и превозносит их. Они должны высоко держать то знамя свободы, которое подняли, и с твердостью переносить свои страдания. Они действительно и поступали таким образом; несмотря на то, что на их долю выпадало всего более тягостей, они переносили их с таким удивительным самоотвержением, которому не только помещики, но и ксендзы неспособны были подражать. У них и у красных нужно было учиться умирать молча и сосредоточенно; без стона и жалобы переносить свою агонию, — а агония эта продолжалась долгие годы.

Под гнетом нужды они оказались изобретательными и самыми находчивыми из всех.

Между ними оказывались такие, которые устраивали ассоциации труда, в которых находили себе помощь

и спасение не только такие же пролетарии как они, но и интеллигентные поляки. Дело устраивалось и тогда, когда ни у одного из товарищей не было копейки в кармане. Надо же было где-нибудь жить—нанимался дом, подходящий для их целей; все искали работу и распределяли ее между собой по способностям каждого, а между делом обзаводились хозяйством. Сами создавали себе орудия труда и сами же пускали их в дело, плели невод и ловили рыбу, возделывали огород и сажали табак, обзаводились птицей, а потом и какой-нибудь жалкой коровенкой.

Жили, ели, пили вместе, делились одеждой и всем.

Никто не кричал о железной твердости их характера; они не нуждались ни в железной твердости, ни в протекции губернатора, никого им не нужно было ни дисциплинировать, ни удерживать в своих лапах; никто не бежал, а все видели в них последнее свое прибежище.

Глава двадцать третья

ПРОПОВЕДЬ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАВЕНСТВА

Знакомство с их жизнью имело большое влияние на мои социальные и экономические воззрения. Я мог наблюдать, как искусные и трудолюбивые люди удовлетворяли всем своим потребностям, не имея ни копейки капитала, а обмениваясь произведениями своего труда с помощью соответствующих организаций.

Опытность, которую я приобрел, изучая образованных поляков в ссылке, обратила мое внимание на одну сторону воззрений нигилистов тогдашнего времени. К ним принадлежала самая развитая и самая талантливая

часть русского общества; они первые стали изобретать для себя труд, который давал бы им независимость. Мужчины и женщины писали талантливые статьи, сотрудничали в периодических изданиях, переводили книги, вырабатывали из себя артистов в разных родах искусства, могли участвовать в концертах, играть на сцене. С Чернышевским во главе они старались доказать русскому образованному обществу, что можно быть в самой резкой оппозиции с правительством, защищать и практиковать самые крайние идеи, и в то же время вовсе не быть похожими на какого-нибудь оборванца, а напротив, возбуждать в консерваторах зависть своим благосостоянием.

Глядя на жизнь поляков в Сибири, я убеждался, как удобно правительство может совладать с людьми, избалованными комфортом и роскошью.

Борьба между нигилистами и правительством должна была неизбежно разгораться. и тогда привитые им воззрения будут парализовать их смелость и сделаются для них источником унижения и слабости.

Чтобы спасти нас от такого бедствия, я решился проповедывать имущественное равенство, добровольную бедность, слияние с народом. Я доказывал, что человек, который живет бедно по принципу, не теряет от этого ни в своих собственных глазах, ни в глазах общества. Человек из народа, который привык к бедности с молодых лет и знает ремесло, нужное везде и всюду—кузнец, плотник, печник—неистребим. Их губит только их невежество. Интеллигентные люди, привившие себе их свойства и научившиеся подобным ремеслам, сделают из себя таких врагов правительства, каких оно еще не имело перед собой.

Глава двадцать четвертая

АВТОНОМИЯ—СРЕДСТВО СПАСЕНИЯ

В Сибири насчитывали до ста тысяч ссыльных после восстания; в Томске было около тысячи, в таком ничтожном городишке как Кузнецк—до полутораста человек.

Большой наплыв ссыльных поляков возобновил пропаганду идеи отделения Сибири. Около того времени, когда я находился в Кузнецке, эта идея привилась к некоторым молодым людям, которые составляли цвет сибирской интеллигенции. К ним принадлежал в Томске Шашков [60], сделавшийся впоследствии известным писателем, Ядринцев [61], также писатель, Потанин [62], известный впоследствии путешественник. Так как все интеллигентное принадлежало к их кружкам, то им нетрудно было добыть себе орган прессы. Кроме них не было людей, способных редактировать подобный орган сколько-нибудь грамотно и сносно. Они делали, что могли, но бдительное око цензуры и тайной полиции противопоставляло им неодолимые препятствия.

Получив от них приглашение содействовать их предприятию, я стал говорить с народом, с целью узнать, имеет ли эта идея корни.

Я нашел в народе крайнее озлобление против администрации. Управление было до такой степени произвольное и безобразное, что все были ожесточены, начиная от чиновников и купцов и кончая крестьянами.

Так как Сибирь была тем местом, куда ссылались самые важные политические агитаторы и преступники,

то правительство умышленно поддерживало этот произвол, зная все его плачевные последствия, и вместе с тем заботилось, чтобы просвещение получало минимум распространения. Оно видело в этом для себя гарантию спокойствия.

До каких пределов оно доводило свою варварскую систему, видно из следующего.

Полицейские чиновники могли сечь крестьян без суда и расправы, давая им по двести розог и более каждый раз, когда им это приходило в голову. Мало этого, с разрешения полиции наниматели поступали так же с нанимаемыми людьми. На золотых промыслах не только золотопромышленник, но и каждый нарядчик об'езжал работы с нагайкой в руках и сек ею мужчин и женщин, сколько ему было угодно; если ему это показалось мало, он отсылал рабочего на конюшню, где конюхи подвергали его жесточайшему наказанию.

Жгучее негодование, которое горело в сердцах интеллигентных сибиряков, вполне знакомых с варварской подкладкой этой злодейской системы, было слишком понятно; нельзя было не сочувствовать им, когда они с редким самоотвержением проповедывали свою идею и даже не обращали внимания на отсутствие шансов успеха.

Автономия была для Сибири действительно единственным средством спасения.

Автономия Сибири во всяком случае не стала бы систематически подавлять в своей среде просвещение. Она создала бы себе университет, которого население напрасно домогалось в течение долгого времени.

Глава двадцать пятая

БЕСЕДЫ С НАРОДОМ

Мне легко было понять, почему идея автономии не могла привиться к народу. Он был ожесточен теми притеснениями, которые переносил, но не имел ни малейшего понятия о возможности существования лучших порядков; какую пользу могла ему принести борьба за свою самостоятельность, если бы он попрежнему остался во власти тех же чиновников.

О существовании таких порядков и об их последствиях, о том, как люди отвоевывали себе свободу, я ему рассказывал, применяясь к его понятиям и знаниям. Конечно, довольно трудно было разговаривать о таких вещах с людьми, не слыхавшими, что земля кругла, почти не знавшими, что, кроме России, есть другие государства на свете, но зато же их удивлению и любопытству не было предела.

Скоро узнали в окрестностях о существовании необычайного русского, и у меня никогда не было недостатка в собеседниках. Я говорил с ними, не стесняясь, публично на базаре, на перевозах, в поле во время прогулок.

Наконец купцы и чиновники стали замечать последствия этой пропаганды, им удавалось подслушать между рабочими разговоры о таких предметах, о которых они сами ничего не знали.

Это их пугало, в их воображении возникал образ темной и непроницаемой для них опасности.

Мне передавали, что они советовались между собою, как поступить, но самый компетентный и развитой в Кузнецке человек, мировой посредник, поляк Энгельфельд, разрешил их сомнения.

Нельзя же в самом деле преследовать человека за рассказы о том, что напечатано во всех дозволенных цензурою книгах.

Ссыльные поляки рассуждали об этом с другой точки зрения; они говорили между собою, что их полтораста человек, и ими ничего не делается для возбуждения населения; явился один русский и беседует с народом публично, как какой-нибудь еврейский пророк.

Побуждаемый этими разговорами, один поляк попытался вести революционную пропаганду на базаре; его тотчас арестовали, и мне пришлось писать для него прошение и доказывать, что он сделал это в припадке умопомешательства.

Поляки спрашивали меня, отчего у меня подобных историй не выходит?

Очень просто: поляки привыкли иметь дело с людьми, вполне подготовленными; они вели между католиками и поляками пропаганду, взывающую к национальной и религиозной ненависти. Тут не требуется никаких подготовлений, нужно только достаточно мужества, чтобы взять на себя инициативу.

В России же требуется взрастить в людях идею, о которой они никогда ничего не слыхали. Поляк поступил по-польски: он вышел на базар и взывал к восстанию, — я никогда не говорил крестьянину о бунте. Я обсуждал с ним его положение, рассказывал ему, как в других странах выходили из таких положений.

Не я ему, а он мне говорил, что надо бунтовать, я же ему об'яснял, что бунты не всегда бывали удачными и что дело это нужно делать умеючи.

Глава двадцать шестая

ПРОПАГАНДА СОБСТВЕННЫМИ БОКАМИ

Я был переведен в Томск именно в то самое время, когда весь город был в волнении.

Вся молодежь, которая столько старалась, чтобы внушить сибирякам идею сепаратизма, была арестована [63]; по всей Сибири только об этом и говорили. Это время я называл пропагандой собственными боками.

В России во всяком месте, где было хотя сколько-нибудь интеллигентной молодежи, велась пропаганда; старались распространить ту или другую социальную или политическую идею, но русские — не французы, их идеями пронять не так легко; им говорят, а они слушают и забывают. Только тогда, когда начинаются аресты, общество приходит в волнение; все расспрашивают, в чем дело, и идея быстро распространяется. Так было и в Сибири: после арестов все ознакомились с идеей об автономии Сибири. Сибирский патриотизм оживился, сделался модным, даже купцы на вывесках публиковали о сибирском товаре, о товаре, приготовленном по сибирскому способу и тому подобное.

Интеллигенция того времени похожа была на бабочек: чтобы родить идею, она должна была умереть.

Глава двадцать седьмая

БОРЬБА С ТОМСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ

Я уже упомянул о томском губернаторе; его деспотические замашки дали мне возможность вести в Томске такую же пропаганду, какую я вел в Астрахани.

Он стал строить гостиный двор и по самодурству своему распорядился для купцов как нельзя хуже.

Один из купцов, Окулов, слывший великим законоведом, написал протест, который был подписан всеми купцами.

Губернатор озлился, купцы испугались и взяли свои подписи назад. Победив, губернатор призвал сочинителя к себе и обругал его самыми грубыми словами.

Преисполненный мести, Окулов обратился ко мне за советом. Я убедил его, что борьба с сибирским губернатором вещь не легкая, но что, имея на своей стороне все общество, он может иметь успех, если он скроет свои чувства и выждет удобный для этого случай. Так он и сделал; случай не замедлил представиться.

НЕ МЕДАЛЬ И НЕ КРЕСТ, А СКАНДАЛ

Александр II любил, чтобы назначаемые им губернаторы были популярны, и если губернатор добивался какой-нибудь милости, то он обыкновенно старался чем-нибудь доказать свою популярность. Не сомневаясь в успехе, томский губернатор призвал к себе городского голову и обещал ему орден, если он преподнесет ему диплом почетного гражданина города Томска; но тут-то его и ожидало кораблекрушение. Соперник городского головы, узнав, что его врага ожидает даже не медаль, а крест, вознегодовал до такой степени, что решился во что бы то ни стало сделать ему скандал.

Окулов искусно воспользовался этим настроением.

Когда городской голова читал проект приговора о предоставлении губернатору почетного диплома, его соперник, действительно, сделал ему скандал; началась ругань.

Скандал, который мог задеть губернатора, напугал купцов и мещан; они не любят быть свидетелями скандалов, а такого скандала—избави боже. Поощряемые Окуловым, все кинулись бежать из думы, приговор остался неподписанным.

Вице-губернатор советовал поправить дело, рассылая приговор по домам.

Этого я только и дожидался; я написал на имя министра внутренних дел телеграмму следующего содержания:

«Томский городской голова предложил обществу поднести губернатору почетное гражданство, но общество не согласилось и разошлось. Теперь, по настоянию властей, члены думы по одиночке принуждаются к подписи приговора. Просим прекратить такой незаконный образ действия».

Телеграмма эта подписана была от имени купцов купцом Окуловым, а от имени мещан двумя мещанами.

Губернатор, понятно, сделал попытку выставить телеграмму интригой.

Городской голова собрал для этой цели думу, но тогда купец Окулов произнес речь, в которой обрисовал всю деятельность губернатора по отношению к жителям города Томска.

Это была дерзость неслыханная; подобного обвинительного акта никогда еще не раздавалось в стенах думы против такого лица, как губернатор. Восторг и страх овладели одновременно всей думой; прежде чем Окулов кончил речь, все разбежались; приговор опять остался неподписанным.

Я посоветовал Окулову немедленно отправиться к стряпчему и засвидетельствовать число подписей на приговоре.

Начальник стряпчего, прокурор, ненавидел губернатора за то, что он его однажды два часа продержал у себя в передней, а потому стряпчий поехал и засвидетельствовал недействительность приговора.

Дело попало в столичную печать, которая восхищалась самостоятельностью томских граждан и поощряла их к оппозиции.

Между тем губернатор уволил стряпчего, а прокурор, бывший в это время в Омске, доложил генерал-губернатору о противозаконных затеях томского губернатора. Генерал - губернатор воспретил губернатору принимать почетное гражданство и к официальной бумаге присовокупил собственноручную записку о том, чтобы он не дозволял себе никаких актов мести.

Мещане торжествовали, совершилось невозможное: они победили губернатора! Я получил прозвание «полезнейшего человека» и всегда готовую слушать меня аудиторию, состоявшую из народа.

МЕСТЬ И ПОЖАРЫ

Губернатору воспрещена была месть, но это дело принял на себя вице-губернатор. Однакоже им пришлось раскаяться в том, что они не последовали благоразумному совету генерал-губернатора.

На месть кто-то ответил местью; сделан был поджог у дома вице-губернатора, а затем и у дома губернатора.

У губернатора сгорела одна из надворных построек, которая скоро была потушена; все-таки губернатор сосредоточил всю пожарную команду около своего дома, которому не угрожало никакой опасности, и этим сжег весь город. Ожесточение жителей не имело пределов, всеми читались подпольные листки, которые изображали образ действия губернатора во время пожара.

Губернатор потребовал от думы весьма обременительных для мещан мер ради предупреждения пожаров, и когда против этого зашумели в городе, он назначил в думе совершенно противозаконное заседание, на которое пригласил чиновников, занимавших наиболее высокие места, и приехал сам.

Он начал с того, что произнес грозную речь; лишь только он кончил, купец Окулов спросил его, почему на пожаре не было трубы, за которую город заплатил триста рублей.

Другой член думы сделал подобный же вопрос и со всех сторон на губернатора посыпались вопросы, которые все были направлены к тому, чтобы доказать, что истинным виновником несчастья был он, губернатор.

В думе поднялся сильный и громкий ропот.

Губернатору никак не могло притти в голову, что в думе ему осмелятся делать интерпелляции; он растерялся и перепугался, очутившись лицом к лицу с обозлившейся толпой.

Через несколько минут он пришел в себя, обругался ругательски и вышел. Тогда Окулов написал приговор, в котором изложено было поведение губернатора в думе и прописаны были все ругательные слова, которые он произнес.

Глава двадцать восьмая

КУРИЦА ЗАПЕЛА — БЫТЬ БЕДЕ

Вечером собрались ко мне, чтобы писать телеграмму, которая предназначалась уже для доклада императору.

Когда мы писали первую телеграмму, очень трудно было найти лиц, согласных ее подписать. Теперь охотников подписать телеграмму было сколько угодно. (Мещане негодовали на сдержанность своих руководителей, на то, что губернатор не был выброшен из окна на растерзание толпе).

В телеграмме говорилось, что город сгорел, что население находится в крайнем возбуждении; затем описано было поведение губернатора в думе, прописаны все ругательства, которые он произносил, и прибавлено, что в эту опасную минуту губернатор сделал все, чтобы вызвать народные беспорядки, но что руководителям общества удалось сдержать народное негодование.

Начальника губернии встретили в думе и проводили с почетом, приличным его званию.

В заключении высказана была просьба внушить губернатору благоразумие и спасти этим город от большого несчастья.

Начало уже светать, когда телеграмма была окончена.

Я хотел еще раз громко прочесть и обсудить ее. Вдруг послышались какие то звуки.

Один из мещан вскочил бледный и произнес: «Курица запела — быть беде!»

Телеграмме грозило крушение. Пришлось немедленно прекратить рассуждения и дать ее подписать. Я настоял на том, чтобы она ночью же была отправлена на телеграф, вместе с купцами отправился туда и ждал до тех пор, пока податель телеграммы возвратился с известием, что начальник телеграфа по причине важности дела был разбужен и заявил, что он сам немедленно будет ее отбивать.

Эффект телеграммы был таким, каким его можно было ожидать; губернатор рвал и метал от злости и в то же время трусил до того, что возбуждал всеобщий смех.

Тут я только увидал, как велико было всеобщее озлобление против этого злодея.

Забавно мне было видеть чиновников.

Они при каждом случае выражали мне свои восторги и свое горячее сочувствие и при этом трусили безмерно.

На улице, пожимая мне сердечно руку, они оглядывались кругом, нет ли где вблизи всевидящего ока.

Восторг мещан был даже трогателен.

В нем было что-то свежее, молодое, наивное. Уверяли меня, что те минуты, когда они подписывали приговор против губернатора, они в жизни своей не забудут, что я у них навек останусь в памяти, что они и детям своим будут рассказывать, как боролись.

Вскоре я был переведен в Вологду, и уже в Вологде узнал из газет, что и губернатор и вице-губернатор были уволены от своих должностей.

Типичен финал этого дела. Новому губернатору вовсе не нравился такой прецедент; он находил, что надо дать гражданам острастку, чтобы не повадно им было спихивать губернаторов.

Под его влиянием окружной суд без малейшего законного основания приговорил купца Окулова к лишению всех прав состояния.

А так как по закону лица, приговоренные в первой инстанции к лишению всех прав, берутся под стражу, то Окулов был заключен в острог. Затем начались разные

проволочки, и он два года сидел в остроге, прежде чем сенат признал его вполне невинным и освободил.

Несмотря на всю возмутительность такого противозакония, суд ничем не рисковал; он не отвечает за свое мнение.

Глава двадцать девятая

КАЖДЫЙ СВОЮ ДОСКУ КОРМИЛ

Из Томска я был переведен в европейскую Россию, в Вологду.

От Тюмени меня погнали по этапу. Я имел удовольствие испытать то этапное житье, которое испытывали ссыльные, когда их переводили обратно в Россию в виде улучшения их положения.

С вечера меня с женою и грудным ребенком поместили в огромную комнату и заперли. Через пять минут мы вскочили и зажгли огонь. Бесчисленное множество насекомых покрывало наши подушки, одеяла и нас самих, еще большее число ползло к нам со всех сторон.

В испуге я стал звать сторожа. Сторож предложил нам перебраться в общую. Мы перебрались и были встречены хохотом арестантов.

— Мы видели, — говорили они, — как вы туда входили. Думаем, погоди, скоро выскочат.

Но и тут было не легче. «Понятное дело, — об'ясняли нам, — прошлую ночь здесь ночевало двести человек, каждый свою доску кормил, а теперь нас семеро».

Мы бегали из угла в угол, потому что не только заснуть, но и присесть не было никакой возможности. Наши товарищи делали то же самое.

С величайшим нетерпением мы дожидались того времени, когда отопрут камеру. Каждая минута нам казалась часом.

Вместе с нами заключено было другое семейство,— муж, жена и ребенок. От мучений они лишились сил, ребенок умирал, у него ртом шли глисты; муж и жена сидели в бессмысленном отупении и полусознательном состоянии. Вид этих людей производил на нас потрясающее впечатление.

Наконец замок загремел, и дверь отворилась.

Как безумный я кинулся на задний двор и разделся до-нага.

В каждой складке моего белья и моего платья паразиты расположились в два и в три ряда на дневной отдых.

Я ехал в собственном экипаже, который купил в Тюмени; это снисхождение нам было сделано, благодаря тому, что в наших бумагах было сказано, что мы отправляемся не в виде арестантов. Это дало нам возможность отдохнуть в течение дня.

На ночь нас опять заперли в острог. Я заявил смотрителю, что на жене моей не тяготеет никаких политических подозрений, что она не находится под надзором полиции и человек вполне свободный; а потому я просил дозволить ей ночевать в деревне; но он отвечал мне, что нам и без того даются такие преимущества, которые другим не дозволяются, что мы едем в собственном экипаже и что он для меня более ничего не может сделать.

Пришлось провести еще одну ужасную ночь истязаний.

Когда нас заперли в острог на третью ночь, мы почувствовали себя окончательно лишенными сил. Аре-

станты рассказали нам, что дальше будет так же и что при таких условиях, в которых мы идем теперь по этапу, самый опытный бродяга не в состоянии заснуть.

Когда мы после четвертой ночи взглянули на наше тело, оно составляло один сплошной струп. Представьте себе наши чувства, когда мы увидали нашего несчастного младенца в таком ужасном положении.

Мое грубое тело лучше выдерживало испытание; оно было усеяно, как звездами мелкими язвами от укусов насекомых, но и только; у жены и сына язвы сливались и превращались в большие, круглые струпья; распухшее тело порождало отеки, язвы сливались вместе, принимали фантастические формы и мокли.

Глава тридцатая

ВЗЯТКИ, УЖАС, ОРГИЯ И ЦИНИЗМ

К физическим страданиям присоединились нравственные: грубое обращение солдат, — в особенности от женщин солдаты самым наглым образом вымогали взятки.

На одном этапе мы встретились с арестантами, которые пересылались из России в Сибирь. Тут была молодая, очень красивая полька, лет двадцати; она следовала за своим мужем.

Нам рассказали случай, который с ней был на предшествовавшем этапе. Во время пути они промокли до костей от дождя, и с нею сделалось расстройство желудка. На ночь целую толпу мужчин и женщин

заперли в одну комнату; когда она почувствовала себя дурно, она обратилась к сторожу, но тот не согласился ее выпустить, а поставил в камеру парашку, — никакие протесты не помогли.

На одном этапе брали взятки за то, чтобы не задерживать арестантов.

То был старый, сырой этап, рассадник тифов и заразных болезней; стены, нары—все было пропитано заразой, каждый лишний день мог принести с собою смерть. Он наводил ужас на заключенных, каждый отдавал все, что у него было, лишь бы избавиться от затхлого воздуха этого ада.

Из Перми в Нижний нас отправили на пароходе. Жену вместе с родственницами известного начальника восстания Сераковского [64] отправили в дамской каюте парохода, а меня поместили в арестантскую баржу. Она была битком набита народом до того, что дышать было невозможно; чтобы открыть себе возможность дышать, арестанты выбили окно, но от этого сквозной ветер свистел во всех направлениях. Нас поместили под большими трубами, сделанными для вентиляции, и мы попали таким образом в самую тягу. Мужчины и женщины были вместе: и день и ночь происходила оргия, цинизм и откровенность разврата превосходили всякое описание.

Наконец в Костроме мне разрешено было ехать на свой счет с жандармами.

Такое путешествие стоило очень дорого. Я должен был заплатить за шесть лошадей в Вологду и обратно, большие кормовые жандармам и притом ехать не по тому пути, по которому ездят путешественники из Костромы в Вологду, а по особому маршруту, который вдвое длиннее и где плата за почтовых лошадей

значительно дороже. Таким образом из политических ссыльных выжимаются последние деньги, которые у них могли бы оказаться.

Путешествие из Томска в Вологду, которое заняло бы по европейским железным дорогам четыре дня, мы совершили в три с половиной месяца; зато же оно и осталось у нас в памяти на всю жизнь.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

НЕПРЕРЫВНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА

Глава первая

„ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ“[65]

В Вологде я задумал написать книгу о положении рабочего класса в России. Неожиданно в моих руках очутился обширный статистический материал, до того времени никем не разрабатывавшийся.

В каждом из русских губернских городов был статистический комитет, который собирал статистические сведения по своей губернии и печатал статьи местных наблюдателей над народною жизнью. Эти комитеты обменивались своими изданиями, и таким образом в каждом из них собиралась почти неодолимая масса статистических сведений и статей, описывающих местные промыслы и жизнь рабочего населения. Кроме того, статистическими комитетами получались издания сельско-хозяйственных и других обществ, земледельческие и другие специальные газеты.

Я попытался копнуть этот материал и подвергнуть его некоторой пробе.

Я проследил по статистическим данным влияние поземельных наделов и обложение земель на смертность сельского населения. Результаты оказались поразительными; чем меньше были наделы и значительнее платежи, тем сильнее была смертность.

В России в то время существовала еще одна особенность. В тех местностях, которые отличались наименее плодотворной почвой, население занималось

кустарными промыслами. При дурной организации труда, допускавшей чудовищную эксплоатацию кустарей, жизнь этих тружеников была самая злополучная. Статистика комитетов показывала между ними повсеместно громадную смертность. Наоборот, в местностях с прекрасной почвой и редким населением статистика показывала и благоприятную смертность и быстрое возрастание населения.

К тому материалу, который скопился в моих руках, я присовокупил личные наблюдения, которые накопил во время моей пропаганды среди народа и моих странствований по России и Сибири.

Чем более я вникал в это дело, тем более жизнь русского рабочего рисовалась передо мной в мрачных красках. Все оптимистические уверения, что в России рабочему живется лучше, чем в западной Европе, что у нас нет пролетариата и т. д., разлетались в прах.

У нас привыкли кричать об английском сельском пролетариате, об ужасающей бедности в больших городах.

Я убеждался, что Россия—страна повального пауперизма, что все выгоды, доставляемые народу общинным владением землей и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится.

Безучастие к страданиям рабочих людей превосходило все, что можно было встретить в западной Европе. На западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны и несчастны.

Чем усерднее я занимался этим предметом, тем более овладевал мной энтузиазм; наконец я вполне отдался ему. Я жил страданиями этого народа, я желал на себе испытать всю трудность его положения, чтобы

изображать его во всей его реальности. Я помнил, какое сильное впечатление на меня производили описания страдания ирландского народа, и вот мне пришлось убедиться, что бедствия русского рабочего несомненно значительнее. Для того, чтобы найти ему подобие, надо было бы отправиться в Индию.

Благодаря рекомендации Лаврова [66], первая глава этой книги была напечатана и обратила на меня общее внимание. Победа была легкая, но этим дело и кончилось. Дальнейшее печатание стало встречать постоянно возраставшие затруднения. Редакции журналов осыпали рукопись насмешками, издатели находили, что она никуда не годится.

С большим трудом можно было поместить несколько статей в радикальном тогда журнале «Дело» [67].

Глава вторая

РЕДАКТОРА ОБОЙТИ ТРУДНО

Уже со времен императора Николая журналы составляли фокус, в котором сосредоточивалась вся читавшаяся обществом литература. Такое состояние прессы было очень удобно для правительства. Редакторы первостепенных журналов и газет наживали себе большие состояния. Через цензуру они были вполне в руках правительства и превратились в чиновников, составлявших то всевидящее око, через которое правительство следило за литературой.

Цензора еще можно было обмануть и обойти; но редактора было гораздо труднее ввести в заблуждение. Редактор был гораздо более надежным орудием правительства, чем цензор; цензоры и все цензурное

управление состояло из чиновников; если сенаторы были подкупны, то о цензорах и говорить нечего; богатые редактора с помощью своих связей, обедов и взяток могли всегда влиять на них; они были страшнее для цензоров, чем цензоры для них; редакторы жили в таком обществе, куда цензоров и ногой не пускали, могли услужить и могли отомстить цензору.

Правительство не могло полагаться и не полагалось на цензоров.

Другое дело—редактор; через редакторов оно могло направлять общественную мысль, как ему было угодно. Оно входило с редакторами в сношения все более близкие, сообщало им свои намерения, высказывало свои желания насчет тех воззрений, которые желательно было укоренять в обществе [68].

Глава третья

ИЗДАТЕЛЬ ПОЛЯКОВ

Наконец нашелся издатель для моей книги «Положение рабочего класса». Некто Поляков, человек нигилистического направления, живший в кругу людей, оставшихся после Чернышевского и разделявших его воззрения, издавал книги крайнего направления.

Он был человеком идеи и печатал исключительно произведения, ценные по своему содержанию, но встречавшие на своем пути большие цензурные препятствия. Когда появился закон, по которому книги значительного об'ема могли быть из'яты из обращения только по суду, он воспользовался им в самых широких размерах. Русских сочинений он издавал очень мало, потому что в то время действительно мало писалось книг,

достойных такого издателя, а он ценил и себя и свою деятельность.

Им издавались преимущественно переводы самых замечательных произведений, появлявшихся в цивилизованном мире. Он ставил себе целью издавать их без всяких искажений, изменений и сокращений и спорил упорно из-за каждого слова.

Участь его была печальна: когда правительству надоела игра в свободу печати, у него было арестовано изданий на сто тысяч рублей, и он был разорен. Но в 1869 году, во время появления моих первых произведений, он еще процветал, и дела его шли хорошо. В нем я нашел издателя для «Положения рабочего класса».

С первого дня своего появления книга эта наделала такого шуму и возбудила в обществе такой энтузиазм, что я ни в каких отзывах о ней переодических изданий не нуждался.

Куда девались заявления редакторов и издателей, что эта книга плохая и никуда негодная.

Катков в «Московских Ведомостях» провозгласил ее произведением умалишенного, но возбудил этим один только смех...

Глава четвертая

ЛЮДИ, НАДЕЛАВШИЕ МНОГО ХЛОПОТ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Чтобы продолжать свою деятельность, я сошелся с молодежью.

Тогда составился круг молодых людей сначала с целью распространения, а потом и издания книг радикального содержания.

Они принялись за дело практично и умело и скоро приобрели большое значение в России.

Молодые люди, создавшие организацию, работали в ней с полным самоотвержением. Они ворочали большим капиталом, а сами часто голодали или брали ничтожные деньги за переводы серьезных книг, издававшихся чуть ли не исключительно Поляковым.

Всю работу издания и распродажи книг они производили окончательно безвозмездно. У них были агенты во всех городах, даже в медвежьих углах, где был какой-нибудь десяток интеллигентных молодых людей, и все эти агенты действовали с тем же самым самоотвержением, как и центральная организация.

Агенты и члены организации были одинаково бедны. Всякий из них мог вполне безнаказанно захватить вверенные ему деньги или книги, так как правительство игнорировало организацию, но не было ни одного подобного случая.

Чтобы дать понятие о бедности этих людей, достаточно сказать, что они питались кониной, фунт которой стоил тогда в Петербурге только на одну копейку дороже черного хлеба. Когда не было денег, они ели только черный хлеб и огурцы или черный хлеб и жидкий чай.

Каждый из них мог рассказать о таких временах, когда он несколько суток проводил вовсе без пищи и ночевал на улице. Всякий мог сообщить любопытные наблюдения над психическим и физическим состоянием человека, умирающего от голода или холода; всякий их испытал.

Они соединялись в так называемые коммуны, где не только все было общим, но куда всякий мог приходить и находить и пищу и приют.

В таком положении они имели мужество работать даром только для того, чтобы цена распространяемых ими полезных книг не увеличивалась. Здесь вырабатывались эти суровые и вполне надежные характеры, которые впоследствии наделали правительству столько хлопот.

Люди вверяли им свои деньги, свою честь, свою будущность без малейшего опасения быть обманутыми.

Богатые и высокопоставленные лица, которых они могли погубить одним своим словом, давали им большие деньги на революционное дело.

Самоотверженные люди вверяли им все свое состояние, не имея никакой возможности узнать, как эти деньги ими употребляются, и были вполне убеждены, что ни одна копейка не получит другого назначения, кроме того дела, которому она посвящалась.

Они употреблялись иногда капиталистами для выполнения таких поручений, которым они могли сочувствовать, например, для устройства рабочих артелей.

Поручения выполнялись ими так дешево и хорошо, что капиталисту дело стоило вдвое дешевле, чем если бы оно делалось обыкновенным путем.

Прежде чем они познакомились со мною, они уже распространили в большом количестве экземпляров «Положение рабочего класса».

В это время я получил право жить в России, где я желаю, кроме Петербурга и Петербургской губернии. Я переехал на железнодорожную станцию Любань. в двух с половиной часах езды от Петербурга.

Глава пятая

АЗБУКА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

По приглашению молодежи я секретно приехал в Петербург, и на собрании в частной квартире мы решили, что они будут впредь издавать все мои сочинения. Так как первое издание «Положение рабочего класса» было уже почти распродано, то они предложили мне сделать второе издание.

Но у меня было намерение превратить эту книгу в постоянно возобновляемый новейшими данными сборник сведений о положении рабочего класса, а потому, согласившись им отдать второе издание, я хотел сначала его переделать.

А между тем я отдал им для напечатания готовую у меня книгу «Азбуку социальных наук» [69].

Я ценил «Азбуку» выше «Рабочего класса», так как я с нею начинал высказывать свое мировоззрение. Готова к изданию была только первая ее половина, в которой излагалась следующая социальная идея.

Уже с первого возникновения человеческого общества сознание своей слабости и беспомощности по сравнению с окружающим его обществом внушило человеку известного рода культ общественного мнения и выработало в нем особый инстинкт, который ставил его понятие о приятном и неприятном и его воззрение на свое счастье в весьма существенную зависимость от общественного мнения окружающей его среды.

Человек при удовлетворении своих второстепенных потребностей и желаний до такой степени сообразовался с мнением окружающих его людей, что стремление вызвать в них похвалу, а если возможно восторг

и обожание, имело гораздо более сильное влияние на направление его деятельности, чем та потребность, которой он удовлетворял; мало этого, стремление восхищать общество побуждало человека к борьбе с наиболее настоятельными требованиями его организма и к полному самоотвержению.

При таком психическом состоянии обществу стоило бы только восхвалять людей за полезную и порицать за вредную деятельность, чтобы все действия людей направлены были к взаимному обеспечению своего счастья. На деле же выходило наоборот: люди чаще всего возвышались и даже обожались общественным мнением за вредную и презирались за полезную деятельность. Создать правильное общественное мнение значило разрешить социальную задачу.

В переданных молодежи двух частях книги я проследил значение и вредное влияние общественного мнения в обществах дикарей, в обществах неподвижного обычая и застоя, в обществах социального преобладания теократического влияния и наконец в странах восточной цивилизации (Китай, Япония, Индия, малайская цивилизация на Яве и пр.) [70]

Молодежь исполнила свое дело, как нельзя лучше; книга вышла, наделала шуму, и все издание было распродано прежде, чем периодическая пресса успела дать о ней свой отзыв.

Глава шестая

ЖАНДАРМЫ В ПОГОНЕ ЗА „АЗБУКОЙ“

Правительство схватилось за голову и кинулось арестовать экземпляры в склад, который был сделан в лучшем тогда книжном магазине Черкасова. В магазине

был формальный обыск, но найдено было только пятьсот экземпляров, по большей части с дефектами. Магазин был закрыт и вывешено об'явление, что он закрывается по распоряжению III отделения.

Между тем жандармы продолжали свою деятельность, делали обыски в домах, при этом по обыкновению держали себя с жандармской развязностью, раздевали девушек и т. д.

Бесчинство и безобразие III отделения возбудило всеобщее негодование, оно разыскивало книгу, которая продавалась открыто во всех магазинах, не была осуждена судом и которую конфисковать оно не имело никакого права, так, как-будто это подпольное издание преступного содержания.

Дошло до того, что министру юстиции пришлось обличать управляющего III отделением, доказывать, что жандармские офицеры берутся за произведение арестов и обысков, ни в законах, ни в юридических науках ничего не понимая, а потому делают непростительные промахи и вызывают негодование в обществе.

Большинство государственных людей и сам император согласились с министром юстиции и нашли необходимым поставить жандармское управление под опеку прокуратуры. Вышел закон, который дозволял жандармам производить аресты и обыски не иначе, как в присутствии члена прокуратуры, руководившей ими во всем, что требовало знания законов и юридических наук.

Администрация поставлена была в необходимость доказывать преступность содержания книги судебным порядком. Она разыскала в ней преступление, достойное лишения всех прав состояния и ссылки в каторжные работы, а потому просила прокуратуру составить

обвинительный акт в этом смысле. Но прокуратура не только не согласилась составить такой обвинительный акт, а нашла, что книгу ни в чем нельзя обвинить перед судом.

Дело дошло до обсуждения в высших сферах, тут министр юстиции доказал вполне невозможность обвинения книги.

Поэтому вышел новый закон, дозволявший из'ятие книг из обращения административным порядком, но в таком случае правительство отказывалось от всякого дальнейшего преследования писателей, издателей и распространителей. Опять оказалось, что законность нас губит, и жандармы получили полное право на произвол.

Глава седьмая

СТАРОЕ И НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕДОВОЙ МОЛОДЕЖИ

Я уже выше говорил о том, что главная причина слабости либеральной партии заключалась в отсутствии корней в народе. Невозможность опираться на народ отдавала ее в распоряжение правительства со связанными руками.

Правительство помыкало ею, как хотело, наносило ей самые унизительные оскорбления, лишь только она желала проявить хотя тень самостоятельности.

Существовал один путь для выхода из такого положения. Нужно было создать социально-политическую программу, которой народ мог бы сочувствовать, и распространять ее в его среде.

Либералы ни для того, ни для другого дела не годились. Они хотели бы проповедывать народу замену власти бюрократии властью имущего класса; но народ

ненавидел такой же жгучей ненавистью имущий класс, как и бюрократию. Что же касается до распространения политических и социальных идей в народе, то у них не было ни одного качества, необходимого для этого в данных обстоятельствах.

Одна революционная партия обладала и теми качествами, которые необходимы, чтобы создать народную программу, и тем мужеством, какое было нужно, чтобы ее распространить.

Такие люди, как Петрашевский и Чернышевский, не были способны отступить перед правительственными преследованиями. Они прекрасно понимали необходимость пропаганды для масс, и все-таки пропаганда эта велась в слишком ограниченных размерах.

Во время освобождения крестьян, отмены откупов и т. д. условия для пропаганды были очень благоприятны, но революционеры почти не пользовались ими. Они так мало были знакомы с истинным настроением крестьян, что не заметили ограбления крестьянских земель. Большинство из них полагало, что крестьяне довольны реформами и отнесутся враждебно к революционной пропаганде; что же касается до рабочего класса в городах, до солдат и т. д., то за немногими исключениями решительно не умели за них взяться.

Либералы жалко трусили, но иногда говорили так, будто они в состоянии произвести государственный переворот. Поляки рассказывали мне случай, где Чернышевский вылил на пылких поборников либерализма ушат холодной воды.

Когда готовилось польское восстание, представители либерализма как из среды русских, так и из среды поляков сделали собрание с целью установить между собой братство. После роскошного обеда и обильного

возлияния они кинулись друг другу в об'ятия; вдруг среди восторженных братских поцелуев из угла раздается голос Чернышевского; своим высоким фальцетом он произносит слова:

— Не верьте нам, мы вас обманем!

Трезвый и решительный вождь революционной партии прекрасно понимал, что революция в России в этот момент была невозможна; для этого недоставало самого главного — народа. Сохраняя в своей душе такое трезвое сознание, он все-таки продолжал действовать и ушел за свои действия в каторжную работу. Ничто не может осветить яснее величие этого характера.

Революционная пресса того времени, начиная от Герцена и Огарева и кончая Обручевым[71], обращалась к образованному классу и была непонятна для народа.

Следующая серия пропагандистов действовала точно так же; Каракозов [72] своим выстрелом сильно взволновал народ и эманципировал его от предания; но революционеры очень мало воспользовались этим настроением. За каракозовцами следовали нечаевцы [73]; их пропаганда опять-таки ограничилась интеллигентной молодежью...

Глава восьмая

СТРАХ ПЕРЕД ЖАНДАРМАМИ

Бессилие либерального общества обличалось все с большей яркостью; те заявления, которые делались несколько лет тому назад, стали невозможными.

Правительство принуждало и дворянство и земство быть вредными, когда у них возникала несчастная мысль делать что-нибудь полезное для народа и для своего отечества: двинуть просвещение, увеличить число школ, расширить в них преподавание, заменить

никуда негодных учителей и учительниц более способными и интеллигентными. Инициаторы такого дела тотчас же превращались в глазах правительства в государственных преступников. Еще более горькая участь постигала их, если они хотели исследовать нужды и страдания народа, улучшить распределение сборов и податных тягостей.

Страх перед жандармами обратил все дворянство и все земство в заклятых реакционеров.

В это самое время я был в Твери, на родине Бакунина, еще недавно гремевшей своим радикализмом.

Я посещал земство, гласные размещались там по направлениям. Вся масса гласных сидела на скамьях реакционеров, очень небольшая часть составляла консервативный и либеральный центр и только несколько человек сидело на левой, в том числе Александр Бакунин, единственный из братьев Бакуниных, сохранивший право быть избираемым. При мне они сделали постановление о том, чтобы деньги, собранные для страхования от крестьян, употребить на другие предметы; а когда затем сгорели две деревни, то нечем было им заплатить.

Глава девятая

НЕПРЕРЫВНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА

Для того, чтобы оградить политическую и социальную самодеятельность в народе от окончательной погибели, осталась опять-таки одна революционная партия.

Читателю нетрудно себе представить, что в ней происходило после того разгрома, какой произвел в ней Муравьев [74]. Он не оставил в ней камня на камне; шпионство было развито до того, что оно проникало

всюду, самый секретный шопот не мог от него укрыться; самые смирные и робкие люди получали неожиданные предостережения...

Таким образом мы видим, что начиная от Петрашевского в течение двадцати пяти лет велась непрерывная революционная пропаганда, но она вносилась в народ в таких ничтожных размерах, что она ни на волос не подвигала дела. Партия движения в конце имела так же мало корней в народе, как и в начале.

Я находил, что в данную минуту наше дело должно заключаться в том, чтобы прежде всего и более всего внести новые идеи в среду народа. В этом отношении я вполне сошелся в мыслях с молодежью.

Книжное дело дало им возможность создать обширную организацию, и теперь они поглощены были стремлением сосредоточить все эти силы на пропаганде в народе.

Между тем коммуны, созданные молодежью в Петербурге и в других городах, расширялись и распространялись. Массовые движения учащейся молодежи, сходки, на которых они протестовали или против дурного преподавания профессора, достигшего кафедры путем интриг, или против обид со стороны начальства, или против произвольных ссылок, повторялись ежегодно и обнимали иногда большое число высших заведений.

Подобное стремление проявить свою собственную волю встречалось нередко и в средних учебных заведениях мужских и женских, где их жертвами делались девушки и юноши от четырнадцати до восемнадцати лет. В особенности сильны бывали эти движения в семинариях, где изуверство начальства вызывало наиболее энергические протесты; тут случалось, что в одном заведении сотни учеников подвергались остракизму.

В средних учебных заведениях все движения вытекали из стремления начальства заставлять учеников читать только то, что им приказывают, и думать только так, как им приказывают. Были такие педагоги, которые полагали, что из преподавания истории нужно исключить Камбизов [75], Неронов [76] и т. д., потому что они заставляют учеников сомневаться в благодеятельности деспотизма.

Лучшие из книг, свободно обращавшихся в публике, считались ядом для молодежи; ученикам воспрещали ходить в публичные библиотеки и брать оттуда книги. С самого нежного возраста из них воспитывали шпионов и предателей; у них делались постоянные обыски.

Едва ли когда-нибудь иезуиты доходили до таких геркулесовых столбов деморализации воспитываемого ими юношества, до каких достигли педагоги этого времени.

Кто в этих заведениях получал приз за благонравие, выходил человеком с искорененным в конец нравственным чувством и с уничтоженным сознанием своего человеческого достоинства. Если в душе юноши было что-нибудь, кроме гнусного эгоизма и лицемерия, то рано или поздно он непременно должен был пострадать.

Глава десятая

В НАРОД

Всякий юноша, в котором оставалась «искра божия», как тогда говорили, направлялся своим педагогическим начальством по дороге к коммунам, если в нем было достаточно энергии и решимости, чтобы итти этим путем.

Вступая в коммуну, он шел на свою погибель, он сознавал, что он должен отречься от всех притязаний на личное счастье ради сохранения своего человеческого достоинства и своей умственной и нравственной самостоятельности. В нем сначала разгоралось восторженное желание развить до беспредельности свою способность приносить жертву, — и только тогда он шел.

Кому же могла быть принесена эта беспредельная жертва? Народу, разумеется; одному только народу.

И он стремился слиться с этим народом своею душою.

Лишь только он вступал в коммуну, он попадал в среду людей, которые уже пережили все его страдания, всю его тяжкую борьбу, все те пламенные чувства, которыми он горел, — они пережили и они окрепли в них; ему страстно хотелось окрепнуть так же.

Коммуны исходили из той точки зрения, что самыми лучшими пропагандистами в народе будут лица из среды этого народа.

Они старались обучать молодых людей из народа и развивать их настолько, чтоб они могли сообщать ему те политические и социальные знания, в которых он так крайне нуждался. Они имели специальные квартиры, в которых никто не жил и где читались рабочим рефераты.

Обо всем этом полиция знала очень мало, и все-таки молодежь коммун преследовалась с большим ожесточением. Аресты и обыски не прекращались, и доходило до ссылки в каторжные работы.

Жизнь среди тяжкой нужды и непрерывной опасности вырабатывала в них те черты характера и то уменье скрываться, какое необходимо в подобных обстоятельствах.

Глава одиннадцатая

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ СОФЬИ ПЕРОВСКОЙ

Между всеми выдавалась Перовская [72]; ее смелость, ее изобретательность и хитрость поражали и удивляли. Ей удалась вещь до того беспримерная — свидание с преступником, осуждавшимся на каторжные работы, в камере одиночного заключения III отделения.

Тюрьма эта была устроена следующим образом. На внутреннем дворе, где помещался архив с государственными тайнами, было здание в четыре этажа, с трех сторон обнесенное глухими стенами; с четвертой были окна с матовыми стеклами и железными решетками, в камерах царил вечный полумрак. На дворе бдительный караул охранял тюрьму и архив день и ночь.

В нижнем этаже находилась кордегардия, тут сидела целая толпа жандармов. Всегда запертая железная дверь вела наверх; в каждом этаже стоял жандарм на карауле, и, чтобы пройти в верхний этаж, нужно было пройти мимо трех караульных жандармов.

Вы думаете, может быть, что свидание было устроено через крышу и потолок, — нисколько!

Лицо, которое нужно было видеть будущему каторжнику, было введено открыто жандармом в кордегардию; ему любезно отперли дверь в арестантские помещения, провели в верхний этаж; отперли камеру каторжника и скромно удалились, чтобы дать им на свободе беседовать между собой.

По распоряжению Перовской, заключенные в III отделении надевали платье жандармов и свободно разгуливали по Петербургу, а жандармы переодевались в гражданское платье. Ей приносили из III отделения

всякое дело, какое ей было нужно, и относили к тому из заключенных, которого она указывала.

То, что составляло секрет для жандармов, не составляло секрета для нее. Она могла указать камеру, в которую должен был быть посажен заключенный. Она пожелала сидеть рядом со мною и ее посадили.

Самые отчаянные вещи проделывались именно теми жандармами, которые были на лучшем счету; они мне рассказывали, как они вкрадывались в доверие начальства: нужно было показывать большое усердие и доносить о всяких пустяках [78].

Самое главное достоинство Перовской заключалось в том, что любимцы начальства могли вполне на нее положиться; там, где она распоряжалась, никогда никаких историй не выходило.

СОЧУВСТВИЕ ЖАНДАРМОВ

Первые шаги на этом поприще требовали больших усилий и стоили очень дорого. Свидание, о котором я говорил, стоило несколько сотен рублей.

Однакоже скоро дело пошло очень успешно. В Москве я низвел плату за передаваемое письмо до 10 копеек.

Между политическими заключенными в разных тюрьмах этого города пошла такая переписка, что я завален был письмами от совершенно незнакомых мне людей.

В мою камеру вводили заключенных, желавших меня видеть; мне это ничего не стоило; не знаю, стоило ли это им.

Такое развитие дела вытекало из того, что жандармы по мере того, как они знакомились с политиче-

скими, начинали сочувствовать им и увлекаться ими. Они мне не раз повторяли: если бы графу Шувалову назначить такое же жалованье, как простому жандарму, — было бы справедливо.

Мне случалось встречать горячее сочувствие между полицейскими чиновниками.

Мы говорили именно против тех несправедливостей, которые они больно ощущали на собственной коже!

Впоследствии они увлеклись до того, что многие из них подвергнуты были тяжким наказаниям, и притом иные действовали совершенно бескорыстно и даже не принимали вознаграждения.

Когда кто-нибудь из заключенных делал вещь вредную для политических, они приходили ко мне и сообщали мне об этом.

Приобретая таким образом не мало опытных советников, деятели могли упражняться в искусстве препровождать за границу тех людей, которым угрожала опасность, с помощью фальшивых видов.

Глава двенадцатая

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

Говорили, что за границей и без того слишком много писателей, которые не имеют читателей, что настоящая деятельность политического — в России.

Жить в России, несмотря на политические преследования, с фальшивым видом или без него, — вот к чему стремились. Выезжать из России для поддержания связи с заграничной деятельностью и затем возвращаться было достойным делом для смелого человека...

Одно время казалось, что революционная пропаганда опять примет тот характер, какой она имела при Герцене.

Это движение вызвано было ожиданием конституции.

Но ожидание так быстро оказалось бесплодной мечтой, шансы принудить императора к конституции были так ничтожны, что прежнее не могло возродиться.

Издание «Вперед» [79] играло видную роль; приписываемая Лаврову статья о самарском голоде читалась всеми; распространялись остроумные брошюры, читавшиеся с большим удовольствием. Но разница была та, что «Колокол» [80] и «Полярная Звезда» [81] составляли самое движение, а эта пресса поддерживала другое, истинное движение, которое должно было разыграться не среди интеллигенции, а в народе.

У меня постоянно было в уме сравнение между готовившейся к действию молодежью и первыми христианами.

Они еще не выступили в дело, они только готовились и, одушевленные своим беззаветным энтузиазмом, были вполне уверены в успехе. Я был также убежден, что с ними сладить будет нелегко; но когда я обозревал беспредельное поле действия среди непочатого русского народа, тогда я убеждался, что успеха можно ожидать только тогда, когда охвативший молодежь взрыв энтузиазма будет превращен в постоянное и неискоренимое чувство. Непрерывно думая об этом, я пришел к убеждению, что успех можно будет обеспечить только одним путем—созданием новой религии.

Надо научить народ посвящать все свои силы самому себе, сделать его способным жить и переносить все на свете ради своих братьев, и они одни должны

быть предметом его любви и его горячих пожеланий; к ним одним должны быть обращены его горячие чувства; они одни должны стоять в его глазах выше всего и составлять всю цель его жизни, они должны составлять его религию.

Я стремился создать религию равенства. Если бы можно было эту самую молодежь превратить в апостолов такой религии! Если бы убывающие их ряды пополнялись все новыми верующими, которые, подобно первым христианам, горели бы возрастающим энтузиазмом, тогда успех дела был бы обеспечен.

Была написана брошюра, проповедывающая религию равенства.

Она читалась в рукописи народу, и когда оказалось, что она ему нравится, решено было отпечатать. В печати она появилась в двух изданиях: одно отпечатано было за границей, а другое внутри России во вновь устроенной тайной типографии. Вместе с тем отпечатана была другая брошюра под заглавием: «К русскому народу»[82].

Глава тринадцатая

РЯЖЕНЫЕ

Великое открытие было сделано, путь был найден; одновременно во всех головах загорелась одна и та же мысль: В народ!

Нечего тут сидеть — в народ!

Аскетические привычки были сделаны, энтузиазм горел, уменье скрываться, изготовлять фальшивые паспорта и жить под чужими именами доведено до значительного совершенства — чего же более?

В народ!

Стали носить лапти и воронье гнездо, одеваться в костюмы крестьян и фабричных рабочих. Искусство носить эти костюмы также доведено было до виртуозности.

Однажды ко мне приехала в гости Перовская; одета она была, как одевались все барышни. Случайно я вхожу в одну из комнат и замечаю, что из окна глядит фабричная девушка, — откуда взялась? Подхожу — подымается Перовская.

«Как путешествовали?» — спросил я одного молодого человека, унесшего с собой в мешке более пуда брошюр. «Прекрасно, — ответил он, — пел с отдержкой». Оказалось, что он и говору и всем манерам местных жителей умел подражать до таких подробностей, что ни одному из его спутников и в голову не могло притти, что он не принадлежит к местному рабочему населению.

Условия тогдашней жизни требовали самых резких переходов; человек, который сегодня являлся в виде рабочего, завтра должен был играть роль человека, принадлежащего к высшему обществу—генерала или тому подобное.

Один бежавший из ссылки начал с того, что в качестве самоеда греб несколько сот верст на лодке; при этом он до такой степени был похож на самоеда, что его невозможно было отличить от других самоедов, бывших на пристани. Переменив несколько видов, он, одетый джентльменом и в золотых очках, сел на пароход в качестве доктора, где к нему обращались за медидицинскими советами. В усадьбу, где я жил, он пришел пешком, в дырявых сапогах и оборванной одежде под видом бедного семинариста.

Настолько же важно, как уменье скрываться и придавать себе вид рабочего человека, было уменье работать и приобретение той ловкости рук, какою отличается всякий крестьянин и работник.

В этом отношении многие являлись большими искусниками. Они не только знали прекрасно несколько ремесл: были хорошими плотниками, кузнецами, слесарями, красильщиками, но и умели обращаться с машинами и управлять ими; они могли поступать на фабрики и железные дороги с полным знанием дела.

С страдными крестьянскими работами также были знакомы.

Глава четырнадцатая

НУЖНО ЖИТЬ ПО ПРАВДЕ

Книжка, которая проповедывала народу религию равенства, была написана тем языком, каким писали пророки, проповедывавшие раскол; она приглашала верующих проливать свою кровь, переносить все мучения и страдать за своих братьев до конца.

Вера пусть соединяет их в борьбе со всем, что старается унизить их братьев, в борьбе за мирскую землю, за все учреждения, которые должны установить между ними равенство.

Нет добродетели вне братства, нет справедливости вне равенства.

Не о том должен человек думать, чтобы блаженствовать на земле, а о том, чтобы приносить себя в жертву своим братьям всецело и не страшась ничего; и если он ослабеет и отступит от страха перед долгом своим, тогда перед ним станет совесть и будет ужаснее всего того, чего он страшился.

В книжке не было ни единого евангельского текста, ни разу не было упомянуто имя бога или Христа, не говорилось о рае, ни об аде, ни о чем вымышленном. От первого слова до последнего это была строгая проповедь долга и беспредельного самоотвержения, за выполнение которого не обещалось никакой награды.

И все-таки книга производила на рабочего и крестьянина потрясающее, воспламеняющее и притом чисто религиозное впечатление.

— Вот она, настоящая-то вера! — восклицал крестьянин, прочитав книгу. — Вот как нужно жить по правде!

И он клал книгу к образам, где у него помещалось все священное.

Глава пятнадцатая

ОНИ НЕ ПОГИБНУТ БЕСПЛОДНО

В России в это время новая религия носилась в воздухе; ждали появления новой веры, ждали именно великой, революционной веры социального равенства, которая возникнет в России и разольется по всему цивилизованному миру.

Самый известный из радикальных тогда журналов — «Отечественные Записки» — допустил намек на это состояние общества, конечно, с оговоркой.

Известный писатель Достоевский [83], осужденный при Николае I к смерти и сосланный в каторжные работы, в одном из своих романов изобразил сцену, где действуют лица, решившиеся жить «по законам природы и правды», т. е. по началам, изложенным в книжке о религии и равенстве.

Новые религии стали возникать в разных местах [84].

Не подлежит сомнению: деятельная, борющаяся религия равенства — великая сила. Но при том состоянии, в котором находился народ, трудно было предсказать будущее. Народ был способен восстать единодушно во имя равенства; но с той точки зрения, с которой он исходил, когда клал книжку о равенстве к образам, он дошел бы не до равенства, а до диктатуры. С самого первого практического шага оказалось, что на почве религии аскетический рационлаизм [85] восторженной молодежи и склонный к боготворению и богообожанию народ не могли спеться. Я видел слишком ясно бесплодность такого усилия.

Народ не был способен питать религиозное чувство к своим братьям, он его мог питать только к божеству, и этим все разрушалось.

Социально революционная пропаганда составляла единственный практический путь для возбуждения в народе энергии в борьбе.

Во всем этом я должен был сознаться и себе и другим, но безнадежно горькое чувство овладевало мной, когда я об этом думал. Энтузиазм был силен, но, если бы он был даже во много раз сильнее, то он не мог бы сделать своего дела.

Они не погибнут бесплодно,—о, ни в каком случае,— но они не достигнут своей цели!

Я слишком долго вел пропаганду среди русского народа, я слишком хорошо знал, как он воспламеняется и как он остывает, чтобы не предвидеть исхода.

Мне непременно хотелось создать что-нибудь прочное, что-нибудь непрерывно действующее, чтобы устояло среди всевозможных гонений.

Только такое идейное зерно могло вызвать наконец победоносное действие со стороны этого народа,

глохнущего в бесчисленных своих деревнях, как негры во внутренностях Африки.

— Капля в море,—восклицал я про возникающую пропаганду,—и останется каплей в море.

У меня не было ни книг, ни бумаги, ни пера, ни чернил. Я был вполне предоставлен своим мыслям, но мысли эти до такой степени овладели всем моим существом, что я не имел ни минуты времени даже для отдохновения. Рядом со мною сидела Перовская, но я отказался переговариваться с нею — мне было не до того.

От волнующих меня чувств и мыслей я дошел до такого состояния, что не мог ни есть, ни пить. Жандармы пришли в смущение...

Я все-таки выработал и изложил свою рациональную религию, и это изложение было напечатано в Женеве (в 1877 г.) под заглавием «На жизнь и смерть».

Глава шестнадцатая

ЯВИЛИСЬ ЛЮДИ ДЕЛА

Хождение в народ было в полном разгаре, когда я прочел закон о заговорщиках, скрывающих своего предводителя. Я мог только захохотать.

Разве подобное движение может иметь предводителя, разве революции вытекают из заговора? Это — непосредственные, никем не задуманные, никем не управляемые движения. Они возникают так же, как загораются хвойные леса в стране сплошных лесов севера; случайно, путем самовозгорания начинается пожар и охватывает огромное пространство.

Заговора нет, люди не уговариваются, а действуют. Все общество будто ожило.

Столько лет говорили о том, что пора перейти от слов к делу, и дела не являлось.

Ждали людей дела, и людей таких не было. Чувство своего бессилия было ужасно, люди презирали самих себя. Вдруг люди дела явились, прекрасные, смелые, самоотверженные. Все в них поражало, все было удивительно; полиция за ними гонялась и не могла их словить, они жили, не имея легального положения, никакие строгости не помогали; весь беспредельный произвол администрации был бессилен; грыз сам себя от бешенства и злобы, и все-таки ничего не мог сделать.

Никакие головомойки, практикуемые начальниками над подчиненными, не помогали; у них под носом делались дела, которые казались им ужасными, а неуловимая и невидимая тень пропагандистов продолжала царить тут. Нередко два начальника поглядывали друг на друга и каждый думал: «Это ты, подлец, все делаешь; знаю я тебя, изменник, укрыватель».

Фабриканты делали отчаянные усилия, чтобы не допускать пропагандистов на фабрики, а они все-таки работали на них. А между тем администрация валила на них вину; она бы давно все уничтожила, если бы не богатые люди; им хочется конституции, им хочется быть представителями народа, чтобы правительство им кланялось и за ними ухаживало. Вот почему они укрывают их на своих фабриках!

«Откуда у пропагандистов берутся деньги? Мы знаем, откуда у них берутся деньги!» Чем смешнее были богатые и властные среди этого переполоха, тем более восторга разгоралось в обществе. Люди будто уговаривались искусственно раздувать размеры движения, и чем более они его искусственно раздували, тем более оно действительно разросталось.

— Пора, давно пора,—шептали друг другу серьезные люди, намекая на конституцию, и не прочь были пожертвовать несколько лишних денег, чтобы помочь довести дело до конца.

Когда против них возникло подозрение, они с удовольствием читали, каким ловким оборотом подозрение устранялось в подпольной прессе.

Глава семнадцатая

КАПИТАЛИСТЫ В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТАМ

В интеллигентных людях, которые склонны были помочь и даже стать в ряды деятелей, никогда не было недостатка. В это время именно в промышленных центрах и при устройстве путей сообщения конкуренция вынуждала все в больших размерах заменять прежних рутинеров людьми, знакомыми с новейшей наукой.

Повсеместно загоралась борьба и непримиримая вражда прежних распорядителей на фабриках, заводах и пр. с научно образованными механиками, техниками и химиками. А научно образованные люди все без исключения сочувствовали европейским идеям свободы. Хозяева заведений, хотя иногда и побаивались их нового духа и опасались попасть в ответ перед администрацией, но должны были любезничать с ними, потому что не могли без них обойтись. Мало этого, они собственных своих детей должны были воспитывать в этой среде.

Капиталисты старого воспитания, купеческие сынки, прожигатели жизни банкротились.

А дети купцов с научной подготовкой, которые выходили серьезными и дельными, которые ездили за границу, чтобы ознакомиться с последним словом науки и промышленности, расширяли заведения своих отцов;

но зато же они с первых дней своей юности жили в обществе тех самых химиков и механиков, которые были в таком сильном подозрении у администрации.

В деятельности пропагандистов обнаруживалось на каждом шагу участие людей, обладающих несомненными знаниями в технике и механике.

Глава восемнадцатая

РАБОЧИЕ ЗАСТРЕЛЬЩИКИ

На суде рабочие произносили грозные речи, показывавшие у них образование; пропагандисты успели уже создать из среды безграмотных невежд образованных людей.

Сделаны были опыты, о которых прежде ничего не знали; рабочие, которых касалась пропаганда, стали делиться на две категории: одни стояли, так сказать, на уровне сказки, для них и писались сказки, другие требовали серьезного чтения, серьезных знаний и идей. Одним словом, непочатые люди с первого шага стали делиться на посредственных и выдающихся по своим способностям, и из последних скоро стали вырабатываться ораторы, люди мысли и дела. Они умели, несмотря на недостаточность своих знаний, очень искусно разбивать аргументы людей с несомненной ученостью.

Скоро все внимание общества сосредоточено было на этой пропаганде, о ней только и говорили.

Наконец-то найден истинный путь; носилось в воздухе: на этом пути Россия достигнет цели, мы получим все и больше, чем ожидаем.

Европа с удивлением увидит такой переворот, какого еще не бывало; теперь мы из последних сделаемся первыми.

Глава девятнадцатая

ПРОПАГАНДИСТЫ КАЗАЛИСЬ ГЕРОЯМИ

Действительно, наступило такое время, когда все крестьянское население заговорило о переделе земли, о том, что землю создал бог, что она принадлежит всем и не может быть предметом частной собственности.

Крестьяне, у которых обрезаны были земли, надеялись получить обратно все, что у них было отнято; бывшие крепостные рассчитывали получить наделы из земель, оставшихся во владении помещиков.

Чтобы прекратить все эти тревожные слухи, министр внутренних дел должен был разослать по России циркуляр о том, что крестьяне не должны рассчитывать ни на передел земли, ни на увеличение своих наделов.

Серьезные люди шептали друг другу: пусть их! Когда разыграется движение, серьезные люди вынудят у императора конституцию и будут сильнее, чем были.

Но восторженная молодежь рассуждала иначе: открыт истинный путь, готовится праздник для народа, и он наступит! Пропагандисты казались им героями, их невероятная смелость и лихие похождения были у всех на устах, они казались могучими, светлыми, святыми. Они сделают свое великое дело.

Европа узнает, что такое русский народ. Вот для чего стоит жить.

Они думали о том, как бы сопричислиться к ним, как бы помочь им совершить их великое дело; получившие в наследство несколько тысяч рублей отдавали их на дело. Богатые люди жертвовали всем своим достоянием. Те, которые не имели случая сблизиться с деятелями,

пускались на-удалую в одиночку и часто сближались со старыми пропагандистами только в ссылке.

Женщины и мужчины искали место сельских учительниц и учителей в деревнях, поступали фельдшерицами и акушерками; никто не исполнял так хорошо своих обязанностей, как эти проникнутые любовью к народу и энтузиазмом люди.

Другие стремились взяться за соху и обрабатывать землю вместе с крестьянином; старались составить сельские коммуны, жить под одной кровлей, работать сообща. Даже знаменитый агроном Энгельгардт[86] давал обществу понять, что он живет, ест и пьет, как крестьянин, его интересует агрономия, а не желание нажиться от агрономии. К нему ездили учиться с целью учреждать сельские коммуны.

Открылось еще одно поприще для пламенеющих людей — статистика.

Земства занялись статистикой; для молодых людей статистика представляла прекрасный случай сближения с народом. Им приходилось собирать сходы, где обсуждались самые существенные интересы крестьян и рабочих людей.

Лучшего случая для пропаганды нельзя было и придумать, они могли ее вести по поводу страстной борьбы рабочих из-за самых существенных своих интересов и на практическом деле. Удобство этого случая нельзя было и сравнить с занятиями сельского учителя, фельдшерицы или акушерки или с материальным трудом в сельских коммунах. И действительно, за дело статистики бралась самая способная и светлая часть молодежи.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

КРИЗИС ХОЖДЕНИЯ В НАРОД

Глава первая

РАЗОЧАРОВАНИЕ НАЧАЛОСЬ

И общество, и правительство до такой степени были встревожены пропагандой, что на ней сосредоточено было все внимание. В глазах общества она была вполне торжествующей, и правительство было бессильным ее подавить.

Но участникам дела она представлялась вовсе не в таком розовом свете. Прежде всего полное разочарование постигло статистиков. В их руках было самое сильное орудие пропаганды — сельский сход; и к чему же оно привело? Они самым добросовестным образом раз'яснили условия жизни крестьянина и рабочего.

При Николае 1.200 руб. в год считалось достаточным обеспечением для чиновника с семейством, а для крестьянина—30 руб. в год. Эти басни были вполне опровергнуты статистиками. Было доказано, что даже паупер и нищий может прожить никак не менее, как на 50 руб. в год; для крестьянина, который должен иметь хозяйственный инвентарь, едва достаточно 300 руб.

Условия жизни крестьянина и рабочего раз'яснились вполне, а крупные землевладельцы упорно скрывали источники своих доходов. Когда они все-таки приводились в известность, помещицки публично не земском собрании рвали документы, в которых они были изложены.

Крестьяне все поголовно одевались и ели хуже, чем нищие в Европе; нигде в цивилизованном мире не было

такой смертности детей, как в России, и все-таки поднялся крик, что они гораздо богаче чем предполагали, что они могут платить по крайней мере вдвое больше, чем платят, что их надо усерднее сечь и тогда они заплатят.

В окончательном результате все усилия молодежи на благо народа привели к обратному результату. Они породили ужасную вещь — обратно прогрессивный налог. Люди платили тем больше податей, чем меньше они получали дохода. Юным статистикам пришлось рвать на себе волосы, когда они увидали такой результат своих усилий. Им осталось повторять в отчаянии:

— Революция и одна революция может помочь России!

Глава вторая

ЦЕЛЬ ИСЧЕЗЛА

Такое же отчаяние охватило сельских учителей и учительниц, фельдшериц, акушерок. Чем сильнее разросталось движение, тем грознее над ними надвигался правительственный надзор: всевидящее око шпиона, священника и сельских взяточников, обиравших народ, следило за ними с постоянно возрастающим усердием.

Гонение делалось все более интенсивным. И им пришлось восклицать: спасение в одной революции!

Они чувствовали, что никакая умеренность, никакие уступки не помогали. В своей сельской глуши они не только лишены были всякой возможности приносить пользу народу, они сами глохли и опускались умственно и нравственно.

Коммуны для общего сельско-хозяйственного труда потерпели фиаско уже потому, что цены на сельско-

хозяйственные произведения сообразовались с потребностями безграмотного народа; чтобы жить этим трудом, нужно было отказаться от покупки книг, от своего развития.

Энгельгардт, конечно, мог есть и одеваться, как крестьянин, без вреда для своей интеллигентности. В доходе от своей сельско-хозяйственной деятельности он вовсе не нуждался; один из самых любимых в России писателей, он был вполне обеспечен своим литературным трудом.

Но несчастное юношество, пахавшее землю, утрачивало свое развитие в глухих деревнях — и только.

Остались одни подвижники, ушедшие в народ; но деятельность их требовала не только редких качеств, но и большой опытности и навыка.

Правительство готово было все в больших размерах жертвовать деньгами; ему ничего не стоило не только удвоить, удесятерить свои издержки на преследование пропагандистов.

Все фабрики были издавна полны шпионами и наушниками фабричного начальства; это начальство имело слишком много разнородных причин для развития шпионства.

Прибавьте сюда полный произвол правительства, ему не нужно было никаких доказательств, чтобы арестовать, держать в тюрьме и сослать человека, на которого падало подозрение.

Неопытные очень скоро попадали в руки администрации, а через них попадались и опытные. Если бы народ был вполне восприимчив к распространяемым в его среде идеям, то и в таком случае это дело представляло бы неодолимые трудности; он был так многочислен, был рассыпан по таким глухим углам, что число

пропагандистов должно было бы быть громадно, чтобы на него возможно было воздействовать. Но на деле было наоборот: он был так невежествен, что ему очень трудно было усвоить себе понятие о возможности другого более огражденного положения; нужно было долго и упорно работать над ним, чтобы вызвать в нем надежду. Трудности постоянно возростали, и надежда на успех ослабевала.

Люди сделали из движения цель своей жизни, и цель эта исчезла перед ними.

Глава третья

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БУНТАРКИ

Одна бунтарка каждый день с возрастающей силой отдавалась своему увлечению; жизнь, которую вели все вокруг нее, казалась ей грязной, мерзкой, возмутительной, отвратительной; для нее эта жизнь была проявлением грубейшего эгоизма, конспирацией против счастья и благосостояния народа. Каждое действие, каждое слово тех, кто ее окружал, подтверждали ее взгляд на них.

Она восторженно протестовала против такого гнусного настроения и решалась жить для народа, всецело отдать себя ему; она готова была лучше переносить все мучения, чем жить другою жизнью.

Она так часто повторяла себе это, что для нее стало действительно невозможностью жить другою жизнью.

Но в тех условиях, в которых она живет, она ничего не может сделать для народа, ей этого народа даже и видеть не приходится. Ей сначала нужно выйти из этих условий и поставить себя в другие, благоприятные для сношений с народом.

Она готова отказаться от всех удобств, которыми была окружена, есть один черный хлеб и терпеть во всем нужду, лишь бы иметь то, чего просит ее сердце.

Молодая девушка оставляет своих родителей и все, что она любила, и поступает в деревню сельской учительницей.

Но с первого же дня священник постиг, в чем дело, и начинает на нее доносить; пьяный старшина входит к ней без церемоний в комнату, перерывает ее книги, читает ее письма, позволяет себе цинические шутки.

Энтузиазм удесятеряет ее силы, она переносит все и исполняет свои обязанности образцово.

Является инспектор, он очень доволен ее преподаванием, но с ловкостью, о которой она не имела и понятия, выспрашивает у детей все, что они от нее слышали. Сообразно с этим он делает ей наставление с угрозой немедленно ее уволить в случае отступления.

Через некоторое время является исправник: оказывается, что и он имеет право экзаменовать детей.

Ее мечты создать из своих учеников граждан, развитых в политическом и социальном отношении, разбились вдребезги очень скоро и помимо инспектора и исправника, а теперь она видит, что она не имеет никакой возможности выйти из тех рамок, которые для нее поставлены; если бы ей случилось сказать своим ученикам, что существует на свете республиканское управление, она немедленно была бы уволена.

После детей она стремилась эмансипировать женщин, но ей еще скорее пришлось махнуть на них рукой; то, что в ней горело огнем, не возбуждало в них ни малейшей тени интереса.

В школу является предводитель дворянства, он относится к ней мягко, ласково, почти нежно. Учительница

провожает его к выходу, на минуту они остаются одни; он дает ей руку на прощанье, говорит ей прочувствованным шопотом: «я понимаю вас».

Она чувствовала, как вспыхнула и лишилась всякого самообладания. Она подбегает к зеркалу, чтобы взглянуть на себя: инстинктивно на несколько секунд ее глаза прикованы к ее отражению; она никогда не могла представить себе, что может быть так хороша собой.

Прошло два дня; оказывается, что предводитель знает о ней все, ей угрожает погибель, но он ее спасет; может быть, он и сам погибнет при этом, но он все-таки ее спасет. По этому поводу между ними начинаются интимности, он изливает перед ней свое сердце; оказывается, что он очень несчастный человек, жена его не любит, изменяет ему, вся жизнь его разбита. Наконец он сознается ей в любви, он готов бросить все и бежать с нею.

Предводитель был очень опытный соблазнитель женщин, а она олицетворение неопытности; однакоже она скоро довела его до того, что он от медовых речей перешел к угрозам. Ей пришлось бежать.

После этого предводитель так ее оклеветал, что она нигде места народной учительницы получить не могла. Она поступает фельдшерицей. Теперь она живет в городе и ее положение существенно улучшается. Книг для своего развития она имеет достаточно, доктора ее очень ценят, потому что она образцовая фельдшерица и от всей души ухаживает за больными. Сношений с народом у ней сколько угодно; кроме больных в больнице, она ежедневно принимает в амбулатории десятки и даже сотни больных рабочих. Мало этого, у ней есть друзья по душе. В свободное время она к ним ходит и проводит у них вечера.

Тут находится политический, бывший в каторжных работах, старый, опытный боец, красноречивый и увлекательный, несколько интеллигентных молодых людей; их посещают рабочие.

Глава четвертая

МАНИЯ ШПИОНСТВА

Некоторое время все идет прекрасно, затем ей начинают надоедать свистки полицейских; ей стоит появиться на улице, чтобы начались свистки; идет ли она к ним, идет ли от них, все время свистки преследуют ее. Ей начинает казаться, что за ней идут шпионы, что они становятся против окон и смотрят в окна, что они подслушивают. Тень шпионства начинает ее преследовать и не дает ей покоя. У нее является убеждение, что она здесь еще в больших размерах окружена предательством, чем в деревне; даже между своими больными она подозревает предателей.

Ее знакомые делают ей разные условные знаки, по которым она должна узнавать, когда она может войти и когда ей не следует этого делать.

Наконец придумали для нее такой мудренный путь ходить к своим друзьям, который скроет ее от всяких соглядатаев. Она приходит этим путем, и очень весело провела свое время до поздней ночи. Возвращаясь домой, она неожиданно замечает, что за ней идет жандарм; чтобы он не мог узнать, кто она такая, и чтобы скрыть свою квартиру,она поворачивает налево, потом направо; жандарм все идет за ней. Она колесит по городу до того, что окончательно выбивается из сил; ноги ей отказываются служить и она падает на землю. Тогда жандарм не стесняясь подходит к ней и говорит:

— Напрасно, барышня, вы так утруждаете себя, ведь я вас и квартиру вашу знаю.

Он называет ее фамилию и ее квартиру.

— Пойдемте лучше вместе, я вас провожу.

Она отказывается итти с ним, но он все-таки идет некоторое время рядом с ней; затем говорит: «бог с вами» и поворачивает в сторону.

Глава пятая

ЗАНЯТИЯ С РАБОЧИМИ

Однажды она идет по улице, на крыльце сидят двое рабочих. Один другому говорит: «а ведь книжки-то прилетят к нам, непременно прилетят». Она взглянула на них, их физиономии показались ей очень симпатичными.

Другой раз она идет по тому же месту и встречает их опять. «Барышня, когда же вы принесете нам книжечку?» — говорит один из них. Не может быть, чтобы это были шпионы, у них слишком хорошие лица.

В третий раз она соглашается войти к ним и читает им, ее слушают шесть человек с искренним восторгом. Они указывают ей путь, как ходить к ним, чтобы хозяин не мог ее увидать.

Она ходит и начинает чувствовать себя в их среде настоящим бунтарем, из этих людей ей несомненно удастся выработать энергических деятелей в народе. Время, которое она у них проводит, кажется ей счастливейшими часами ее жизни; за своих новых учеников она готова отдать свою жизнь. Она счастлива.

Однажды она возвращается домой и встречается с бабой, которая ее прямо третирует, как публичную женщину. Сначала она ошеломлена, но затем понимает

в чем дело: этим путем, должно быть, ходят к рабочим их любовницы. Пусть ее принимают за их любовницу, ее посещения будут об'яснены таким образом и не возбудят никаких политических подозрений; она получит время и свободу выработать из них деятелей.

Все-таки слезы ручьем катились у нее по щекам. Эти сеансы волновали ее, она приходила и уходила в большом возбуждении.

Однажды она вошла в тот темный коридорчик, через который попадала в мастерскую, и по каким-то очень хитрым соображениям оставила шубу в коридоре и вошла в одном платье. При выходе шубы не оказалось, рабочие первые догадались, что здесь был шпион и украл ее шубу; они пришли в большое волнение.

Несколько дней спустя, во время чтения, отворилась дверь из темного коридора и вошел полицейский. Он велел сказать хозяину, чтобы на другой день были непременно вывешены флаги по случаю царского праздника, а затем обратился к нашей фельдшерице и сказал:

— А вам, барышня, здесь совсем не место, они народ необразованный, какая они для вас компания.

Смущение было так велико, что ей осталось уйти. Ее догнал один из рабочих и, дрожа всем телом, просил ее прекратить свои посещения.

Много ночей она горько проплакала после этой неудачи и от всей души проклинала полицейского, хотя он был добрейший человек и выдумал свою выходку, чтобы спасти ее от когтей своего начальства. Ей в голову не приходило, что давно вся улица знала ее и когда она шла, кумушки говорили друг другу: «Вон хорошенькая барышня идет к бунтарям».

Однажды ночью к ней постучались, сделали у нее обыск и арестовали ее.

В одиночном заключении она много пролила горючих слез над судьбой тех несчастных рабочих, которых ввела в беду. Неожиданно оказалось, что рабочие тут не при чем, что ее арест не имеет ничего общего с ее пропагандой.

Глава шестая

ЭНТУЗИАСТЫ УМИРАЮТ

Еще тогда, когда она жила в доме своих родителей, она знала гимназиста, который никак не мог перешагнуть из третьего класса в четвертый. Она старалась воспламенить его тем энтузиазмом, которым сама горела.

С того времени она о нем ничего не слыхала и даже имя его позабыла.

Между тем, не будучи в состоянии окончить курс, он поступил на военную службу. Здесь он распространял книжки среди солдат. Когда ему об'явили, что он приговорен за это к смертной казни, ему неожиданно представился прекрасный случай выразить свои горячие чувства той девушке, которая поселила в нем политические идеи.

Он написал ей пламенное письмо, называл ее своей учительницей и благодарил ее за прекрасную смерть, которой ей обязан. Случайно это письмо было взято при аресте того самого лица, которое должно было ей его доставить.

За это письмо она должна была отправиться в ссылку. Ее привезли на место полуживою; после покражи шубы у нее не было теплого платья, и она сильно стала простужаться; сиденье в тюрьме и путешествие на крайний север довершил то, что начала украденная шуба.

Она попала в ничтожный городишко, куда ссылались влиятельные политические преступники, а потому там жил жандармский офицер и шесть жандармских унтер-офицеров. На этот раз она была там единственным политическим преступником, и весь этот сложный аппарат надзора сосредоточился на ней.

Жандармы проходили мимо ее окон не менее двенадцати раз в день; каждый день она должна была являться в полицию и расписываться в доказательство того, что она еще не бежала. Полицейские солдаты, которые соперничали с жандармами в усердии, входили в квартиру, расспрашивали хозяев о ее поведении, входили даже к ней в комнату и задавали ей разные вопросы.

Кошмар шпионства и предательства не давал ей покоя. Чтобы по возможности не видеть всего этого, она спала днем и сидела ночи.

Когда через несколько месяцев городишко наполнился политическими преступниками, они не могли принести ей утешения; она умирала в больнице; присутствие постороннего человека так раздражало ее, что доктор запретил впускать к ней людей, и она умерла одинокая.

Смерть в ссылке собирала обильную жатву. Рядом с случаями смерти шли случаи умопомешательства. Но больше всего обращают на себя внимание самоубийства.

Борьба была так невыносимо тяжела, что большинство деятелей думало о самоубийстве; значительная часть делала покушения на свою жизнь, и многие доходили до конца. Так же часто люди побуждались к этому тоской от невозможности что-нибудь сделать.

В газетах постоянно печатались известия о людях, которые лишали себя жизни и оставляли записку, где просили никого не обвинять в этом; они умирают потому, что жизнь для них не имеет цели.

Пресса того времени много рассуждала о средствах к прекращению мании самоубийства. Напрасно она хлопотала: эти самоубийства были выражением умирающей надежды на спасение России.

Человек, который не имел случая прочувствовать то, что чувствовали тогда энтуазиасты, не мог составить себе никакого понятия об этом страстном настроении. Описать его невозможно, изобразить его мог только великий художник. К несчастью, ни один из наших великих художников не был в состоянии это сделать.

Да, энтузиасты умирали, безнадежное отчаяние плодилось в их душах; но энтузиазм выработал слишком опытных бойцов; как прежде, так и теперь они были недосягаемы для власти.

Они видели слишком ясно, что движение погибает и должно погибнуть, не достигнув цели. Тогда они пришли к решению, которое можно было concipировать только в том настроении, которое ими владело.

Они решились оставить пропаганду в стороне и вынудить конституцию терроризмом.

Такое решение пришло к ним не вдруг, первые наиболее блестящие акты терроризма были уже совершены, когда план созрел; он был следствием, а не причиной этих проявлений.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ТЕРРОРИЗМ

Глава первая

ВЫСТРЕЛ ЗАСУЛИЧ В ТРЕПОВА

В Петербурге на площади Казанского собора произошла народная манифестация [87] (6 декабря 1876 г.)

Один студент, очень сильный человек, увидав, как явившиеся по приказанию полиции воры и мазурики забивали на смерть рабочих, стал спасать их, конечно, не без помощи затрещин. За это он приговорен был к каторжным работам [88]. С студентом обращались в тюрьме как с каторжным.

Петербургский градоначальник Трепов является в тюрьму, проходит мимо студента и замечает, что он ему не поклонился. Так как приговор не вошел еще в законную силу и студент не был каторжным, то он не обязан был ему кланяться, однакоже, не долго думая, Трепов велел его высечь...

Несчастный в своем заключении не мог отомстить за оскорбление, нанесенное не только ему, но в его лице всему образованному классу...

Нашелся мститель за всех, и Трепов был ранен...

Трудно было найти девушку более простодушную, мягкосердечную и добрую, чем Засулич [89].

У нее на душе всегда было такое множество страдальцев, что у нее никогда в жизни, кроме долгов и плохого платья, ничего не бывало; как только ей в руки попадали деньги, она немедленно все раздавала и жила всегда в долг.

Горячность ее к людям, которых она уважала за их образ мыслей, была почти безмерная.

Мы виделись с ней только несколько раз в жизни, однакоже, услыхав, что я нахожусь в опасности, она прискакала в Шенкурский уезд и привезла фальшивые виды для моего спасения. В таком героическом средстве я даже и не нуждался.

Всем была известна энергия и пыл, с которыми она защищала людей против эксплоатации или обмана. «Надо напустить на него Засулич», — говорили про человека, который поступал эгоистично и черство.

Засулич вцеплялась в такого человека и не выпускала его до тех пор, пока он не исправлял своих дурных поступков.

В жизни своей она была очень несчастлива: все люди, милые ее сердцу, подвергались каторжным работам, тюремному заключению, ссылкам.

Она узнала о варварском поступке Трепова, о том возмутительном цинизме, с которым его приказание было исполнено, о тех издевательствах, которые позволяла себе стража по этому поводу в отношении ко всем содержавшимся в тюрьме, о грубых шутках и намеках прислужников, которые доводили женщин и девушек до истерики и обморока.

— Всех пересекут!—кричали сторожа, когда заключенные громко выражали свое отчаяние.

Засулич почти обезумела от этих рассказов.

— И никакой защиты, никакого спасения!—твердила она... И вот Засулич решается убить человека.

Она не решается, она просто действует под влиянием неодолимого импульса...

Отчаяние политических, сидевших в тюрьмах, безвыходное их положение, беззащитность от гнусного

глумления и от жестокостей до такой степени заполнили все ее существо, что она ни о чем другом не могла думать.

Она сама не заметила, как выстрелила в Трепова.

Не заметила наглого обращения с нею, которое за этим последовало, и опомнилась тогда, когда все было кончено.

Взрыв всеобщего восторга последовал в России, когда разнеслась весть о поступке Засулич...

После долгого времени в первый раз производился правый, самостоятельный и публичный суд без подтасовок над политической преступницей.

Засулич была оправдана.

Ни одному артисту, ни одному писателю не было сделано таких оваций, какими встречена была эта героиня после ее оправдания. Пресса ликовала. Администрация пыталась было тайно ее захватить и удалить в ссылку, но это ей не удалось — Засулич отправлена была за границу...

Глава вторая

НОВАЯ РАСПРАВА

За первым ударом последовал второй; среди белого дня публично на улице был убит Мезенцев[90] холодным оружием. Совершивший это дело вскочил на заранее приготовленную пролетку и уехал, не торопясь, на виду у всех.

Никакие полицейские розыски не помогали...

Мезенцев был шефом жандармов.

Должность шефа жандармов была щекотливая, люди с возвышенными чувствами устраняли ее от себя...

Николай старался придать этой должности вид утешителя скорбящих.

Назначая шефа жандармов, он передал ему платок, которым он должен был утирать слезы вдов и сирот...

Пытались и другим способом облагородить эту деятельность.

Делалось разделение между жандармами и III отделением.

Жандармы — обыкновенная конная полиция, которая преследует всякие преступления: корчемство, контрабанду и прочее. Они, подобно полицеймейстерам и исправникам, имеют сыщиков и т. д.

III же отделение — это такое учреждение, которое требует от служащих в нем высших государственных способностей.

Начальник III отделения должен приводить в известность настроение общественного мнения в стране, он должен был быть ближайшим советником императора в делах внутренней политики; поэтому он и поставлен был выше министров.

Все эти хитросплетения ни к чему не привели.

Шеф жандармов, как был, так и остался начальником шпионов и ничем более. Жандармские полковники и генералы были слишком неразвиты и бездарны, чтобы раз'яснить правительству настроение общественного мнения.

Должность шефа жандармов брали на себя и лица, принадлежавшие к государственным людям, но всегда самые бесцеремонные между ними. Даже знаменитый Муравьев до такой степени презирал жандармов, что когда к нему посылали с рекомендательным письмом лицо, которое он считал негодяем, он писал на боку резолюцию: «может быть принят, но только по жандармскому ведомству».

В то время когда хождение в народ было в полном своем развитии, от шефа жандармов требовались такие действия, на которые никто не соглашался, и пришлось обратиться к такому человеку, как Мезенцев.

Мезенцев сумел деморализовать даже жандармское ведомство. Существовало скандальное дело Мясниковых, где из корыстных видов совершались убийства, подлоги и другие преступления, — это дело в обществе называлось делом Мезенцева.

Нужно было много ужасных смертей, чтобы вызвать эту одну смерть.

С русскими, уходившими для пропаганды в народ, расправлялись очень жестоко, не все-таки не доходило до тех геркулесовых столбов бесчеловечия, которому подвергались поляки во время их вооруженных восстаний.

После покушения на Трепова и убийства Мезенцева, немедленно дошли до такой расправы.

Но и революционеры стали защищаться оружием. Оказался результат совершенно неожиданный.

Глава третья

НАЧАЛО КРОВАВОГО БОЯ

Революционеры не испугались всей надвинувшейся на них силы... Тогда родилась мысль о возможности исторгнуть таким образом действия у правительства конституцию.

Когда революционеры проявили всю свою силу, волнение в обществе во много раз увеличилось сравнительно с тем, какое произведено было хождением в народ. Их средства считали громадными, не сомневались,

что под влиянием всеобщего возбуждения в скором времени разразится революция.

Все либеральные русские журналы неустанно пели на все лады об уравнении крестьянских наделов и платежей, о власти земли и т. д. Даже либерально-чопорный «Вестник Европы»[91] поместил на своих страницах песню о Стеньке Разине.

Изумленным глазам истории представилось зрелище едва ли не беспримерное.

Каких-нибудь двести человек схватились в кровавый бой с правительством могущественной империи...

Глава четвертая

НЕОБУЗДАННАЯ ЯРОСТЬ

Преследовались все с необузданной яростью. Пресса стонала; учебные заведения стали подвергаться гнету, который не имел еще для себя примера в прошедшем. Преподаватели превращены были в настоящих шпионов, они должны были разведывать о поведении учеников, делать у них внезапные обыски, читать их письма, появляться внезапно у них на их частных квартирах и осматривать все, что у них было под замком; если у них оказывались книги либерального содержания, то без церемоний отбирать их. Иметь публичные библиотеки могли только консерваторы.

Публиковались длинные списки дозволенных цензурою и в течение многих лет свободно обращавшихся книг, которые нельзя было иметь в публичных библиотеках.

Народное просвещение бичевалось поминутно новыми стеснительными законами. Земство сжато было

в таких тисках, что оно даже ничтожного писца не могло назначить без согласия местной администрации и всякого должно было удалять по первому ее слову.

Жандармы стали проповедывать вновь изобретенную ими теорию. Они уверяли, что граждане не должны смотреть на обыск, как на нечто для себя неприятное: обыск может быть у всякого, даже у жандармского полковника, он делается вовсе не для того, чтобы уличить человека в преступлении, а просто для того, чтобы определить степень благонамеренности человека и его преданности престолу. Преданный престолу и благонамеренный человек должен быть рад обыску, прочтение тайных его бумаг обнаружит его добродетель и возвысит его в глазах всех...

Стали ссылать в Мезень на полярном круге, где зимою ночь продолжается от 22 до 24 часов. Когда показалось этого мало... стали ссылать в Нарым и в Сургут на Оби, где жители от невозможности подвезти своевременно хлеб, попадают в такое отчаянное положение, как жители крепостей, которых голодом принуждают сдаться.

Теперь в разгар терроризма все подобные попытки, от которых люди умирали, как мухи, казались ничтожными и совершенно недостаточными.

Придумали ссылать в сказочный Обдорск, который лежал близко к устью Оби, значительно севернее Березова. Обдорск, пугающий даже сибиряков, рисуется в их воображении, как замораживающий человека ад. Сибиряку нужно большое мужество, чтобы решиться туда ехать. Там могут жить только кочующие остяки, которые питаются сырой рыбой, люди нашего племени умирают там от цынги и задыхаются от холода. Даже остяков, питающихся сырой рыбой, там всего

несколько десятков. Несчастные люди там вымирают и вновь набираются, загнанные отчаянием, чтобы эксплоатировать мерзлую пустыню.

Правительство не остановилось и на этом, оно выдумало такой способ мучить людей, до которого даже испанская инквизиция не доходила. Людей стали ссылать к северным дикарям, в такие места, где о жилом доме не имели понятия.

При страшных сибирских морозах, от которых птицы замерзали массами на лету, политические должны были жить в юртах якутских дикарей. Эти жилища диких людей самого низкого уровня цивилизации не имели окон, а только отверстия, в которых вставлены были льдины; согреться можно было только у пылающего очага; во время бури и метели снег попадал в юрту и тушил огонь. И если они погибали от какой-либо неудовлетворенной потребности, о которой дикарь не имел и понятия, то они не могли найти себе помощи, так как ближайшие их соседи из политических были отделены от них не десятками, а сотнями верст...

И кто же подвергался такому обращению?..

Чиновники состязались в изобретении новых категорий лиц, которых можно было отдать под надзор полиции.

Когда отданы были под надзор полиции все, на кого хотя какая-нибудь тень подозрения могла падать, тогда стали отдавать и таких, на которых не только никакого подозрения не падало, но о которых было хорошо известно, что они ни в какие политические дела не мешаются и образа мыслей не только самого умеренного, но даже консервативного.

Таким образом попадали под надзор родственники, жившие под одной крышей с подозреваемым. Всякий

из этих лиц мог быть отправлен в ссылку, несмотря на все усердие, с каким он желал избавить себя от подозрений. Матерей изгоняли из дому, и они оставляли без приюта на улице своих детей и малолетних внуков и все-таки не отстраняли от своей головы подозрений.

При таком условии попадали в ссылку лица, у которых в квартире ночевал нелегальный, хотя они об этом ничего не знали и т. д. Если подобное лицо не могло вынести своего положения и решило бежать, тогда оно прямо отсылалось в те тундры, о которых я только-что говорил.

По вновь сочиненному закону всякий бежавший из ссылки отправлялся после поимки в Якутскую область...

Несчастные жертвы, которых терзали и мучили на все лады, не имели и тени влияния на тех, которые действовали. Они должны были изнывать и погибать от неслыханных дотоле мучений, оставляя за собою только слезы тех, которые их любили и которые сиротели после их гибели.

Все эти меры увеличивали число самоубийств, и Россия только волновалась и шумела...

Глава пятая

АВОСЬ, КРИВАЯ ВЫВЕЗЕТ

Неожиданно и крайне удачно Лорис-Меликов [92] взял либеральную ноту...

Чем был Лорис-Меликов для русского общества вообще?

Каким-то неизвестным генералом и больше ничем.

Чем он был для либерального общества?

Он был окончательно и вполне чужд ему и по духу своему и по своим идеям; корней в этом обществе он не имел ровно никаких. Знал он, по крайней мере, это общество, мог он воздействовать на него своим знанием его стремлений?

Об этом обществе он имел одно туманное представление, он был вполне неспособен проводить политику, которая могла бы воодушевить его и привлечь к нему.

Кроме того, всякому было известно, что общество, как либеральное, так и консервативное, во всем этом движении никакой существенной роли не играло. Оно было просто зрителем о двух лицах: одно лицо, негодующее против злоумышленников, обращено было к императору, император смотрел на него и не верил ему; другое, удивленное и ошеломленное, жадно смотрело в туманную даль и ждало происшествий, чтобы с ними сообразовать свою деятельность.

Знал он ту среду, откуда все это волнение исходило; знал он, как на нее воздействовать, чтобы достигнуть своей цели? Ничего он об этой среде не знал, даже и тени отдаленного понятия не имел.

На каком же основании взялся он управлять государством?

А на том основании, на каком всякий русский генерал берется за всякое дело: «авось, кривая вывезет». Прекрасно, но теперь спрашивается: на каком основании ему дали управлять государством?

Та сфера, которая окружала императора, жила, конечно, в России, но о русских ровно ничего не знала и не чувствовала потребности знать. Она управляла страною при Александре II так же, как управляла при Николае. Она знала, что для нее очень важно уметь интриговать при дворе: что же касается до страны и ее

желаний, то об этом нечего заботиться, разве для виду; страна покорится всякой политике.

Неожиданно оказалось, что в стране явились люди, которые сумели сделаться страшными—сфера растерялась.

Она долго верила в непреложную мудрость Толстого [93] и даже Трепова, но Трепов споткнулся так, что не мог более встать, а Толстой с своей проницательностью стал возбуждать один смех. В виду новых фактов ничего не стоило обличить его невежество, он должен был выйти в отставку, и невежество это обрисовалось самыми яркими красками. По выходе в отставку он стал баллотироваться в земство и—увы—был забаллотирован.

Толстой мог вполне обмануться теми восторженными приемами, которые ему делались, когда он был во власти, а считать себя популярным там, где он был ненавистен. Он был министром потому, что нравился императору...

Лорис-Меликов сделался великим визирем и с первых же шагов показал, что окончательно не знает, как взяться за дело. Он никого не удовлетворил и неспособен был удовлетворить; все осталось попрежнему, и терроризм продолжался.

Глава шестая

ПОСЛЕ СИЛЬНОГО УДАРА

Катастрофа, перед которой так трепетал Александр II, наступила: Россию облетела телеграмма о смерти государя.

Удар был сильный, весь цивилизованный мир обратил на него напряженное внимание...

Но вот движение вместо того, чтобы развиваться, стало утихать. Александр III [94] приписал такой результат своему министру Толстому...

Толстой упражнялся в сугубой жестокости; но мы уже видели выше, что такие упражнения не имели никакого значения ни для развития, ни для упадка движения. Спрашивается: изменил Толстой в чем-нибудь те условия, в которых это движение производилось прежде?

Делались строжайшие распоряжения насчет паспортов и видов. Для путешественников, никогда ни в каких политических движениях не участвовавших, приставаниям и неприятностям не было конца; полицейская переписка сильно раздулась от новых правил. Если вновь прибывший пред'являл свой вид или отпуск, то полиция должна была сделать в том месте, откуда вид или отпуск был выдан, запрос, действительно ли эти документы были выданы. Домохозяин, который не пред'явил полиции вид своего жильца, мог быть подвергнут за это штрафу до 500 рублей.

Мер было принято так много, и они, повидимому, в такой степени закрывали все пути для существования в России беззаконного вида, что естественно было предполагать, что возможность такого существования прекратилась.

Однажды мне пришлось разыскивать через полицию адрес необходимого мне лица. Все мои усилия были напрасны, полиция об этом ровно ничего не знала, хотя лицо было одним из самых известных в городе.

— Нашли через кого узнавать адрес—через полицию?! — сказал мне тот, кто сообщил адрес. — Разве вы вчера родились, что вам неизвестно, что русская полиция никогда ничего не знает!

Меня заинтересовало это: неужели все строжайшие меры, принятые Толстым, не изменили дела?! Оказалось, что в России теперь, как и прежде, в полиции прописана и полиции известна только самая ничтожная часть населения. Положение с полицейской точки зрения сделалось даже хуже, а не лучше; славное дело полиции как всегда, так и теперь заключалось в том, чтобы шарлатанить перед начальством, чтобы заставлять его верить, что она работает день и ночь и все знает; чем строже делается начальство, тем больше времени требуется на шарлатанство и тем меньше остается на настоящее дело. Такое направление деятельности тем более естественно для чиновников, чем строже преследует обличение злоупотреблений печатью, а при Толстом такое преследование достигло максимума.

Глава седьмая

КЛАНЯЕМСЯ И БЛАГОДАРИМ

В то самое время, когда исчезла последняя надежда добиться конституции, я жил в Костроме.

Упадок духа и глубокое разочарование владело всеми.

Земство, городская дума чувствовали себя погибающими; говорили о том, что последние следы самоуправления будут уничтожены; консерваторы ожесточенно нападали на общину и составляли проекты о том, как бы выборное сельское и волостное начальство заменить унтер-офицерами. Распускались слухи, что и земство и городская дума будут обращены просто в орудия для сближения и для сбора податей, которыми будут распоряжаться чиновники.

Салтыков в одной из своих сатир назвал земство учреждением для лужения госпитальной посуды.

Утверждали, что и посуду теперь будут лудить чиновники, а земство и дума будут только иметь честь предоставлять им для этого деньги в назначенном бюрократами размере.

Как всегда, все без исключения переносили свою судьбу с робким и деревянным фатализмом; не имеющие духа ни для того, чтобы защищаться, ни для того, чтобы озлобиться, они и теперь ждали для себя спасения от других, от доброй воли правительства или от террористов, если бы они оказались способными возродиться. Давало им правительство—спасибо, брало—что делать.

Правительство могло сделать несправедливость, нанести какую угодно обиду — оно всегда было право. Когда совершенно невинный человек подвергался жестокой каре, его же обвиняли за это. Получивший от правительства удар всегда был виноват; повторялась стереотипная, вечно одна и та же фраза: «во всяком случае с его стороны была маленькая неосторожность».

Русская пословица о том, как новгородцы утратили свою свободу: «такали, такали новгородцы, да и протакали», была совершенно забыта.

Все отвечали на все действия правительства: «кланяемся и благодарим!» — это «кланяемся и благодарим» переставало быть человеческим изречением, оно превратилось в автоматическое действие. И рядом с этим трепещущая, жалкая, робкая надежда окончательно забытого человека:

— Авось, терроризм воскреснет и спасет нас!

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ПОСЛЕ ПЕРВОГО МАРТА

Глава первая

В ГУЩЕ НАРОДА

Я брал с собою ботанический определитель, книгу и стал ходить по окрестностям. Если бы я стал ходить с ружьем, крестьяне не обратили бы на это внимания, но я ходил с книгой, читал на ходу, потом садился на камень и рассматривал растения в лупу.

Кругом крестьяне работали на полях, в обед собиралась ко мне толпа любопытных и начинался разговор. Я им об'яснял понятным для них языком о существовании конституционной монархии и демократической республики. Обо всем этом они, разумеется, в первый раз в своей жизни слышали. Я показывал им зависимость просвещения и благосостояния народа от политического его развития и проводил параллель между благосостоянием американского и английского рабочего и их собственным нищенским положением. Я показывал им, какой борьбой доставалась эта свобода англичанам и американцам и почему нельзя ее взять без борьбы.

Многолетняя привычка к пропаганде давала мне возможность быть для них понятным, и тогда они начинали ставить мне вопросы; они прекрасно понимали зависимость между рыночными ценами на произведения и их средствами к существованию в качестве производителей и работников; я должен был им об'яснить, каким образом при условии такой зависимости и при

условии возрастания издержек на общественные нужды благосостояние рабочих в Америке и в Англии могло увеличиться до тех размеров, о которых я им говорил.

Я жил на самом выезде из города и почти ежедневно выходил в поле. Тут я читал свои лекции социальной экономии под перспективным огнем практических возражений со стороны крестьян и опытных фабричных рабочих.

Я удивился, слушая этих людей: какие они говорят глупости, когда они предоставлены своему невежеству, и какие они могут делать остроумные и глубокомысленные возражения и замечания, когда их поставить в условия, где они могут рассуждать с точки зрения личного своего опыта и верного наблюдения.

После этих бесед я слишком часто возвращался домой с убеждением, что русские несомненно умный народ, и я не мог без жгучего чувства вспомнить о том, что этот народ погибает от эгоизма правительства.

Когда я начинал свои прогулки в каком-нибудь районе, я нередко наблюдал, что за мной следили; они опасались с моей стороны бесцеремонности барчука, они смотрели, не мну ли я их хлеб, не ломаю ли изгороди, не сажусь ли я покурить около сена или соломы. Но когда они видели, как тщательно я обхожу их поля, как заботливо я запираю каждую околицу, через которую прохожу, никогда не трогаю гороха, жадно расхищаемого прохожими, они успокаивались и говорили мне любезности: видно, говорили они мне, что идет человек, понимающий труды человеческие, а не какой-нибудь мужик. Все узнавали меня; люди в первый раз видевшие меня, издали махали мне шляпой, подходя

оглядывали меня с ног до головы и говорили: «Так вот ты какой».

Понемногу я начинал видеть в них нечто родное и чувствовать к ним привязанность; я ходил на прогулки, точно иду к близкому другу изливать перед ним то, что у меня накипело на сердце.

Постепенно я расширял район своей пропаганды; за небольшое вознаграждение я садился к крестьянам, которые обозом возвращались в отдаленные деревни, и ехал с ними верст за пятнадцать или двадцать и там гулял также по полям.

В Костроме я рассказывал о своих прогулках и старался убедить в пользе такого образа действий.

Нелепо ожидать, чтобы массы людей, никогда не слыхавшие о конституции или республике, с первого слова одушевились таким энтузиазмом, что готовы были бы жертвовать и жизнью, и имуществом для достижения этих неизвестных им благ и притом с малой надеждой на успех. Такое условие неизбежно сильно уменьшает действие прямой революционной пропаганды.

Глава вторая

ПРОПАГАНДА ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ

И вот почему сорокалетнее, полное энтузиазма и самоотвержения ведение пропаганды в России далеко не дало тех результатов, которые оно должно было бы дать. Если его с первой минуты не ставить в опасное положение, то всякий крестьянин, всякий рабочий с жадностью будет слушать о таких пикантных новостях, как о существовании конституционного и республиканского управления; он почувствует себя более

ученым человеком и будет смеяться над невежеством тех, кто не обладает его премудростью. Таким образом основные сведения быстро делаются достоянием целых селений, и один человек в течение довольно короткого времени может ознакомить с ними целый околоток.

Вскоре убедились в справедливости моих слов; на лето приехали две студентки и поселились на даче. Однажды они взяли с собою книгу и вышли в поле; когда они уселись в тени кустов, крестьянам, работавшим вблизи, пришла мысль, что они могут принадлежать к тому же роду людей, к которому принадлежу и я. Они окружили их и старались сначала удостовериться в справедливости своего предположения, а потом вступили в разговор относительно предметов, их интересовавших.

Студентки убедились, что их собеседники имели более ясное понятие о конституции и республике, чем даже выдающиеся рабочие, воспитанные революционерами во время хождения в народ: тогда все внимание пропагандистов было обращено на социальную сторону, а политическая сильно хромала.

Мне пришлось убедиться, что крестьяне умели сделать даже некоторое практическое применение из своих новых знаний.

Когда распространился слух, что из дворян будут назначаться губернаторами земские начальники, я однажды ехал на большой лодке, на которой целая толпа крестьян возвращалась с базара; зашел разговор о новом слухе. Один из крестьян высказал мнение по этому поводу окрестного крестьянства: они находили, что дворянин, назначенный губернатором, ни в каком случае не может быть полезен крестьянам

своим управлением и что гораздо разумнее было бы предоставить выбор земского начальника самим крестьянам.

Я должен был вполне одобрить их мысль. Я находил, что они уже в течение пятидесяти лет выбирают сельских старост и волостных старшин и что давно пора сделать шаг к расширению их самоуправления и предоставить им выбор земских начальников; при Николае правительство назначало становых, а дворянство выбирало их начальников, т. е. исправников; теперь правительство назначает полицейских урядников, которые непременно будут притеснять крестьян, если их непосредственный земский начальник не будет избираться крестьянами.

Подобная пропаганда, введенная на одной фабрике не мною, а другими, заслужила себе даже честь полицейского доноса, из которого однакоже ничего не вышло, так как никому нельзя воспретить разговаривать о всем известных исторических фактах. Не надо забывать, что в Европе не было времени, когда бы народ не был более или менее знаком с конституционными и даже республиканскими идеями и с политической борьбой; такая борьба всегда там существовала и если там бывали безотрадные времена, то народ никогда не утрачивал способности вновь воодушевляться идеей подобной борьбы, по крайней мере, настолько же, насколько, например, народ польский.

В России же вся масса рабочего народа никогда и не слыхивала о политической свободе и конституционных и республиканских порядках; народ и представить себе не может существование какого-либо другого, кроме бюрократического, управления. Он должен был сначала узнать что-нибудь о существовании других

систем, чтобы в нем можно было вызвать революционной пропагандой одушевление в борьбе.

Распространялись литографированные и печатные листки Салтыкова и Толстого. Но сказки Салтыкова напоминали, что мы еще не вылезли из периода сказки и не могли воскресить упавшего духа, и этот орел русской прессы погибал от злобы и тоски в виду того, что совершалось, и наконец умер злополучной смертью.

А Толстой с его учением о непротивлении злу не мало способствовал усыплению общества и поощрению его малодушия; восхищаясь идеей непротивления злу, оно проглядело все меры правительства, которыми уничтожились последние следы свободы в стране и окончательно убивалось умственное движение.

Насколько было бы лучше, если бы вместо того, чтобы литографировать и печатать подпольные проповеди о непротивлении злу, они печатали бы брошюрки для народа, где бы понятным для него языком сообщались ему сведения о конституционном и республиканском управлении и о его влиянии на развитие народного благосостояния...

Но общество окончательно утратило охоту к пропаганде в народе и предпочитало забавляться подпольной литературой Толстого.

Глава третья

АНТИСЕМИТИЗМ

...Народные волнения, которые начались с борьбы против бюрократии, в особенности против злоупотреблений полиции, перешли в борьбу против злоупотреблений фабрикантов и капиталистов и наконец

приобрели громкую известность в качестве буйных антисемитских движений.

Польша, в те времена, когда в ней реформация пускала корни, приобрела не мало искусных рук и интеллигентных людей через переселения евреев; положение евреев сделалось жалким, когда в Польше распространился католический фанатизм, а с водворением русского господства они стали подвергаться жесточайшим преследованиям.

В России за пределами так называемого забранного (у Польши) края им воспрещалось жить. Но одно время при Александре II им делались в этом отношении некоторые послабления: они стали появляться в России и в особенности на юге.

Тут они вносили с собой несомненно полезный элемент; они весьма успешно конкурировали с неповоротливыми русскими купцами и понижали для покупателей цену произведений в торговле; кроме того, они были очень любознательны и всю свою любознательность сосредоточивали на технических, механических и тому подобных сведениях; поэтому они не мало способствовали усовершенствованию производства в России.

Купцы, находя в них для себя опасных конкурентов, преследовали их всеми мерами, в особенности через администрацию.

Не только евреи, но армяне и сектанты преследовались купцами с таким же усердием, но против евреев им легче было действовать, чем против других; везде, где появлялись евреи, они прежде всего забирали в свои руки торговлю вином, так как в России это одна из самых выгодных отраслей торговли. Кабак был главным источником разорения для народа; тот, кто

наживался от кабака, мог быть уверен, что народ будет питать к нему жгучую ненависть.

В тех местах, где евреев не было, русские кабатчики действовали точно так же, как евреи, и точно так же ненавиделись народом, но к ним народ привык.

Фабрика, фабричный лабаз, кабак, кулак и лесник были старинными врагами народа, против них народ всегда практиковал, да и теперь практикует терроризм. Народ всегда бунтовал, да и теперь бунтует против притеснений фабрикантов, точно так же, как он при крепостном праве бунтовал против помещиков.

Жестокие помещики исчезли вместе с рабством, а жестокие фабриканты существуют и теперь; как прежде, так и теперь мужчин, женщин и детей бьют и хлещут плеткой, а потому фабрика, так же, как при крепостном праве деревня для помещика, составляет гарем для фабриканта и его служащих. Как крепостные при крепостном праве, так теперь фабричные бунтуют, когда гнет делается невыносимым, и тогда является начальство и начинает сечь и мужчин и женщин без разбору, так же немилосердно, как когда-то секло крепостных.

Но в то время, когда террористы взволновали все общество, дело несколько изменилось; у фабричных явились защитники, о которых до этого не было и помину; адвокаты, увлеченные волнением или заискивающие популярности, стали оказывать фабричным юридическую помощь; от этого район волнения несколько расширился, но не настолько, чтобы создать из себя выдающееся явление. Скоро дело пришло в то положение, в каком оно находится и теперь [95]. В настоящее время, подражая германскому императору, правительство с свойственным ему лицемерием уверяло

публику, что в спорах между рабочими и фабрикантами оно является беспристрастным судьей; однакоже когда губернатор отправляется пороть рабочих, тогда не только вмешательство адвокатов, но даже вмешательство прокуроров не допускается из опасения, чтобы законность нас не погубила.

Некоторые сдерживающие меры, конечно, принимаются против жестоких фабрикантов, точно так же, как при Николае обуздывались как они, так и жестокие помещики; но если бы они не принимались, то Россия наполнилась бы разбойниками, бежавшими в леса от фабричного деспотизма; поджогам и убийствам не было бы конца.

Итак, рабочие волнения, аграрные преступления оставались такими же, какими они были и до и после Игнатьева [96], но антисемитское движение получило совсем иной характер.

Наплыв евреев был в России постепенный, а потому никаких заметных перемен не произвел; на юге же он был внезапный, юг был слишком близок и слишком заманчив для них. Отсюда не замедлила произойти там спекулятивная горячка: в окончательном результате народ выиграл бы от этого. Конкуренция понизила бы цены и улучшила бы орудия труда. Но капиталисты, которые чувствовали себя в опасности, с одной стороны, от конкуренции евреев, а с другой—от волнения в народе, были рады натравить одну силу на другую и таким образом достигнуть своей цели и выйти сухими из воды.

Про Игнатьева говорили, что он искусственно из личных целей разжигал еврейские беспорядки, как он разжигал волнения в Турции. Политика религиозных и национальных преследований всегда была дойной

коровой для чиновников вообще и для государственных людей в особенности.

Кто кого научил сделать из еврейских погромов орудие для антисемитской политики—Игнатьев чиновников или чиновники и купцы Игнатьева — я решать не берусь, но антисемитское движение произошло этим путем и процветает до сих пор в качестве жирного пирога для преследователей.

Все другие роды народных движений подавлены были в зародыше с беспримерной жестокостью, а еврейские погромы могли развиться достаточно громко, чтобы послужить основанием для антисемитской политики.

Глава четвертая

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ 1 МАРТА

Правительство стало придавать себе такой вид, будто оно, не обращая никакого внимания на волнения и беспорядки, намерено твердо итти по пути благодетельного прогресса.

Литература так много говорила о неравенстве крестьянских наделов и платежей, что правительство выразило намерение способствовать исправлению зла. Для уравнения платежей сохранившиеся еще обязательные отношения между крестьянами и помещиками были прекращены и принимались другие меры, а для уравнения земли должен был служить крестьянский банк. Я радостно приветствовал появление крестьянского банка и в первостепенных русских журналах отпечатал ряд статей, в которых старался создать юридическое воззрение на дело, которое соответствовало бы духу современного социализма.

Когда эти статьи были отпечатаны, я написал брошюру для крестьян, где я излагал понятным для них языком идею земель публичного права и показывал им, каким образом они должны пользоваться крестьянским банком.

Когда я отдавал в печать свои статьи для образованной публики, они встречали большие затруднения, цензурные препятствия были очень велики; я был крайне рад даже и тому, что они появились в первостепенных и наиболее читавшихся журналах. Один из них, напечатав мою статью, сделал примечание, что он находит мои идеи слишком радикальными и вслед за тем напечатал статью другого писателя, в которой он в сущности отрекался от моих идей...

Когда же я послал для напечатания свою брошюру, тогда оказалось, что правительство строго запретило декретом крестьянских банков делать публикации между крестьянами о существовании таких учреждений; тем менее могла быть опубликована и распространяема между ними такая брошюра, как моя, которая могла дать им мысль, что правительство сделало для них слишком мало. После этого оставалось одно: напечатать ее путем подпольным, но от этого пришлось отказаться, потому что это могло повредить крестьянскому банку вместо того, чтобы принести ему пользу.

Среди шума, произведенного этими мерами, восторженное русское общество и позабыло о конституции.

К чему в самом деле конституция, к чему хождение в народ, энтузиазм, терроризм, к чему все это волнение и беспокойство, когда заботливое правительство так успешно практикует социал-демократию и оказывает народу столько благодеяний?!

Глава пятая

ЗАЩИТНИК ДВОРЯН

Между тем Толстой сделался всесильным министром, и дело покатилось по совсем другой колее.

Рядом с крестьянским банком учрежден был дворянский.

Толстой успел убедить государя, что конституционный пыл в образованном обществе быстро остыл, когда сошли со сцены те 200 террористов, за которых оно держалось.

Ловкий придворный, он сумел убедить императора, что он может осуществить все свои задушевные мечты. Он запел старую песню: все спасение России в императорской власти, ее расширение составляет прямую его обязанность; если он выпустит ее из своих рук, она достанется таким рукам, которые сделаются необузданными притеснителями народа.

Будучи наследником, он заявил себя защитником дворян, притесняемых его отцом; он может явиться им и теперь, и для этого ему вовсе не нужно давать конституции; он укажет ему путь вполне действительного покровительства и помимо этой анархической затеи.

Толстой находил, что нет надобности, чтобы благодеяния императора по отношению к дворянству ограничивались мерами, о которых мы только-что говорили; можно итти далее, можно расширить их власть.

Не в том состояла ошибка Александра II, что он дал дворянам возможность занимать должности по земству с хорошим вознаграждением, а в том, что он дал земству некоторую независимость.

Общинные учреждения, права по выборам нужно было преследовать везде и всячески, и прежде всего сельскую общину. Клевреты Толстого, раз'езжаясь на лето по своим деревням, усердно собирали всевозможные факты, которые могли бы служить доказательством негодности и вреда сельской общины, и доносили ему о них. Таким образом он набрал достаточно материала, чтобы доложить императору о необходимости взять ее в опеку. Она была отдана на жертву урядникам, составившим первое великое изобретение Толстого.

Глава шестая

ВСЕОБЩЕЕ ЦАРСТВО МАЛОДУШИЯ

Урядниками назывались конные полицейские, которые помыкали крестьянами, как унтер-офицеры солдатами. Крестьянство застонало от этих новых пиявок, а бюрократы возликовали. Губернаторы наперебой стали домогаться увеличения штата полиции и увеличения их содержания; города не знали, откуда брать денег для насыщения их ненасытной утробы. И все это под предлогом революционной пропаганды, которая уже давно вышла из моды и о которой никто не думал среди всеобщего царства малодушия.

Что делала эта полиция, трудно было сказать: воровства она не прекращала, революционной пропаганды не было; все ее занятие заключалось в том, чтобы преследовать друг друга. Тайная жандармская полиция со своими шпионами преследовала явную с ее сыщиками; обе были друг с другом на ножах и только тогда мирились, когда вместе пьянствовали в кабаках и трактирах, за которыми надзирали на счет их хозяев. А для

того, чтобы этим хозяевам было чем их угощать, кабаки монополизировались: не всякий мог учредить кабак, а только тот, кто получал на это привилегию,— цены на вино сильно поднялись. Город оплачивал полиции жалование, а жители города—взятки, получаемые от хозяев заведений, с излишком, разумеется.

Чтобы покорить себе земство, его председателей и руководителей, стали подкупать служебной карьерой, чинами и орденами. Губернских предводителей дворянства делали губернаторами, председателям управ давали высокие чины и звезды. Года в три они все переменили фронт, за немногими исключениями все из либералов переменили себя в консерваторов и щеголяли выставкой своих орденов.

После этого Толстой счел возможным нанести земству первый решительный удар. Центр влияния земства составляли крестьянские учреждения и мировой суд. Непосредственными начальниками над выборным сельским и волостным начальством были крестьянские присутствия, делопроизводство которых было в руках избираемых от земства непременных членов. Если кто-либо не исполнял требования полиции, то полиция не могла распорядиться сама, а должна была жаловаться на него в мировой суд, судьи которого избирались земством.

Толстой спел свою лебединую песнь, заменив все это институтом земских начальников. Число членов крестьянских присутствий было увеличено, создано было гораздо более мест мировых судей и земских начальников, чем было прежде, но все эти места были по назначению от правительства. Зато же все они замещались исключительно дворянами или чиновниками из дворян; другие классы лишились всякого влияния.

Дворяне с жадностью кинулись на новые места и позабыли не только о конституции, но и о всяком самоуправлении.

Глава седьмая

ГОНЕНИЕ НА ПРОСВЕЩЕНИЕ

Еще при Александре II редакторы газет и журналов превращены были в правительственных чиновников; от усмотрения правительства зависело сделать редактора богатым или разорить его долгами. Через этот оригинальный род чиновников вся русская пресса попала под опеку правительства; оно могло приказать прославить писателя и могло осудить его на полную неизвестность. Толстой ввел в этой области существенное усовершенствование. Прежде всего он сократил число предметов, которых могла касаться литература, разделил и журналы и писателей на привилегированных и обездоленных; одним было дозволено многое, другим было строго запрещено.

Он дозволил, например, Каткову доказывать, будто бы его враг министр Бунге утаил четыре миллиона... однакоже, если бы в ответ на статьи Каткова кто-нибудь вздумал доказывать, что Толстой утаил больше его, то и газета была бы уничтожена и писатели сосланы в Сибирь.

Затем Толстой доказывал, что публика вовсе не интересуется серьезными статьями, она охотно читает одни романы. Ее серьезность напускная, и от этой моды она откажется очень легко. Поэтому он направил дело прямо к прекращению серьезной литературы и к ее замене романами и повестями; беллетристика должна была преобладать в особенности в изданиях, читав-

шихся людьми радикального направления или интеллигентным пролетариатом.

Из романов и повестей подвергались остракизму переводные романы, в которых описывалась политическая или классовая борьба и рабочие движения. Во время энтузиазма публика пристрастилась к этим романам. Еще тяжелее рука администрации налегла на повести из рабочей и крестьянской жизни...

Зависимость социальной будущности страны от ее политического режима обрисовалась с полной яркостью.

Литература бесцветная и пустая опошляла все и и всех. Начиная от воцарения Александра II таланты появлялись на некоторое время на горизонте, приобретали известность и потом сходили со сцены часто прежде, чем талант их успевал окончательно развиться. Некоторые из них должны были бежать, например, Зайцев [97], Соколов [98], Ткачев [99], и погибали бесплодно за границей; другие сосланы были в Сибирь, например, Щапов [100], Станюкович [101]; третьи просто устранялись и умирали от горя, например, Шашков, Демерт [102].

Гонение на просвещение было по крайней мере настолько же интенсивно, как и гонение на прессу; в Петербургском университете дошло до того, что ни один из уважаемых профессоров не соглашался принимать на себя должность ректора. Пришлось назначить на места ректора и инспектора людей, пользовавшихся самой жалкой репутацией.

Даже при императоре Николае правительство не доходило до такого унижения; Казанский университет, в котором я учился, был в таком жалком положении, однакоже бессменным ректором этого университета был известный всему ученому миру творец воображаемой геометрии Лобачевский.

Между назначенным правительством ректором Петербургского университета Владиславлевым и профессорами шла нескончаемая война, возмутившая даже спокойствие наиболее влиятельного, умеренно либерального журнала «Вестник Европы»; чтобы охарактеризовать Владиславлева, как ученого, он поместил на своих страницах выписку из его психологии, которая вызвала гомерический смех на всю Россию...

Глава восьмая

ЗА ФЛАГОМ И ПОД ТОПОР

В это мрачное время и в моей судьбе произошла перемена.

После того как я отправлен был в ссылку к полярному кругу и мне отрезана была возможность писать книги, я вынужден был существовать другим литературным трудом; я делал статистические работы, писал статьи, в которых излагал свои экономические, социальные и политические идеи.

При помещении этих статей я встречал постоянно такие же затруднения, как при печатании моих книг.

Несколько раз первостепенные журналы пытались сделать из меня своего постоянного сотрудника, но это не удавалось. Я не мог иначе писать, как известным образом, а это могло подходить под правительственную мерку только в течение тех немногих светлых минут, когда России дозволялось слышать более свободное слово.

Лишь только ветер менялся, я оставался за флагом и, написав статью, я должен был искать случая ее поместить. Тогда мне помогала та самая правительственная политика, которая меня губила.

Правительство заставляло молчать один талант за другим, оно сменяло редакторов и так же часто прекращало и запрещало периодические издания; когда журнал запрещался, на его месте появлялся другой. Новому органу нужно было заставить о себе кричать, чтобы приобрести подписчиков, и тогда он охотно принимал смелые статьи...

...Нередко журнал закрывался прежде, чем статья моя была отпечатана, иногда печатание начиналось и прерывалось на половине.

Я до сих пор не могу забыть прерванную статью под заглавием: «Современная Франция и задачи современной цивилизации», в которой я проводил свой взгляд на образование цен и на социальные организации. Существовал журнал «Знание», славившийся своей солидной ученостью; когда правительство делало ему первое предостережение, оно нашло необходимым для успокоения общества выставить перед ним на показ целый список преступлений, будто бы совершенных этим журналом, и доказать этим, с одной стороны, свое долгое терпение, а с другой—свое уважение к науке и к общественному мнению. «Знанию» все-таки пришлось прекратить свое существование.

В самый разгар терроризма, когда правительство оробело и распустило подтянутые вожжи, один из редакторов «Знания», Коропчевский, стал с большим успехом издавать журнал «Слово» [103], но он был закрыт немедленно по вступлении на престол Александра III; тут же попалась под топор и моя статья.

Вообще делая предостережения разным журналам, правительство обыкновенно не забывало упоминать и о моих статьях, даже о тех, которые напечатаны были месяц или два ранее и прошли благополучно. Перемена

псевдонима, которую я иногда употреблял, не помогала, статьи мои узнавались по тону и по идеям.

Я был благодарен таким журналам, как «Отечественные Записки» и «Дело», за то, что они при первой возможности продолжали печатать мои статьи. Иногда меня и хвалили; я помню две статьи, которые заслуживали от редакции похвалу: одну поместили «Отечественные Записки», другую «Дело», — оба изображали недостатки земства.

Правительство никогда ничего не имело против того, чтобы ругали земство, и я должен сказать, что от такой политики земство улучшалось, а огражденная от критика администрация деморализовалась.

По мере того, как господство Толстого упрочивалось, мое положение ухудшалось. Из журналов, имевших большое число подписчиков, ни один уж не принимал живой радикальной окраски; печатать радикальные статьи и иметь успех было вполне невозможно.

Все-таки оказывались люди, решавшиеся на периодические издания, которые своим появлением совершали, так сказать, над собой самоубийство. Просуществовав несколько месяцев, они должны были прекращаться. Я, разумеется, спешил помещать в них какую-нибудь статью. Так я поместил статью в почтенном и самоотверженном журнале «Устои». До этого времени, хотя статьи мои встречали при своем помещении большие препятствия, но раз статья появлялась в печати, я немедленно получал следуемые мне деньги.

Только при первом моем появлении на литературном поприще в 1867 г., первая статья моя не вполне была оплачена; с того времени я жил литературным трудом в течение пятнадцати лет и не знал, что такое недоплата. Теперь было уже иначе, я писал не для журналов,

богато снабженных денежными средствами, а для таких, которые появлялись, вызванные самоотвержением своих издателей, и работали на их разорение; они погибали, и я предпочитал погибать с ними вместо желания быть вознагражденным и ускорить тем их гибель.

Мне пришлось помогать себе работами другого рода; мне прислан был обильный материал для описания лесного дела в Костромской губернии, и я по заказу исполнил эту работу; другую подобную работу составлял материал для оценки земель Тверским крестьянским банком и иные заказы в том же роде.

Глава девятая

Я НАЧАЛ И КОНЧИЛ НАЧИНАЮЩИМ

В это время Толстой доискивался источников, откуда партия движения получает свои деньги, и старался разорять тех, кто слишком усердно ей сочувствовал.

У меня неожиданно сделан был обыск; причины для обыска не было ровно никакой, даже и предлога не было.

Из поведения товарища прокурора, презрительно пожимавшего плечами, когда глупый жандармский офицер болтал свою чепуху, я увидал только, что министерство юстиции окончательно лишилось возможности полагать некоторый предел осуществлению принципа «законность нас губит». Но жандарм прямо выдавал свою тайну, он прежде всего и более всего обращал внимание на мое хозяйство, на те признания, по которым можно было определить приблизительно, сколько я проживаю.

Они нашли, что деньги у меня были в разных пакетах; причина такого размещения заключалась в том шатком положении, в котором я находился. Я не мог беззаботно издерживать то, что получаю; могло пройти долгое, а при несчастных случаях и очень долгое время, прежде чем будет какое-нибудь поступление, а потому я принял за правило вскрывать каждый пакет только по истечении известного срока.

Но жандарм истолковал дело по-своему; по его мнению, один пакет был предназначен для житья, а другие для противозаконных целей, например, для пропаганды. Товарищ прокурора отказался поместить это в протокол, и жандарму пришлось ограничиться доносом.

С той минуты наступил конец моей литературной деятельности, и я должен был поступить на службу в земство.

В течение всех 16 лет моей литературной деятельности я был в самом странном положении: из-за каждой своей книги, из-за каждой статьи я должен был биться, как начинающий писатель. Я начал и кончил начинающим.

То, что я писал, производило нередко большой шум, но идея всегда, без исключения, оставалась незамеченной. Из-за этого я пил горькую чашу, с отчаяньем в душе и без всякой надежды я погружался во мрак забвения.

ОТ РЕДАКЦИИ

В предисловии указано, что мы воспроизводим воспоминания В. Берви по тексту „Голоса Минувшего". Никаких вставок в текст не внесено. Редакции только пришлось делать ряд перестановок глав, ибо воспоминания В. Берви так отрывочно написаны, что с трудом удавалось составить текст, который был бы удобочитаем. Разделение текста на части, а также названия глав даны редакторами. Незначительные сокращения были произведены во всем тексте „Воспоминаний".

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

[1] В 1848 г. в целом ряде западно-европейских стран разразилась революция: прежде всего, в феврале во Франции, где результатами ее воспользовалась буржуазия, а затем и в других местах — в Италии, Австро-Венгрии, в германских государствах.

[2] Николай I (1796 — 1855) — сын Павла I, император с конца 1825 г. Вступил на престол, подавив попытку восстания декабристов. Установил на 30 лет режим полицейской диктатуры, не доверяя после декабристов даже дворянству. Фанатический враг всякого либерализма, стремился поддерживать и во всей Европе „законный" порядок, активно выступая для подавления революционных стремлений. Его царствование закончилось крахом Севастопольской кампании.

[3] Буташевич-Петрашевский Мих. Вас. (1821—1865).— Известный революционер эпохи Николая I, последователь идей Фурье. Сплачивал вокруг себя и революционизировал петербургскую интеллигентную молодежь. В 1843 г. кружок „петрашевцев" подвергся разгрому. Сам Петрашевский был приговорен к пожизненной каторге. В 1856 г. переведен на поселение.

[4] Фурье Шарль (1772 — 1837). — Известный французский социалист-утопист. В своих сочинениях дал чрезвычайно сильную критику буржуазного социального строя. С увлечением рисовал в подробностях, иногда фантастических, будущую блаженную жизнь человечества в социалистических общежитиях („фаланстерах").

[5] Щедрин — литературный псевдоним Мих. Евграф. Салтыкова (1826—1889), великого писателя-сатирика, талантливого и злого обличителя „устоев" русской жизни.

[6] Александр II (1818 —1881).—Русский император, царствовавший с 1855 г., в период, когда революция была „у ворот России", но не всем была ясна неизбежность революции. Надеялись, что царь, „освободивший" крестьян рядом реформ, ликвидирует весь крепостной строй России. Александр все время колебался между конституцией и „диким полицейским произволом". Он заигрывал с массами, либералами, а политических врагов наказывал жестоко. Уже в 70-х годах

выявилось, что не только крестьяне были недовольны реформой, студенты бунтовали, а даже прогрессивная часть дворянства была также не удовлетворена. На Александра покушался Каракозов в 1866 году, Соловьев — в 1879 г. и только в 1881 г. 1 марта он был убит по постановлению Исполнительного Комитета Народной Воли. Смерть Александра не вызвала никакого революционного движения в массах. Полное равнодушие царило в обществе.

[7] Точное название книги: „Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым“ Вышло два выпуска — в 1845 и 1846 гг. Петрашевский участвовал, собственно, во втором выпуске. Этот выпуск был потом сожжен цензурой.

[8] Филиппов Павел Ник. (1825 — 1855). — Студент петербургского университета, по делу Петрашевского был приговорен к 4 годам военно-арестантских рот, после отбытия этого наказания был отправлен рядовым на Кавказ, где умер от раны.

[9] Мейер Дм. Ив. (1819—1856)—Известный юрист, „отец“ науки русского гражданского права, профессор в Казани с 1845 по 1855 г. Он был лучшим из профессоров и пользовался уважением слушателей. В свое глухое время он, хотя и осторожно, внушал слушателям либеральные идеи.

[10] „Из сочинений доктора Крупова“ — повесть А. И. Герцена, напечатанная в „Современнике“ в 1847 г., № 9. Автор в оригинальной и блестящей форме смеется над всевозможными социальными предрассудками, иронически доказывая, что все люди — более или менее сумасшедшие.

[11] Имеется в виду рассказ Е. М. Салтыкова „Запутанное дело“, напечатанный в журнале „Отечественные Записки“ в 1848 г. (Т. 57). Рассказ этот послужил главной причиной ссылки Салтыкова в Вятку. В рассказе можно уловить некоторую социалистическую тенденцию. Об императоре Николае в тексте не упоминается: рассказ о пирамиде заканчивается многоточием.

[12] Военный суд приговорил к расстрелу по делу Петрашевского не 21 человека, а 15. Всем им смертная казнь была заменена другими наказаниями, но предварительно они были подведены к эшафоту, выслушали приговор и пережили весь ужас ожидания смерти.

3072 · 14

[13] Когда затевалась Крымская кампания, то Мейер публично заявил, что его удивляет следующее обстоятельство. Требуют у народа денег на войну, но ничем не мотивируют причину предполагаемой войны. По тогдашнему времени это была дерзость неслыханная, непростительная. („Из моих воспоминаний"—Е. И. Берви, „Голос Минувшего", 1915, № 5, стр. 131).

[14] Солнцев Гавр. Ильич (1786—1866).—Профессор юридического факультета в Казанском университете. С 1815 по 1821 г. за „вольнодумство" был удален при Магницком навсегда от профессорского звания. В 1824 г. был назначен Казанским губернским прокурором и оставался в этой должности около 20 лет.

[15] Станиславский Ант. Григ. (1817—1883). —Еще студентом Киевского университета был заподозрен в принадлежности к тайному обществу и переведен в Казанский университет под особый надзор. С 1843 по 1853 г. был преподавателем на юридическом факультете Казанского университета.

[16] Киселев Павел Дм., граф (1788—1872).—Министр государственного имущества с 1838 г. (когда основано это министерство) до 1856 г., а после этого—посол в Париже. При нем был произведен ряд реформ в положении государственных крестьян.

[17] Панин Виктор Никит., граф (1801—1874).—Министр юстиции при Николае I и Александре II. Один из главных столпов реакции своего времени. В 1860 г. по смерти Я. И. Ростовцева он был назначен председателем Редакционных Комиссий, состоявших при Главном Комитете по крестьянскому делу. Герцен в „Колоколе" сообщение об этом назначении поместил в траурной рамке—в знак того, что крестьянская реформа похоронена.

[18] Некоторые русские аристократические роды считали своим предком Рюрика, легендарного первого русского князя из варягов Романовы вели свое происхождение от выходцев из Пруссии.

[19] Венгерский поход был в 1849 г. Русские войска под предводительством Паскевича усмиряли Венгрию, восставшую против Австрии.

[20] Толстой, Лев Никол. (1828—1910).—Всемирно известный писатель-художник и мыслитель-моралист. О нем много писалось в 1928 г. в связи со столетием со дня его рождения.

[21] Приведенные четыре стиха взяты из шутливой „Севастопольской песни“, сочиненной в 1855 г. коллективно Л. Н. Толстым вместе с другими офицерами, участниками войны.

[22] Гензерих — предводитель германского племени вандалов, занявшего в V веке нашей эры Испанию, а потом захватившего римские владения в Северной Африке. Гензерих взял и разграбил в 450 г. самый город Рим. С этих пор слово „вандализм“ стало употребляться для выражения крайнего варварства.

[23] В рассказе Берви об усмирении крестьян Калантарова есть значительные неточности. Ср. „Рассказы из былого времени“ Винницкого в „Чтениях Общества Истории и Древностей Российских“ 1874 г., т. I.

[24] Павел I (1754 — 1801). — Сын Петра III и Екатерины II, был императором России 4 года (с конца 1796 до марта 1801). Исполненный самых горделивых представлений о размерах своей самодержавной власти, Павел в то же время был полусумасшедшим человеком, действовавшим совершенно неожиданно под влиянием минуты. Когда его распоряжения стали задевать дворянские интересы, представители высшего дворянства решили покончить с императором: в ночь на 12 марта заговорщики, гвардейские офицеры и сановники, удушили Павла. Его сын и наследник, будущий Александр I, был вполне осведомлен о заговоре.

[25] „Санкт-Петербургские Ведомости“ — газета, возникшая еще в XVIII веке. К XIX в. она издавалась сначала при Академии наук, а с 1875 г. — при министерстве народного просвещения и сдавалась в аренду. В разное время своего существования газета меняла политическую окраску, но никогда не шла дальше самого умеренного либерализма.

[26] „Современник“, ежемесячный журнал, основанный еще А. С. Пушкиным в 1836 г., а с 1847 г. редактировавшийся поэтом Н. А. Некрасовым. Блестящего расцвета и громадного влияния „Современник“ достиг в 60-х гг., когда руководящую роль в нем играл Н. Г. Чернышевский. В 1866 г. журнал был навсегда закрыт правительством за революционное направление.

[27] „Русский Вестник“ — ежемесячный журнал, основанный в 1856 г. известным публицистом М. Н. Катковым. Первые годы

Катков вел свой журнал в либеральном духе и был сторонником конституции на английский манер; со времени польского восстания в 1863 г. Катков перешел в лагерь крайней реакции. Журнал существовал до 1906 г.

[28] „Отечественные Записки“ — ежемесячный журнал, выходивший с 1868 г. под редакцией Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова и Г. З. Елисеева. По смерти Некрасова в 1877 г. его заменил Н. К. Михайловский. В 1884 г. журнал, бывший выразителем передовой народнической мысли, был закрыт правительством. Закрытие журнала было остро воспринято передовой интеллигенцией и особенно тогдашней молодежью — студенчеством и семинаристами. Было выпущено воззвание протеста. Щедрину был послан адрес от студентов, подписи собирались по всей России.

[29] Старчевский Альб. Викентьевич (1818—1901).—В 60-е гг. издавал распространенную дешевую газету „Сын Отечества“ уличного типа.

[30] Милютин Николай Алексеевич (1818 — 1872). — Известный деятель эпохи реформ. С 1859 по 1861 г.—товарищ министра внутренних дел. Руководитель всех работ по крестьянскому вопросу. С 1863 г. в качестве статс-секретаря руководил проведением крестьянской реформы в Польше. Умеренный либерал по взглядам, Милютин в то же время был сторонником чисто бюрократического способа действий.

[31] Ростовцев Як. Ив. (1803 — 1860). — Генерал-адъютант, член Государственного Совета. Карьера его началась с того, что он, будучи молодым офицером, явился к Николаю I и выдал ему революционные планы тайного общества, к которому принадлежал. При Николае I стоял во главе управления военно-учебными заведениями. В феврале 1859 г. был назначен председателем Редакционных Комиссий, состоявших при Главном Комитете по крестьянским делам. В качестве председателя вел себя относительно либерально.

[32] Декабристы. — Участники тайного революционного общества, состоявшего преимущественно из офицеров-дворян, в конце царствования Александра I. Целью своей они ставили добиться для России буржуазной конституции. При вступлении на престол Николая I организовали неудачные опыты военного восстания в Петербурге (14 декабря 1825 г.) и в Киевской губ. (в конце декабря 1825 г. и начале января 1826 г.)

[33] Чернышевский Ник. Гавр. (1828—1889). — Знаменитый публицист-революционер и ученый, виднейший вождь революционного поколения 60-х годов, руководитель журнала „Современник". В 1862 г. арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Опасаясь влияния Чернышевского на молодежь, правительство, основываясь на подложных документах, отправило его в Сибирь в каторжные работы на 7 лет. Обряд „публичной казни" был совершен 15 мая 1864 г. По отбытии срока каторги Чернышевского вместо того, чтобы вернуть в Европейскую Россию, отправили в отдаленный и гиблый Вилюйск, где поместили его в остроге, под присмотром жандармов. Только в 1883 г. ему, состарившемуся и больному, разрешено было переехать сначала в Астрахань, а потом в Саратов, где он и умер.

[34] „Что делать?" — роман Н. Г. Чернышевского, написанный им в крепости и напечатанный в „Современнике" за 1863 г. В романе Чернышевский изображает „новых людей", пропагандирует ассоциации и дает ряд картин будущего социалистического общества в духе Фурье. Роман имел колоссальное влияние на молодежь 60-х гг. Очень многие из этой молодежи пришли к социалистическим взглядам, именно прочитав „Что делать". Еще долго и после 60-х гг. роман был очень популярен среди революционной молодежи.

[35] Нигилисты. — Слово „нигилисты" было введено в обиход нашего языка, как известно, покойным писателем И. С. Тургеневым, который окрестил этим именем особое умственное и нравственное течение, наметившееся среди русской интеллигенции в конце 50-х и начале 60-х годов. Слово „нигилизм" получило право гражданства сперва как бранная кличка, а потом как гордо принятый ярлык той философской школы, которая одно время занимала самое видное место в русской интеллектуальной жизни... Настоящий нигилизм, каким его знали в России, был борьбой за освобождение мысли от уз всякого рода традиций, шедшей рука об руку за освобождение трудящихся классов от экономического рабства. В основе этого движения лежал безусловный индивидуализм. Это было отрицание, во имя личной свободы, всяких стеснений, налагаемых на человека обществом, семьей, религией. Нигилизм был страстной и здоровой реакцией против деспотизма не политического, а нравственного, угнетающего личность в ее частной интимной жизни. Первая битва была дана на почве религии... Но ниги-

лизм объявил войну не только религии, но и всему, что не было основано на чистом и положительном разуме, и это стремление, как нельзя более основательное само по себе, доводилось до абсурда нигилистами 60-х годов. Так, они совершенно отрицали искусство, как одно из проявлений идеализма. Здесь отрицатели дошли до геркулесовых столбов, провозгласив устами одного из своих пророков знаменитое положение, что сапожник выше Рафаэля, так как он делает полезные вещи, тогда как картины Рафаэля решительно ни к чему не годны. В глазах правоверного нигилиста сама природа являлась лишь поставщицей материала для химии и технологии... В одном важном пункте нигилизм оказал большую услугу России, это — в решении женского вопроса: он, разумеется, признал полную равноправность женщин с мужчиной (Степняк-Кравчинский) В дальнейшем нигилизм, как общественное течение, переходит в революционное, начинается эпоха „хождения в народ". Нигилисты — главным образом, разночинцы — представители городской и сельской мелкой буржуазии, примитивные материалисты.

[36] Герцен Ал-др Ив. (1812 — 1870 г.) — Знаменитый писатель-публицист, эмигрант с 1847 г. до смерти, основатель свободной зарубежной русской печати. В самом начале 60-х гг. Герцен и его „Колокол" были чрезвычайно популярны среди революционно настроенной молодежи, но затем молодежь сильно охладела к нему в виду его умеренности.

[37] Огарев Николай Платон. (1813—1877). — Известный публицист и поэт. Эмигрант, друг и сотрудник Герцена, участник „Колокола".

[38] Ковалевский Евгр. Петр. (1792—1867). — Министр народного просвещения с 1858 по 1861 г.

[39] Спасович Владимир Данил. (1829—1906).—Известный адвокат и писатель, либеральный общественный деятель, участник „Вестника Европы". С 1857 г. читал лекции в Спб университете. В 1861 г. после закрытия правительством университета в связи со студенческими волнениями вышел в отставку, вместе с Кавелиным, Стасюлевичем и Ушиным.

[40] Строганов Сергей Григ., граф (1794 — 1882). Генерал-адъютант, член Государственного Совета. С 1835 по 1877 г. — попечитель Московского Учебного округа. С 1860 г. вновь начинается

его деятельность по народному просвещению по званию члена Государственного Совета и председателя разных комиссий. В 1870 г. Строганов энергично поддерживал министра Д. А. Толстого при введении классической системы образования.

[41] Михаэлис Евг. Петр. (1841—1913).— Видный представитель студенческого движения 1861 г. 26 сентября заключен в Петропавловскую крепость, 4 февраля уволен из университета и выслан в Петрозаводск.

[42] Манифестация эта была 25 сентября 1861 г. Студенты, найдя университет закрытым, отправились всей толпой на квартиру попечителя округа Филиппсона, который жил на Колокольной улице. Они потребовали, чтобы он вместе с ними шел в университет; Филиппсону пришлось согласиться. В университете студенты выбрали трех депутатов для сношений с начальством. На следующий день было арестовано 42 „зачинщика", в том числе и депутаты, неприкосновенность которых была гарантирована Филиппсоном.

[43] Стасов Дм. Вас. (1828—1918).—В 1861 г. служил обер-секретарем в сенате. Был уволен со службы. Впоследствии приобрел себе громкое имя в качестве адвоката. Выступал неоднократно, как защитник в политических делах.

[44] Арсеньев Конст. Конст. (1837—1919).—Либеральный публицист, критик и общественный деятель. Видный участник журнала „Вестник Европы".

[45] Первая попытка устроить тайную типографию была сделана в Москве в 1860 — 61 г. Сулиным и Сорока, но они все попали на каторгу. Берви, очевидно имел в виду не их, а кружок студентов Зайчневского и Аргиропуло, который отпечатал довольно много произведений литографским путем под видом университетских лекций, а в 1862 году выпустил революционную прокламацию „Молодая Россия".

[46] Михайлов Мих. Иллар. (1829—1865).—Известный поэт, главным образом переводчик, участник революционного движения 60-х годов, близкий к Чернышевскому. В 1861 г. составил вместе с Н. В. Шелгуновым прокламацию „К молодому поколению", отпечатал ее в Лондоне и привез в Россию. В том же году арестован и заключен

в Петропавловскую крепость. Приговорен к ссылке в каторжные работы на 6 лет. 14 декабря 1861 года состоялось публичное объявление приговора. Ссылка Михайлова, первая крупная политическая кара при Александре II, вызвала большое волнение среди молодежи.

[47] Костомаров Ник. Ив. (1817—1885). — Известный историк. В молодости был арестован и выслан в Саратов, как один из учредителей Кирилло-Мефодиевского общества на Украине. В 60-е годы профессор русской истории в Петербургском университете.

[48] Бакунин Михаил Александрович (1814—1876). — Революционер, анархист мирового значения. Дворянин, человек из кружка людей 40-х годов. Бакунин принял весьма активное участие в революции 1848 г. в Западной Европе. Схваченный в 1849 году в Австрии, он был выдан прусским властям. Его держали в тюрьмах в ужасных условиях и в 1851 г. передали русскому правительству. До 1857 г. Бакунин содержался сначала в Петропавловке, а потом в Шлиссельбурге. В 1857 г. отправлен в Сибирь; в 1861 г. убежал через Японию в Западную Европу. С 1864 г. Бакунин становится ярым анархистом, вождем революционных анархистов во всем мире. В Интернационале он ведет жестокую борьбу против Маркса и откалывает часть Интернационала. Принимает участие в различных революционных попытках в Западной Европе. Идейное влияние таких же русских революционеров было очень сильно в 70-е годы. В Западной Европе его идеи привились преимущественно в романских странах — Италии, Испании, Франции.

[49] Уставные грамоты. Письменные акты, которыми определяют для каждого имения новые отношения между помещиками и крестьянами после 19 февраля 1861 г. и размеры повинностей крестьян. Уставные грамоты составлялись помещиками и специальными должностными лицами из дворян—мировыми посредниками.

[50] Берви был отправлен в больницу Всех Скорбящих на испытание умственных способностей 17 апреля 1862 г. Он провел там шесть месяцев и был признан здоровым.

[51] Имеется в виду роман Л. Н. Толстого „Война и мир“, где выводится знаменитый екатерининский вельможа граф Безухов с седой гривой волос, напоминающих льва.

[52] Наполеон III (1808 — 1873). — Племянник Наполеона I. До 1848 г. находился в изгнании из Франции, объявил свои права на им-

ператорскую власть и совершал авантюристические попытки захвата власти. После одной из них сидел 6 лет в заключении. В 1848 году избран президентом республики. 2 декабря 1851 г. произвел государственный переворот, распустив национальное собрание и отменив конституцию. После бойни на улицах Парижа этот переворот был утвержден народным плебисцитом, давшим $7^1/_2$ миллионов голосов за Наполеона. В декабре 1852 г. Наполеон провозглашен императором, при этом он опять опирался на плебисцит. Установил суровый полицейский режим. В 1870 г. Франция была разбита на голову в войне с Пруссией, сам Н. попал в плен после битвы при Седане и Национальным собранием в Бордо был объявлен низложенным. Последние годы жизни провел в Англии.

[53] Суворов Александр Арк., князь (1804—1882).—Генерал-адъютант, член Государственного Совета. С 1861 по 1866 г. был С.-Петербургским военным губернатором. Вышел в отставку после каракозовского выстрела. В молодости держал себя либерально.

[54] Данненберг Федор Ростисл. — По делу о распространении „Великорусса“ приговорен был к исключению из университета и высылке в одну из отдаленных губерний. В 1867 г. снова арестован в Астрахани по обвинению в возбуждении крестьян против правительства и выслан в Тобольскую губ.

[55] „Великорусс“. В 1861 г. образовалось тайное радикально-демократическое общество „Великорусс“. Им было выпущено три подпольных листка с таким же названием.

[56] „Московские Ведомости“ — реакционная газета, издававшаяся М. Н. Катковым (см. прим. 27).

[57] Вряд ли в Астрахани был „революционный комитет“,—но была небольшая группа политических ссыльных, развивавшая некоторую пропагандистскую деятельность. Кроме самого Берви и упомянутого выше Данненберга, в эту группу входил еще Балтазар Фомич Калиновский, бывший адъюнкт-профессор Петербургского университета.

[58] В 1863 г. польскими революционерами была задумана попытка поднять крестьянское восстание в Казанской губернии для отвлечения правительственных войск от Польши. Поляки вступили по этому поводу в сношения с революционной учащейся молодежью в Казани. Попытка эта, не приведенная в исполнение, известна под именем „Ка-

занского заговора". По этому делу было много лиц арестовано и сослано, а пятеро казнены. (В Издательстве „Молодая Гвардия" вышли отдельным изданием воспоминания И. Красноперова—„Записки разночинца".

[59] Цитович, Петр Павл.—Профессор юридического факультета и видный чиновник министерства финансов. Представитель крайней реакции. В своих публицистических статьях и брошюрах смешивал с грязью революционно настроенную молодежь. Эти статьи Цитовича относятся к концу 70-х гг., а не к 60-м гг., когда Берви был в сибирской ссылке. Вероятно Берви смешал Цитовича с каким-нибудь другим реакционером.

[60] Шашков Сераф. Сераф. (1841—1882).—Писатель-публицист и общественный деятель. Принимал деятельное участие в сибирском кружке, основанном Потаниным и Ядринцевым. В 1864—65 гг. читал публичные лекции по истории Сибири. В 1865 г. арестован в Иркутске по делу „Общества независимости Сибири". В 1868 г. приговорен сенатом к лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленные места Архангельской губ. Из Архангельской губ. переведен в Воронежскую. Под надзором полиции оставался до 1876 г. Много писал в журнале „Дело" (см. прим. 67).

[61] Ядринцев Ник. Мих. (1812—1894). — Известный писатель-публицист и сибирский общественный деятель. В 1860 г. вместе с Потаниным основал в Петербурге первый сибирский кружок. В 1865 г. арестован как главный руководитель „Общества независимости Сибири". В 1868 г. приговорен сенатом к ссылке в отдаленные места Архангельской губ. Восстановлен в правах в 1873 г. Участник этнографических экспедиций, деятельный работник столичной и провинциальной прессы, редактор „Восточного Обозрения" — главного сибирского органа.

[62] Потанин Григ. Никол. (1835 — 1920).—Известный этнограф, путешественник, сибирский общественный деятель. Основатель сибирского областничества. В 1865 г. арестован по делу „Общества независимости Сибири" и в 1868 г. приговорен к 15 годам каторжных работ. Приговор был смягчен до 5 лет. Отбывал наказание до 1871 г. в Свеаборгской исправительной роте. В 1874 г. восстановлен в правах. Принимал большое участие в трудах географического общества и в общественной жизни Сибири, подвергался аресту в 1905 г. В де-

кабре 1917 г. избран чрезвычайным учредительным областным съездом председателем Временного Сибирского правительства. В начале 1918 г. отказался от этой должности.

[63] Дело сибирских автономистов относится к 1865 г., когда были арестованы Потанин, Ядринцев, Шашков и другие сибиряки, которые вели только мирную культурную работу на областнической почве. Приговор сената об „Обществе независимости Сибири" был вынесен только в 1868 г.

[64] Сераковский Сигизмунд (1836—1863).—Польский революционер. Еще студентом Спб. университета был в 1848 г. членом польского политического кружка, за что был отдан рядовым в Оренбургский полк. Произведенный потом в офицеры, окончил военную академию. В 1863 г. в Литве провозгласил себя воеводой ковенским и литовским. Стал во главе отряда повстанцев, был разбит, взят в плен и казнен.

[65] „Положение рабочего класса в России" В. В. Берви появилось в 1863 г. Автор подписался псевдонимом „Флеровский". О значении этой книги см. предисловие.

[66] Лавров, П. Л. (1823—1900).—Крупный теоретик революционного народничества. Был членом „Земли и Воли". В 1866 г. в ссылке написал „Исторические письма", имевшие большое влияние на молодежь. В этой книге он доказывал, что „прогресс в истории возникает благодаря критически мыслящим личностям", они двигатели исторических событий. Участник Парижской коммуны 1871 г. Редактировал за границей журнал „Вперед" (1873 г.), в котором пропагандировал необходимость „итти в народ", дабы упорной работой перевоспитать народ в духе социализма. Его агитация была резко противоположна бакунистам-бунтарям, считавшим, что народ готов к немедленному восстанию.

Участвовал одно время в редактировании заграничного издания „Народной Воли".

[67] „Дело". Еженедельный журнал, издававшийся с 1866 по 1880 г. Радикальный орган, продолжавший до известной степени закрытый правительством в 1866 г. „Русское Слово".

[68] То, что говорит здесь Берви, относится не ко всем редакторам периодических изданий. Так, например, конечно, не был таким правительственным агентом Н. А. Некрасов — редактор „Современника" — журнала, бывшего все время на дурном счету у правительства за революционное направление.

[69] „Азбука социальных наук“ вышла за подписью Флеровского в Петербурге в 1871 г. Из предположенных автором трех частей в книгу вошли 1-я и 2-я. Правительство в скором времени стало изымать из продажи и уничтожать эту книгу. Полностью сочинения Берви вышли только в 1894 г. в Лондоне, в издании „Вольной русской прессы“. О значении книги см. предисловие.

[70] Те основные идеи Берви, которые он высказал в своей книге, показывают в нем настоящего идеалиста и утописта. Он убежден, что стоит только внушить людям правильные взгляды—и социальный вопрос будет разрешен. Для него, как для идеалиста „мнения правят миром“.

[71] Обручев Ник. Ник. (1830—1904).—Полковник генерального штаба. В 1861 г. был близок к Чернышевскому, являлся одним из организаторов тайного общества „Земля и Воля“. Вместе с Огаревым принимал участие в составлении прокламаций „Что нужно народу?“ „Что надо делать войску?“ Впоследствии генерал от инфантерии, начальник главного штаба, член государственного совета.

[72] Каракозов. Дмитр. Влад. (1842 — 1866). — Деятель революционного движения 60-х годов. покушался (неудачно) на русского царя Александра II, 4 апреля 1856 года. По приговору верховного уголовного суда казнен 3 сентября 1866 г.

[73] Дело о заговорщицкой организации Сергея Нечаева слушалось Петербургской Судебной Палатой в 1871 г. Организация эта возникла осенью 1869 г. по почину и под руководством С. Нечаева, выступавшего в качестве уполномоченного несуществовавшего на самом деле комитета „Народной Расправы“, а на самом деле бывшего первым в России агентом известного анархистского бунтаря Мих. Бакунина. Указывая на неминуемую близость народной революции, которая сокрушит все, С. Нечаев призывал молодежь расчистить ей путь путем широкого применения террора к представителям власти и к отдельным представителям командующих классов. „Катехизис Революционера“ Нечаева (напечатан полностью в журнале „Борьба классов“ № 1—2 за 1924 г.) рассчитан был на профессиональных революционеров, всецело посвятивших себя делу народного бунта. „Революционер—человек обреченный“,—говорилось в § 1 „Катехизиса“. Для него существует одна цель—революция, одна наука—разрушение. В основу заговорщической организации положен был принцип железной дисциплины. Когда один из членов нечаевского кружка — студент Пе-

тровской с.-х. академии Ив. Иванов — сделал попытку уклониться от подчинения руководству С. Нечаева, он был убит по инициативе последнего остальными членами кружка. Это убийство повело к раскрытию организации и к аресту ее членов. Всего арестовано было 87 человек, из них четверо осуждено было на каторжные работы.

Сам Нечаев бежал за границу. Там за ним усиленно гонялись агенты царского правительства. Наконец в 1872 г. его арестовывают в Швейцарии и выдают России, как уголовного преступника. В 1873 г. его приговаривают к 20-летней каторге, но вместо того его заключают в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Но и здесь огромной революционной энергии великого бунтаря удается победить препятствия баснословно тяжелого режима — часть охраны поддается его пропаганде и содействует его связи с волей и даже с Исполнительным Комитетом Народной Воли. Нечаев подготовлял свой побег, но отложил его, узнав, что народовольцы усиленно охотятся за самим царем и что побег его мог бы повредить успеху их предприятия. Вскоре после 1 марта 1881 г. связь Нечаева с волей была раскрыта. Нечаев после этого содержался в условиях абсолютной изоляции и умер 21 ноября 1882 г.

[74] Муравьев, Николай Валерьянович (1850—1908). - Прокурор-обвинитель по процессу 1-го марта 1881 года. Затем последовательно— государственный секретарь, министр юстиции, посол в Риме. Народовольцы в 1884 году покушались на его жизнь и хотели с помощью арестованного студента Петра Ковалева застрелить его, но об убийстве узнала полиция. Она не ликвидировала в корне подготовку к убийству, а дала возможность П. Ковалеву явиться к Муравьеву на допрос, обезоружив его у входа. Убийство фактически было инсценировано, а Ковалев раскаялся.

[75] Камбиз. Царь древней Персии в VI в. до нашей эры. Покоритель Египта.

[76] Нерон. Римский император первого века нашей эры. Славился своей жестокостью.

[77] Перовская, Софья Львовна—одна из наиболее выдающихся деятельниц „Земли и Воли" и „Народной Воли". Будучи родом из сановной, аристократической семьи, она очень рано начинает борьбу со старым укладом—прежде всего в форме борьбы за знание, за право учиться. Совсем молодой девушкой (16 лет) она в 1869 г. при

езжает в Петербург и поступает на курсы, участвует в кружках самообразования. Здесь она знакомится с сочинениями Писарева, Добролюбова и Чернышевского, которые становятся для нее, как и для всей молодежи того времени, учителями и наставниками жизни. В 1871 г. С. Л. Перовская является активным членом кружка чайковцев.

Еще до начала периода „хождения в народ“ С. Л. Перовская работает некоторое время оспопрививательницей в Ставропольской губернии и таким образом знакомится с бытом и психологией крестьян. Вернувшись в Петербург, она принимает деятельное участие в пропаганде среди рабочих, организованной чайковцами. Арестованная при разгроме кружка чайковцев в конце 1873 г., она после нескольких месяцев заключения в Петропавловской крепости выпускается на поруки к отцу. Он отправляет ее в Крым, где находилось их имение. Свыше 3 лет С. Перовская, привлеченная по „большому процессу“ (193-х), ожидала разбора дела, живя под строгим надзором. Несмотря на ее мужественное поведение на суде она была оправдана за отсутствием улик. Это не помешало царской полиции назначить ее к административной высылке в Олонецкую губернию. Отправленная под конвоем на место ссылки С. Перовская бежала с пути (со ст. Чудово). Перейдя на нелегальное положение, С. Л. развивает лихорадочную работу. Прежде всего она руководит рядом попыток освобождения пересылаемых или сидящих в тюрьмах революционеров. Одновременно она делала неоднократные, но тщетные попытки вместе с некоторыми другими товарищами восстановить кружок чайковцев. При возникновении в 1878 г. общества „Земля и Воля“ С. Перовская— деятельнейший и преданнейший член этого общества. После раскола „Земли и Воли“ С. Перовская некоторое время колеблется, присоединиться ли ей к „деревенщикам“ из „Черного Передела“ или вступить ей в „Народную Волю“. Лишь после долгих споров и большой внутренней борьбы она примкнула к направлению „Народной Воли“, и, как пишет Степняк-Кравчинский, „раз примкнувши, она отдалась ему всецело, без оглядки, как все цельные натуры, и обнаружила во всем блеске свои дарования и энергию“. С. Перовская с этого момента и вплоть до столь раннего конца своей жизни становится одним из основных членов „Исполнительного Комитета Народной Воли“, а после ареста Желябова 27 февраля 1881 г. она руководила последними решающими действиями террористов при организации покушения 1 марта 1881 г. Арестованная 10 марта и приговорен-

ная судом к повешению, она на суде и во время казни проявила ту же героическую силу духа, что и в продолжение 10 с лишним лет борьбы.

[78] То, что рассказывает Берви о хозяйничаньи С. Л. Перовской в III отделении, совершенно неправдоподобно и не раз опровергалось в печати товарищами Перовской.

[79] „Вперед"—социалистическая газета. Издавалась за границей под редакцией теоретика народничества Лаврова. № 1 журнала „Вперед" вышел в 1873 г. в Цюрихе. С 3 января 1875 г. выходит газетой № 1 „Вперед". В конце 1876 г. в Париже состоялся революционный съезд. После съезда П. Лавров отказался редактировать „Вперед", и газета прекратила свое существование.

[80] „Колокол"—периодическое издание, выпускавшееся Герценом за границей с 1857 г. до 1867 г. В конце 50-х и начале 60-х гг. „Колокол" имел большое распространение в России и пользовался сильным влиянием в либеральных дворянских и буржуазных кругах. С 1863 г., когда в этих кругах началась реакция под влиянием польского восстания, влияние „Колокола" упало.

[81] „Полярная Звезда" — периодический сборник статей и материалов, посвященных русскому освободительному движению, выпускавшийся Герценом в Лондоне с 1855 г. Такое название Герцен взял в память о литературном альманахе „Полярная Звезда", издававшемся в 20-х гг. XIX в. декабристами.

[82] За границей была напечатана брошюра Берви „О мученике Николае или как должен жить человек по закону природы и правды". Потом, в переделанном виде, ее напечатали долгушинцы летом 1873 г. в дер. Сараеве, Звенигородского уезда, под названием „Как должно жить по закону природы и правды".

[83] Достоевский Фед. Мих. (1821—1881).—Русский романист, имеющий мировую известность. В 1848 г. за участие в кружке Петрашевского приговорен к каторге. Впоследствии принадлежал к лагерю реакционеров, безусловных сторонников самодержавия и православия.

[84] Под книжкой о религии равенства Берви подразумевает здесь свою брошюру „Как должно жить по закону природы и правды". В 70-е годы Берви был целиком захвачен мыслью о необходи-

мости соединения революционных стремлений с какой-то религией, хотя и без бога. Свои личные стремления он приписывал и другим—ему казалось, что вокруг ждали создания новой религии.

[85] Аскетический рационализм. Рационализм—мировоззрение, основанное на убеждении в исключительном и господствующем значении разума в человеческих делах. Аскетический—от слова аскетизм, что значит: суровое ограничение своих жизненных потребностей.

[86] Автор „Писем из деревни" Энгельгардт А. Н. (1832—1893).—Народнический публицист. Был профессором химии в Петербурге, а затем в 70-х годах бросил кафедру и поселился в имении, где занимался улучшением сельского хозяйства и литературной работой. Призывал интеллигенцию поднять умственный и нравственный уровень народа, идя „в народ". В „Письмах из деревни" автор изложил свои взгляды.

[87] Демонстрация на площади у Казанского собора была организована только-что образовавшейся „Северной революционно-народнической группой" (позднее принявшей название „Земля и Воля"). Демонстрация вышла очень немногочисленной, но она была устроена по инициативе рабочих и является первой рабочей демонстрацией. Оратором, произнесшим на площади у собора, под развернутым знаменем с надписью „Земля и Воля", небольшую речь, был знаменитый Г. В. Плеханов—впоследствии один из основоположников русской социал-демократии.

[88] Емельянов Алексей Степан.—Землеволец, по делу о демонстрации на Казанской площади был приговорен к 15 годам каторги. Есть основание предполагать, что он не был участником демонстрации, а случайно проходил мимо. Расправа с Емельяновым в доме предварительного заключения произошла 13 июля 1877 г. Уже в конце 70-х гг., находясь в заключении, Емельянов стал обнаруживать признаки душевного расстройства и умер в психиатрической больнице.

[89] Засулич В. И. (1861—1919).—Впервые арестована в 1869 г. по делу последователя Бакунина—Нечаева, и в 1871 г. освобождена, находясь под надзором полиции до 1875 г. Вступает в кружок киевских бунтарей. Узнав о наказании розгами Боголюбова 24/1—1878 г., стреляла в Трепова, ранив его. Суд присяжных оправдал Засулич. После освобождения жандармы пытались ее задержать, и она эмигрировала. Вернувшись, была в числе первых чернопередельцев, а в

1880 г. снова уехала за границу. Здесь активно участвовала в Красном Кресте Народной Воли. В 1883 г.—одна из учредителей Группы Освобождения Труда—первой марксистской группы рабочей партии России. Перевела на русский язык ряд произведений Маркса. В конце 1900 г. была членом редакции „Искры". После раскола на 2-м съезде партии в 1903 г. примкнула к меньшевикам. В 1905 г. вернулась в Россию после амнистии. Во время реакции 1907—1910 гг., была в рядах ликвидаторов. Во время войны вместе с Плехановым Г. В. занимала ярко оборонческую позицию. Во время Октябрьской революции была против переворота.

Умерла в 1919 г. в Петрограде.

[90] Мезенцев Ник. Владим. (1827 — 1878). — Генерал. Главный начальник III отделения и шеф жандармов. 4 августа 1878 г. был убит С. М. Кравчинским на улице Петербурга; поразив Мезенцева кинжалом, Кравчинский благополучно скрылся.

[91] „Вестник Европы". Ежемесячный журнал, издававшийся с 1866 по 1917 г. Орган умеренных либералов-конституционалистов из буржуазии и дворянства. Упоминаемая здесь песня про Разина—это „Утес Стеньки Разина" Навроцкого, помещенный в журнале за 1870 г., № 12. Песня эта распевается и до сих пор („Есть на Волге утес").

[92] Лорис-Меликов (1825—1888).—Генерал, участник русско-турецкой войны 1877—78 гг., отличился взятием неприступной турецкой крепости Карс, за что получил титул графа. В 1879 г. был назначен сначала Астраханским, Саратовским и Самарским временным генерал-губернатором, а затем Харьковским. В феврале 1880 г. призван был спасать отечество в качестве председателя Верховной Распорядительной Комиссии для поддержания государственного порядка и общественного спокойствия. За пять месяцев работы этой комиссии Лорис-Меликов был фактическим диктатором на внутреннем фронте, ему подчинены были все генерал-губернаторы и все министры, даже судебная власть сначала не имела силы по отношению к его распоряжениям. Управление Лорис-Меликова получило название „диктатуры сердца", ибо одновременно с жестокой борьбой с революционерами, он делал кое-какие поблажки либеральному „обществу". В результате работ Верховной комиссии просуществовавшее более 50 лет III отделение (стоявшее особняком, не подчиненное ни одному из министров) преобразовано было в департамент Государственной

Полиции, состоящей в ведении министра внутренних дел. На пост первого министра внутренних дел с расширенными правами и полномочиями назначен был опять-таки тот же Лорис-Меликов.

В начале 1881 г. он представил Александру II проект созыва особых совещательных комиссий с участием выборных представителей от земств и городов для рассмотрения некоторых законодательных проектов. Этот проект, обычно обозначаемый не совсем основательно „конституцией" Лорис-Меликова, одобрен был Александром II, но после его смерти 1 марта 1881 г. его преемник, под влиянием Победоносцева и др., отверг его. В начале мая 1881 г. Лорис-Меликов ушел в отставку.

[93] Толстой Д. А. (1823—1889). — С 1865 г. — обер-прокурор синода, а с 1866 г.—одновременно министр народного просвещения. Стараясь отвлечь внимание молодежи от современности, поставил в центр школьного изучения древние языки. С 1882 г. — министр внутренних дел. Автор реакционных законов и преобразований. Ограничил самостоятельность земства введением института земских начальников, провел ряд законов к возвышению дворянства, ограничил крестьянское самоуправление, ограничил печать.

[94] Александр III (1845—1894).—Русский император. Вступил на престол в 1881 г. после убийства народовольцами Александра II. Умственно ограниченный человек, резко высказывался против представительного собрания, выборного начала в России. Реакция при Александре III достигла наибольших размеров. Вместо ожидаемой обществом конституции, он издал манифест, в котором говорилось, что „в силу истины самодержавной власти, которую мы (Александр III. призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений". Наибольшим влиянием у Александра пользовался его воспитатель—мракобес Победоносцев. Страна управлялась террором. Народовольцы неоднократно покушались на Александра. Умер естественной смертью, явившейся результатом пьянства.

[95] Свои воспоминания Берви писал в 90-е годы, в самом начале царствования Николая II.

[96] Игнатьев Николай Павлович, граф (1832—1908).—В царствование Александра II—видный дипломат. Неудачные для русского правительства результаты берлинского конгресса (после русско-турецкой войны 1877—78 гг.) показали его неосновательность, как дипломата,

В 1881 г., в самом начале царствования Александра III, был назначен министром внутренних дел и оставался на этом посту один год. Заявлял о своих симпатиях к земскому собору, на славянофильский манер, но легко отказался от этой идеи. Им было издано 14 августа 1881 г. „Положение об усиленной и чрезвычайной охране", служившее правительству сильнейшим средством в борьбе с революцией.

[97] Зайцев Варфоломей Александрович (умер в 1882 г. в Швейцарии)—один из ярких литераторов 60-х годов прошлого века, участвовавший в передовых журналах. Работал вместе с Писаревым в „Русском Слове" (здесь он вел библиографический отдел). Ряд статей (критических) он напечатал в журналах „Дело", „Отечественные Записки" (70-х годов). Занимался переводами и составлением исторических работ.

Зайцев — писатель, не способный ни на какие компромиссы и не уклоняющийся от намеченного пути. Зайцев считал, что „наука, способствуя выяснению жизненных условий, является самым могучим орудием для устранения социальных зол". „Все, что лежало вне пределов общественно-необходимых задач данной эпохи, отметалось, как излишняя роскошь, казавшаяся ему бесполезным и даже вредным придатком, результатом ложного понимания насущных потребностей современников".

За границу Зайцев уехал после закрытия „Русского Слова".

[98] Соколов Николай Васильевич (1832—1889).—Подполковник генерального штаба. В 1866 г. написал книгу „Отщепенцы", задержанную цензурным комитетом. В своей книге он выставил тип нигилиста, отрекающегося от всех основ общества и идущего творить что-то новое. Автор был арестован. В 1867 г. приговорен С.-Петербургской судебной палатой к 16 мес. крепости и к административной ссылке. В 1872 г. бежал за границу. Здесь он спился, почти нищенствовал, но не терял боевого настроения. Тихомиров в своем неизданном дневнике пишет, что Соколов „был совершенно погибший пропоица и вдобавок—нищий, ничего не имевший, кроме случайных подачек сотоварищей по эмиграции. А между тем в нем были еще остатки когда-то огромных знаний. Самая наружность бросалась в глаза. Высокий, крепкого телосложения, он сохранял в лице отпечаток ума и энергии". На конференции, где присутствовал Тихомиров, выступил Соколов, который „в нескольких красноречивых фразах обрисовал всю зловредность властей и заключил отчаянной фразой, что каждый при встрече с правительственным агентом должен убить его".

[99] Ткачев Петр Никитич (1844 — 1886). — Арестован в связи с Каракозовским делом. Литературную деятельность начал в „Русском Слове“, сотрудничал в журнале „Дело“, продолжая в нем работу и при переезде за границу. В Париже был связан с революционными кругами и сам выпускал журнал „Набат“. Ткачев—крупный писатель-революционер.

[100] Щапов Афанасий Прокофьев (1830—1876).—Известный русский историк. Выходец из семьи бедного дьячка. Кончил духовную академию в Казани и там же был назначен профессором русской истории. Первый из русских историков-материалистов. В 1861 г. в с. Бездне, Казанской губ., было восстание в связи с обнародованием манифеста „Положения 19 февраля“ 1861 г. Военной силой восстание было подавлено. На панихиде по убитым Щапов произнес речь, за которую был вызван в Петербург, но по дороге арестован. От кафедры он был отстранен, работал в министерстве, но впоследствии был выслан в Сибирь и жил в Иркутске. Здесь он жил без заработка, голодный и больной.

[101] Станюкович, Константин Михайлович (1844—1903).—Беллетрист (из его произведений особенной известностью пользуются рассказы из жизни моряков). С 1881 г. соредактор журнала „Дело“, а с 1883 г. и издатель его. В 1884 г. арестован и вскоре выслан в Томскую губ. на три года: арест и высылка стояли в связи с участием в издаваемом им журнале эмигрантов (Тихомиров, Кравчинский и др.) и вызваны этими сношениями с ними.

[102] Демерт Николай Александрович (1835—1876).—Писатель-общественник. Талантливый публицист, писал по внутренней политике, сотрудничая в „Отечественных Записках“, „Московском Вестнике“, „Неделе“ и т. д.

[103] „Слово“—ежемесячный журнал, издававшийся в 1878—1881 гг. (редакторы: Н. А. Гольдсмит и Д. А. Коропчевский, затем С. А. Венгеров и П. В. Засодимский и т. д.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

1 р. 50 к.

Р

21090

Серия: „РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ“

под редакцией

В. Невского и П. Анатольева

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Гершуни, Г. А.—**Из недавнего прошлого.** Предисловие В. Невского. С портретом автора. 240 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Тихомиров, Лев.—**Заговорщики и полиция.** Предисловие В. Невского. 299 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Серошевский, В.—**Против волны.** Предисловие Феликса Кона. 215 стр. Ц. 1 р. 35 к.

Синегуб, С.—**Записки чайковца.** С предисловием И. Гладнева. 340 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Красноперов, И. М.—**Записки разночинца.** Предисловие Б. П. Козьмина. С портретом автора. 152 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бах, А.—**Записки народовольца.** Предисловие П. Анатольева. 256 стр. Ц. 1 р. 65 к.

Иванчин-Писарев, А. И.—**Хождение в народ.** Предисловие В. Невского. С портретом автора. 452 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Берви-Флеровский, В.—**Записки революционера-мечтателя.** Предисловие М. Клеванского. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Кирилл-Березовский, А. П.—**Драма в Тендеровской бухте.** Предисловие А. Панкратовой. С портретом автора.